W 517
117
BbmI

95

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. САВОДНИКА.

Выпускъ 1-ый.

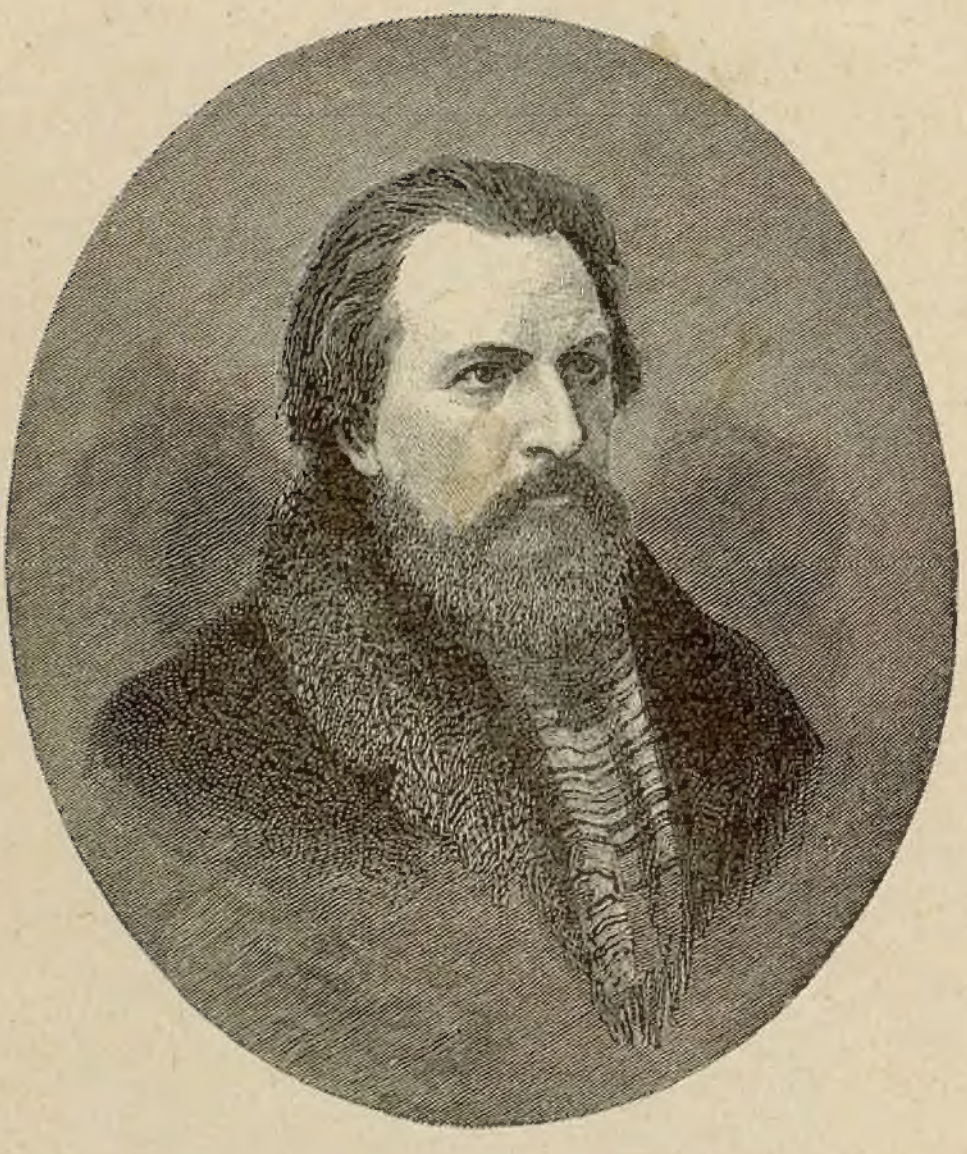
АВТОБІОГРАФІЯ.

„Мои литературныя и нравственныя скитальчества“.

(Съ біографическимъ очеркомъ В. САВОДНИКА).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ
Москва — Петроградъ — Казань.

K



Аполлонъ Александровичъ
Григорьевъ.

W S17/117 al

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Выпускъ 1-ый.

АВТОБІОГРАФІЯ.

„Мои литературныя и нравственныя скитальчества".

(Съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника).

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Библиотека имени В. И. Ленина
10905-37
2007051002

ПРЕДИСЛОВІЕ.

25 сентября прошлаго года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ критиковъ, Аполлона Григорьева. Годовщина эта, совпавшая съ грандіозными событіями міровой войны, прошла почти не отмѣченной: только 2—3 журнала посвятили памяти Григорьева особыя статьи, большинство же періодическихъ изданій не сочло нужнымъ дать о немъ даже простой біографической справки. Слѣдуетъ ли говорить о несправедливости такого пренебрежительнаго отношенія къ писателю, всю жизнь посвятившему изученію и истолкованію произведеній нашей литературы и давшему въ своихъ статьяхъ высокіе образцы критическаго анализа, богатые яркими мыслями и проникнутые чувствомъ глубокой любви къ родному слову и его носителямъ? Если современники Григорьева, въ силу различныхъ причинъ, недостаточно цѣнили его, не умѣли или не хотѣли его понять, то намъ, потомкамъ, уже давно пора отнестись внимательнѣе къ оставленному имъ богатому духовному наслѣдію. Между тѣмъ до сихъ поръ въ дѣлѣ ознакомленія русскаго общества съ этимъ наслѣдіемъ сдѣлано очень мало. У насъ до сихъ поръ нѣтъ не только полнаго собранія его сочиненій, но даже и сборника его главныхъ критическихъ работъ, изъ котораго наша публика могла бы познакомиться съ руководящими идеями нашего критика-самобытника. Въ 1876 году Н. Н. Страховъ выпустилъ 1-ый томъ собранія сочиненій Григорьева; изданіе это въ то время не имѣло успѣха и не получило дальнѣйшаго продолженія; однако съ теченіемъ времени вышедшій 1-ый томъ разошелся и нынѣ представляетъ собой уже библіографическую рѣдкость.

Предлагаемое изданіе должно восполнить этотъ пробѣлъ и ввести наконецъ идеи и взгляды Григорьева въ общій оборотъ, сдѣлать ихъ доступными сознанію русскаго общества. Сочиненія Григорьева предполагается издавать въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, изъ которыхъ каждый долженъ заключать въ себѣ отдѣльную статью и представлять такимъ образомъ самостоятельное цѣлое. Такой порядокъ изданія принятъ для того, чтобы сдѣлать его наиболѣе доступнымъ для широкихъ круговъ общества и въ особенности для нашей учащейся молодежи, которая въ критическихъ разборахъ Григорьева найдетъ много цѣнныхъ мыслей и замѣчаній, могущихъ во многомъ способствовать лучшему пониманію произведеній нашихъ великихъ писателей. Въ первую серію войдутъ 12—15 выпусковъ, въ которыхъ будутъ собраны главнѣйшія критическія статьи Григорьева, какъ тѣ, которыя были включены Страховымъ въ его изданіе, такъ и нѣкоторыя другія. Отдѣльные выпуски будутъ, въ случаѣ необходимости, снабжены вводными статьями или болѣе краткими замѣтками, а также подстрочными примѣчаніями, разъясняющими различные частности и намеки, встрѣчающіеся въ текстѣ.

Вторая серія выпусковъ будетъ заключать въ себѣ статьи Григорьева о театрѣ, представляющія большой интересъ для изученія исторіи русской драматической литературы и русской сцены. Наконецъ, въ третью серію войдутъ его собственныя художественныя произведенія: повѣсти, драматическія пьесы, стихотворенія. Издатель не ставитъ себѣ цѣли дать въ своемъ изданіи полное собраніе сочиненій Григорьева, такъ какъ, конечно, многое изъ написаннаго имъ имѣетъ въ настоящее время только историческій интересъ; цѣль его изданія болѣе узкая и болѣе скромная,—дать русской публикѣ то, что̀ есть въ произведеніяхъ Григорьева наиболѣе значительнаго и важнаго, представляющаго собой безусловную литературную цѣнность.

21 января 1915 г.

А. А. Григорьевъ.

Біографическій очеркъ.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ родился въ Москвѣ въ 1822 году. Здѣсь же, въ типично-московскомъ, патріархальномъ Замоскворѣчьѣ, прошли его дѣтскіе, отроческіе и юношескіе годы, сперва въ наемномъ домѣ въ Спасо-Болвановскомъ переулкѣ, затѣмъ въ собственномъ домикѣ на Малой Полянкѣ, вблизи церкви Спаса въ Наливкахъ.

Отецъ его, воспитанникъ Благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ и товарищъ по выпуску Жуковскаго и братьевъ Тургенева, человѣкъ по тому времени довольно образованный и нечуждый литературныхъ интересовъ, служилъ въ Городскомъ магистратѣ; мать Григорьева, дочь крѣпостного кучера Григорьевыхъ, на которой отецъ его женился по страстной любви и вопреки волѣ родителей, была женщина совершенно простая, даже полуграмотная, но отличавшаяся природнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, благодаря чему она безусловно главенствовала въ семьѣ и держала въ своихъ рукахъ весь домъ. О своей семейной обстановкѣ и объ условіяхъ, среди которыхъ протекали ранніе годы его жизни, самъ Григорьевъ подробно говоритъ въ своей автобіографіи; поэтому мы не будемъ повторять его разсказа, а ограничимся лишь нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями, сохраненными Фетомъ въ его юношескихъ воспоминаніяхъ. Фетъ былъ товарищемъ Аполлона Григорьева по университету и кромѣ того въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ въ домѣ Григорьевыхъ въ качествѣ нахлѣбника, такъ что былъ близко знакомъ съ ихъ семейнымъ бытомъ.

Семья Григорьевыхъ жила, если не богато, то во всякомъ случаѣ въ полномъ довольствѣ. Основаніемъ этого довольства было служебное положеніе отца, который, если и не бралъ прямо взятокъ, то, повидимому, не чуждался традиціонной «благодарности», подобно очень многимъ чиновникамъ того времени. По крайней мѣрѣ Фетъ опредѣленно говоритъ, что «лучшая провизія къ рыбному и мясному столу появлялась у нихъ изъ Охотнаго ряда даромъ». Фетъ слѣдующими чертами обрисовываетъ старика-отца, и взаимныя отношенія супруговъ: «Добродушный и шутливый отъ природы, Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ совершенно безпечный. Это основное качество онъ передалъ и сыну. Я нерѣдко присутствовалъ при незначительныхъ наставленіяхъ матери сыну, но никогда не слыхалъ, чтобы она наставляла своего мужа. Тѣмъ не менѣе чувствовалось въ воздухѣ, что тотъ заматерѣлый догматизмъ, подъ которымъ жилъ весь домъ, исходилъ отъ Татьяны Андреевны, а не отъ Александра Ивановича, который по рефлексіи догматически и беззавѣтно подчинялся своей женѣ».

Фетъ чрезвычайно симпатическими чертами рисуетъ портретъ своего друга и товарища, который въ это время былъ, по его выраженію, «образцомъ скромности и сдержанности». Въ качествѣ студента, онъ отличался большимъ прилежаніемъ, аккуратно посѣщалъ университетскія лекціи и усердно занимался на дому.

Отмѣчаетъ Фетъ также и его блестящую способность къ языкамъ: онъ прекрасно говорилъ по-французски, благодаря жившему у нихъ въ домѣ французу-гувернеру, котораго Фетъ, впрочемъ, уже не засталъ; убѣдившись, что безъ знанія нѣмецкаго языка серьезное образованіе невозможно, онъ усердно принялся за изученіе этого языка, взявшись прямо, помимо всякихъ учебниковъ, за чтеніе авторовъ и спрашивая у Фета незнакомые ему слова и обороты; черезъ полгода онъ настолько овладѣлъ языкомъ, что уже свободно и самостоятельно могъ читать философскія книги, начиная съ Гегеля, бывшаго въ то время «властителемъ думъ» университетской молодежи. Связующимъ звеномъ между Григорьевымъ и Фетомъ, несмотря на разницу ихъ характеровъ, была общая у нихъ обоихъ любовь къ поэзіи, которою они, по словамъ Фета, старались упиться всюду, гдѣ она имъ представлялась, «принимая иногда первую лужу

за Ипокрену». Въ это время предметомъ наибольшаго увлеченія Аполлона Григорьева были современные французскіе романтики. «При нашей встрѣчѣ,—пишетъ Фетъ,—я засталъ его погруженнымъ въ Notre Dame de Paris и драмы Виктора Гюго. Но главнымъ въ то время идоломъ Аполлона былъ Ламартинъ. Послѣднее обстоятельство было выше силъ моихъ. Несмотря на увлеченіе, съ которымъ я самъ перевелъ «Озеро» Ламартина, я сталъ фактически, чтеніемъ вслухъ, убѣждать Григорьева въ невозможной прозаичности безконечныхъ стиховъ Ламартина и довелъ Григорьева до того, что онъ сталъ бояться чтенія Ламартина, какъ фрейлины Анны Іоанновны боялись чтенія Тредьяковскаго.

Зато какъ описать восторгъ мой, когда послѣ лекціи, на которой Ив. Ив. Давыдовъ съ похвалою отозвался о появленіи книжки стиховъ Бенедиктова, я побѣжалъ въ лавку за этой книжкой!—«Что стоитъ Бенедиктовъ?»—спросилъ я приказчика.—«Пять рублей,—да и стоитъ: этотъ почище Пушкина-то будетъ.» Я заплатилъ деньги и бросился съ книжкою домой, гдѣ цѣлый вечеръ мы съ Аполлономъ съ упоеніемъ завывали при ея чтеніи. Но, поддаваясь Байроновско-французскому романтизму Григорьева, я вносилъ въ нашу среду не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды—Гёте»...

Но молодые друзья не ограничивались одними платоническими восторгами, но и сами пробовали свои силы въ области поэзіи. Кромѣ многочисленныхъ лирическихъ стихотвореній, Григорьевъ написалъ цѣлую драму въ стихахъ подъ названіемъ «Вадимъ Новгородскій», которую онъ, по словамъ Фета, декламировалъ съ величайшимъ одушевленіемъ.

«Помню,—пишетъ Фетъ,—какъ, надѣвъ шлафрокъ на опашку, вродѣ простонароднаго кафтана, онъ, войдя въ дверь нашего кабинета, бросался на полъ, восклицая:

О, земли, моя родимая,
Край отчизны, снова вижу васъ!..
Ужъ три года протекли съ тѣхъ поръ,
Какъ разстался я съ отечествомъ,
И тѣ три года за цѣлый вѣкъ
Показались мнѣ, несчастному»...

«Конечно, въ то время я еще не былъ въ силахъ видѣть все неуклюжее пустозвонство этихъ мертворожденныхъ фразъ; но

что это не ладно, я тотчасъ почувствовалъ и старался внушить это и Григорьеву... Писалъ Григорьевъ и лирическія стихотворенія, выражавшія отчаяніе юноши по случаю отсутствія въ немъ поэтическаго таланта. «Я не поэтъ, о, Боже мой!» — восклицалъ онъ:

«Зачѣмъ же злобно такъ смѣялись,
Такъ ядовито насмѣхались
Судьба и люди надо мной?»

«По этимъ стихамъ надо было бы ожидать въ Аполлонѣ зависти къ моимъ стихотворнымъ попыткамъ. Но у меня никогда не было такого ревностнаго поклонника и собирателя моихъ стихотворныхъ набросковъ, какъ Аполлонъ. Въ скорости послѣ моего помѣщенія у нихъ въ домѣ моя желтая тетрадка замѣнена была тетрадью, тщательно переписанною рукой Аполлона».

Впослѣдствіи, когда стихотворенія Фета начали печататься въ «Москвитянинѣ», Григорьевъ руководилъ выборомъ пьесъ, приводилъ ихъ въ порядокъ, придумывалъ для нихъ заглавія и т. д. Любовь къ поэзіи была у Григорьева однимъ изъ проявленій артистичности его натуры, чрезвычайно чуткой ко всему прекрасному. Это же черта проявлялась и въ его любви къ музыкѣ, въ прекрасной игрѣ на роялѣ, а также въ его увлеченіи театромъ, и въ особенности Мочаловымъ, бывшимъ въ то время кумиромъ всей романтически настроенной московской молодежи.

Фетъ образно и живо разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое производила на молодыхъ друзей игра знаменитаго трагика въ Гамлетѣ, заставлявшая весь зрительный залъ замирать и таять дыханіе... Эта любовь къ театру сохранилась у Григорьева на всю жизнь, проявившись, вмѣстѣ съ тонкимъ пониманіемъ сценическаго искусства, въ его многочисленныхъ театральныхъ статьяхъ и рецензіяхъ.

Отмѣчаетъ Фетъ въ молодомъ Григорьевѣ еще одну очень характерную для него черту, именно общительность. Уже въ университетскіе годы вокругъ Григорьева сгруппировался довольно многолюдный студенческій кружокъ, въ составъ котораго входили нѣкоторыя лица, заслужившія впослѣдствіи извѣстность на тѣхъ или другихъ поприщахъ дѣятельности, каковы: С. М. Соловьевъ, Я. П. Полонскій, К. Д. Кавелинъ, князь В. А. Черкасскій, А. Е. Студитскій (переводчикъ Шек-

спира и Байрона), художникъ Боклевскій и нѣкоторыя другія. Предметомъ интересовъ и толковъ всей этой молодежи были по преимуществу поэзія и философія: имя Гегеля такъ часто повторялось во время этихъ товарищескихъ споровъ, что его усвоилъ себѣ даже слуга Григорьева Иванъ, который поэтому и былъ самъ прозванъ Гегелемъ.

Отмѣнное прилежаніе и успѣхи Григорьева обратили на него вниманіе университетскихъ профессоровъ, а также самого попечителя Московскаго университета, знаменитаго графа С. Г. Строгонова, который даже вызывалъ его къ себѣ для объясненія по поводу блестяще написаннаго французскаго разсужденія, отличавшагося такими достоинствами, что графъ усомнился, чтобы оно могло принадлежать перу студента. Изъ числа профессоровъ особенное вниманіе оказывали молодому Григорьеву П. Д. Бѣляевъ и Никита Нв. Крыловъ. Послѣдній, не отличавшійся вообще особой доступностью и общительностью, настолько выдѣлялъ молодого Григорьева изъ среды его товарищей, что даже приглашалъ его къ себѣ въ домъ, что̀ въ тѣ времена считалось для студента исключительною честью.

Въ 1842 году Григорьевъ окончилъ университетъ первымъ кандидатомъ и, благодаря рекомендаціи Крылова, былъ вскорѣ избранъ университетскимъ библіотекаремъ. Противъ ожиданія, изъ ревностнаго и аккуратнаго студента не вышло исполнительнаго чиновника: онъ относился къ своимъ обязанностямъ невнимательно и даже небрежно, такъ что Совѣту университета уже скоро пришлось убѣдиться въ малой пригодности его къ порученному дѣлу. Тогда покровительствовавшій Григорьеву Крыловъ выхлопоталъ ему назначеніе секретаремъ университетскаго правленія. Однако и новыя обязанности не заинтересовали Григорьева,—и онъ въ скоромъ времени самъ долженъ былъ убѣдиться въ своей полной неспособности къ службѣ, требовавшей вниманія и аккуратности. Къ этому присоединилось еще недовольство условіями домашней жизни: въ домѣ на окончившаго университетскій курсъ молодого человѣка продолжали смотрѣть, какъ на подростка, слѣдили за всякимъ его шагомъ, а по субботамъ вечеромъ попрежнему въ его комнату являлся слуга съ приглашеніемъ: «пожалуйте къ мамашенькѣ — головку чесать»... Этотъ «семейный догматизмъ», какъ самъ Григорьевъ прозвалъ строгій домашній порядокъ, за неукоснительнымъ со-

блюденіемъ котораго слѣдила въ особенности его мать, сталъ наконецъ настолько въ тягость Григорьеву, что онъ рѣшилъ бѣжать изъ родного дома въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся безъ труда найти себѣ службу или какой-либо литературный заработокъ, тѣмъ болѣе, что, еще живя въ Москвѣ, онъ уже обратился къ литературнымъ занятіямъ, помѣстивъ въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ» (1843 г., № 11) нѣсколько стихотвореній, подъ псевдонимомъ А. Гриссегистова. Выборъ этого псевдонима, быть можетъ, находится въ извѣстной связи съ тѣмъ мистическимъ настроеніемъ, которое, по свидѣтельству Фета, около этого времени овладѣло имъ: онъ даже говорилъ Фету о своемъ поступленіи въ масонскій орденъ и вообще держался съ нѣкоторой таинственностью.

«Насколько было правды въ этомъ масонствѣ,—пишетъ Фетъ,—судить не берусь, знаю только, что въ этотъ періодъ времени Григорьевъ отъ самаго отчаяннаго атеизма однимъ скачкомъ переходилъ въ крайній аскетизмъ, и молился передъ образомъ, налѣпляя и зажигая на всѣхъ пальцахъ по восковой свѣчкѣ.... Однажды, къ крайнему моему изумленію, онъ объявилъ мнѣ, что получилъ изъ масонской ложи временное вспомоществованіе и завтра же уѣзжаетъ въ три часа дня въ дилижансѣ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего проситъ меня проводить его до Шевалдышевской гостиницы, откуда уходитъ дилижансъ, и затѣмъ вернувшись съ возможною мягкостью объявить старикамъ о случившемся. Онъ ссылался на нестерпимость семейнаго догматизма и умолялъ во имя дружбы исполнить его просьбу. Прожить уроками и литературнымъ трудомъ казалось ему самой легкой задачей.

«Сборы его были несложны, ограничиваясь едва-ли не бѣльемъ и платьемъ, бывшимъ на немъ въ данную минуту, такъ какъ остальное было на рукахъ Татьяны Андреевны, у которой нельзя было выпросить вещей въ большемъ количествѣ, не возбудивъ подозрѣнія. Въ минуту отъѣзда дилижанса мы пожали другъ другу руки, и Аполлонъ вошелъ въ экипажъ. Когда дилижансъ тронулся, я почувствовалъ себя какъ-бы въ опустѣломъ городѣ. Это чувство спертливой пустоты я донесъ съ собою на Григорьевскія антресоли. Не буду описывать взрыва негодованія со стороны Александра Ивановича и жалобнаго плача Татьяны Андреевны послѣ моего объявленія объ отъѣздѣ сына,

Только успокоившись нѣсколько, на другой день, они рѣшились послать вслѣдъ за сыномъ слугу Ивана-Гегеля съ платьемъ, туалетными вещами и нѣсколькими сотнями рублей денегъ. При отъѣздѣ Аполлонъ сказалъ мнѣ, у кого можно было искать его въ Петербургѣ. Оказалось, что Аполлонъ по добродушной безшабашности роздалъ множество книгъ изъ университетской библіотеки, которыя мнѣ пришлось не безъ хлопотъ возвращать на старое мѣсто».

Въ Петербургѣ Григорьевъ провелъ болѣе трехъ лѣтъ, съ осени 1843-го до начала 1847 года. Объ этомъ періодѣ его жизни мы имѣемъ лишь скудныя и случайныя свѣдѣнія. Какимъ-то образомъ Григорьеву удалось устроиться на службѣ сперва въ петербургской Управѣ благочинія, а затѣмъ въ 1-мъ департаментѣ Сената; но, какъ это и можно было ожидать по предыдущимъ опытамъ, сколько-нибудь сноснаго чиновника изъ него не вышло, и онъ въ концѣ-концовъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Удачнѣе пошла его литературная дѣятельность: онъ познакомился съ редакторомъ театральнаго журнала: «Репертуаръ и Пантеонъ» В. С. Межевичемъ и принялъ ближайшее участіе въ этомъ изданіи. Онъ, по собственному выраженію, «съ увлеченіемъ и азартомъ» писалъ повѣсти, разсказы въ стихахъ и прозѣ («Офелія», «Робертъ Дьяволъ», «Одинъ изъ многихъ», «Встрѣча»), лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя, драматическія произведенія, критическія статьи о театрѣ и т. д. Особенно увлекался Григорьевъ, какъ и раньше въ Москвѣ, театромъ, причемъ наибольшее впечатлѣніе производила на него игра Вѣры Васильевны Самойловой, «высокой артистки», какъ онъ называетъ ее во вступленіи къ своимъ воспоминаніямъ, бывшей въ то время въ расцвѣтѣ своихъ силъ и своей славы. Восторженнымъ поклонникомъ Самойловой оставался Григорьевъ и впослѣдствіи, когда она въ началѣ 50-хъ годовъ пріѣзжала на гастроли въ Москву.

Въ 1846 году Григорьевъ издалъ небольшую книжку своихъ стихотвореній, вызвавшую статью-рецензію Бѣлинскаго. Въ этой статьѣ знаменитый критикъ нашъ очень вѣрно отмѣчаетъ положительныя и отрицательныя стороны поэтическаго творчества Григорьева. Указывая на преобладаніе въ его лирикѣ *рефлексіи*, Бѣлинскій говоритъ: «Въ его стихотвореніяхъ прорываются проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодованія. Видишь въ нихъ умъ

и чувство, но не видишь фантазіи, творчества. Мѣстами стихъ его бываетъ силенъ и прекраснъ, но тогда только, когда онъ одушевленъ негодованіемъ, превращается въ бичъ сатиры, касаясь нѣкоторыхъ явленій дѣйствительности (какъ, напр., въ разсказѣ «Олимпій Радинъ», мимоходныя замѣтки о Москвѣ, о семейственности). Въ лиризмѣ же его стихъ прозаиченъ, неладокъ, нескладенъ, вялъ. Вездѣ одни разсужденія, нигдѣ образовъ, картинъ». Отмѣчаетъ Бѣлинскій и крайній субъективизмъ поэтическаго творчества Григорьева. «Григорьевъ,—пишетъ онъ,—почти неизмѣнный герой своихъ стихотвореній. Онъ пѣвецъ вѣчно одного и того же предмета—собственнаго своего страданія... Г. Григорьевъ силится сдѣлать изъ своей поэзіи апофеозу страданія; но читатель не сочувствуетъ его страданію, потому что не понимаетъ ни причины его, ни его характера,—и мысль поэта носится передъ нимъ въ какомъ-то туманѣ. Какое это страданіе, отъ чего оно—Богъ вѣсть! Есть ли это гордость ума, эгоизмъ могущественной натуры, сила отрицанія—при жаждѣ истины? Едва-ли знаетъ это самъ поэтъ». Подводя общій итогъ своимъ впечатлѣніямъ, Бѣлинскій говоритъ: «Какими бы ни казались намъ стихотворенія г. Григорьева, мы все-таки увидѣли въ нихъ не совсѣмъ обыкновенное явленіе, и они возбудили въ насъ живой интересъ къ личности ихъ автора, о которомъ мы знаемъ только по его стихотвореніямъ. Мы сказали выше, что онъ не поэтъ, и повторяемъ это теперь; но онъ глубоко чувствуетъ и многое глубоко понимаетъ: это иногда дѣлаетъ его поэтомъ». Для доказательства этой мысли Бѣлинскій выписываетъ затѣмъ цѣликомъ стихотвореніе Григорьева: «Городъ», которое онъ самъ называетъ «сильнымъ» и «прекраснымъ», дышащимъ поэтическимъ обаяніемъ, не смотря на болѣзненное настроеніе мысли.

Отмѣченное Бѣлинскимъ въ стихотвореніяхъ Григорьева болѣзненное настроеніе мысли было, несомнѣнно, результатомъ той внутренней неуравновѣшенности, которая нерѣдко проявлялась также въ его поведеніи и образѣ жизни. Освобожденный изъ подъ власти строгаго «семейнаго догматизма», очутившись въ Петербургѣ въ полномъ одиночествѣ и на полной волѣ, Григорьевъ безудержно отдался всѣмъ порывамъ молодой и страстной натуры, приводившимъ его къ различнымъ «экстравагантностямъ», какъ онъ впослѣдствіи выражался по этому поводу.

Развитію въ немъ склонности къ широкой и разгульной жизни, помимо, быть можетъ, природнаго расположенія, немало способствовала также и та среда, въ которой онъ въ то время преимущественно вращался, среда мелкой литературной и театральной братіи, міръ закулисныхъ интригъ и журнальныхъ сплетенъ «странно-пошлый міръ», по его собственному позднѣйшему опредѣленію, живьемъ зарисованный впослѣдствіи Панаевымъ въ его повѣсти «Литературная тля». Неблагопріятные слухи о поведеніи и образѣ жизни Григорьева не замедлили дойти и до Москвы и принудили его выступить съ объясненіемъ и оправданіемъ своихъ поступковъ въ письмѣ къ М. П. Погодину, который, повидимому, на правахъ стараго руководителя юношества обратился къ своему бывшему слушателю съ какими то увѣщаніями. Вотъ что писалъ Григорьевъ въ отвѣтъ на письмо Погодина: «Благодарю васъ за память обо мнѣ, благодарю васъ за участіе. Но я долженъ оправдаться передъ вами въ разнаго рода слухахъ. Я оставилъ службу, потому что не могу служить, потому что служба убиваетъ, потому что, наконецъ, я чувствую въ себѣ силы дѣлать на свѣтѣ что-нибудь лучшее, чѣмъ вести настольные реестры, ибо оные, можетъ быть, очень полезны сами по себѣ, но только для этого полезнаго дѣла современемъ изобрѣтутся машины. Кто чувствуетъ въ себѣ присутствіе жизненной силы, кто сознаетъ въ себѣ Бога, то-есть, человѣка, тому стыдно губить полдня на машинную дѣятельность, особенно если онъ не пылаетъ возвышенной страстью къ разнымъ степенямъ Владиміровъ, Аннъ и Станиславовъ... Въ Петербургѣ я не развратничаю, а добываю свой хлѣбъ трудомъ, часто горькимъ и почти всегда неблагодарнымъ, но, клянусь Богомъ—не жалуюсь. Имѣю честь положительно изложить вамъ, что я дѣлаю и дѣлалъ, кромѣ писанія стиховъ, которыхъ сборникъ буду имѣть честь скоро представить вамъ въ печати: кромѣ романа, котораго половина напечатана уже въ *Репертуарѣ*, кромѣ, наконецъ, бездны повѣстей и разныхъ книжонокъ, переведенныхъ мною безъ имени для поддержанія моего существованія, я перевожу: 1) пѣсни Беранже, которыя къ январю, надѣюсь, выйдутъ книжкой.—2) Я перевелъ: *L'école des Vieillards* Делавиня въ стихахъ; *Louis XI* его же, въ стихахъ; *Richelieu* Lemercier въ стихахъ; *La Journée d'Alcibiade*, Lemercier въ прозѣ; *Минну фонъ Барнгельмъ* Лессинга въ прозѣ.—3) Написалъ

драму, которая выйдетъ вмѣстѣ съ стихотвореніями. Доказательства ясныя, кажется, что я работаю. Родные мои звали меня въ Москву,—но скажите, ради Бога, что я буду тамъ дѣлать? Служить я не могу,—*филистерствовать* тоже, ибо вы сами слишкомъ хорошо знаете, какъ пошлъ, глупъ и цинически подлъ юридическій факультетъ. Когда оставите университетъ вы, Давыдовъ, отчасти Шевыревъ, тогда, за исключеніемъ добраго, хотя и ограниченнаго Грановскаго и свѣжаго еще, благороднаго, хотя исполненнаго предразсудковъ и Византійской религіи Соловьева, остается стадо скотовъ, богохульствующихъ на науку. Вы помните, какою безотрадною тоской терзался я отъ безплодности ихъ ученій, полныхъ циническаго рабства, прикрытаго лохмотьями западной науки. Что же мнѣ тамъ дѣлать, мнѣ—фанатику, который не можетъ равнодушно слышать мерзостей, который обрекъ себя бороться, страдать до смерти?.. Я готовъ смириться передъ вами, какъ передъ наставникомъ и отцомъ, но не требуйте отъ меня уваженія къ тому, что я ненавижу и презираю. Я любилъ—это правда—но давно уже отказался отъ всякой мысли о личномъ счастіи, давно уже смотрю на себя, какъ на часть цѣлаго человѣчества, и на страданія свои, какъ на страданія эпохи. И поэтому-то я и мѣю святое право быть гордымъ. Есть двѣ дороги—дорога общая, избитая, и дорога просто; я выбралъ послѣднюю. Благословите же меня, а не проклинайте».

Въ другомъ письмѣ къ Погодину, относящемся къ тому же времени, Григорьевъ пишетъ между прочимъ: «Тяжело мнѣ оправдываться въ такихъ вещахъ, о которыхъ я не хотѣлъ бы и слегка говорить съ вами... За что именно сдѣлали меня предметомъ разнаго рода разсказовъ—не знаю. Скажу вамъ слово одно: если я и заблуждался, то заблуждался благородно, ища истины и свободы: минуты, когда я забывалъ собственное достоинство, были слишкомъ рѣдки, и онѣ прошли давно. Одно мое заблужденіе было слишкомъ сильное, вѣра въ душу человѣка, но раскаиваться въ этомъ святомъ заблужденіи было бы богохульствомъ. Благодарю васъ за ваше письмо, за то, что вы еще поддерживаете во мнѣ вѣру въ людей... Вамъ страненъ выборъ моихъ переводовъ? Делавиня я переводилъ для сцены, а перевести Беранже считаю за notion méritoire, ибо это—поэтъ истины, поэтъ будущаго. Погодите немного, можетъ быть, при-

мусь и за древнихъ. Очень пріятно было бы работать что-нибудь на *Москвитянинѣ*, ибо времени достаточно, хотя въ январѣ я сбираюсь держать магистерскій экзаменъ. Зачѣмъ? — спросите вы,—просто изъ самолюбія и ужъ, конечно, менѣе всего изъ ревности къ юриспруденціи, которую всю, какъ вы знаете, считаю я страшною *ложью на Духа Святаго*, то есть, клеветою на человѣка и человѣчность... Признаюсь, какое-то злобное удовольствіе чувствую я, думая иногда, какъ не любятъ меня филистеры: недавно я узналъ, что ѣдущихъ въ Петербургъ кандидатовъ Н. П. Крыловъ предупреждаетъ насчетъ знакомства со мною—mensonge et illusion! На вашихъ глазахъ я, бывало, божился и клялся этимъ человѣкомъ... точнѣе, впрочемъ, не имъ... но *пусть минувшее будетъ минувшимъ*, скажу я словами поэта. Впереди еще такъ много—если не счастія, то по крайней мѣрѣ дѣятельности и убѣжденія пройти по жизни благороднымъ и свободнымъ. О себѣ имѣю честь донести вамъ, что я физически здоровъ какъ нельзя болѣе, и только иногда боленъ морально припадками хандры... Соловьеву скажите, что я его попрежнему люблю, и если отвѣчалъ ему рѣзко, то потому только, что между нимъ и мною встали разные предразсудки. Грановскому я писалъ отсюда два раза еще въ прошломъ году, но отвѣта не получалъ: неужели онъ возгордился пошлою филистерскою гордостью? Неужели и слишкомъ немногіе люди духа, люди стремленій, люди желанія должны быть разрознены вслѣдствіе разныхъ мелкихъ претензій? Всѣ эти претензіи называются на техническомъ языкѣ филистеріи *убѣжденіями*, и вслѣдствіе оныхъ убѣжденій я, напримѣръ, исповѣдуя Фурье, долженъ же терпѣть гегелистовъ и т. д. Не знаю—хорошо ли это, но я понимаю одну только ненависть—къ подлости и филистеріи, то есть, къ раздвоенію мышленія и жизни».

Эти письма къ Погодину представляютъ значительный біографическій интересъ, потому что бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ періодъ жизни Григорьева, о которомъ мы имѣемъ лишь самыя скудныя фактическія свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенные выше отрывки ясно показываютъ, что въ эту пору жизни взгляды и мнѣнія Григорьева еще не установились, не получили опредѣленной окраски, и что онъ былъ еще очень далекъ отъ тѣхъ воззрѣній, къ которымъ онъ пришелъ нѣсколько позднѣе и которыя легли въ основу всего его міросозерцанія. Нѣкото-

рыя отдѣльныя замѣчанія, какъ, напр., о «византинизмѣ» Соловьева, какъ будто бы даже изобличаютъ вліяніе тѣхъ идей, главнымъ представителемъ которыхъ въ эту эпоху былъ Бѣлинскій, выступавшій въ своихъ статьяхъ, а еще болѣе въ своихъ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ горячимъ проповѣдникомъ новой религіи, религіи «человѣчества и человѣчности». Недаромъ эти самыя слова нѣсколько разъ мелькаютъ подъ перомъ Григорьева... Вліяніе идей Бѣлинскаго сказалось и въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ,—напр., въ указанномъ выше стихотвореніи «Городокъ», о которомъ Бѣлинскій отозвался съ особенной похвалой. Характерно также, что въ написанной Григорьевымъ въ это время стихотворной пьесѣ: «Два эгоизма» («Репертуаръ и Пантеонъ», 1845 г., т. 12-й) онъ выводитъ въ нѣсколько комическомъ видѣ нѣкоего *Баскакова*, «философа-славянофила», въ лицѣ котораго современники узнавали Константина Аксакова; Баскаковъ является въ свѣтскихъ гостиныхъ въ «костюмѣ истинно-славянскомъ»: въ красныхъ шароварахъ, охабнѣ и съ мурмолкой подъ мышкой; въ своихъ рѣчахъ онъ проповѣдуетъ ломостроевскіе взгляды на семейную власть мужа, отстаивая въ возникшемъ спорѣ его право наказывать провинившуюся жену («Мужъ можетъ бить ее, но убивать не смѣетъ»). Впрочемъ, въ той же пьесѣ и въ такомъ же карикатурномъ видѣ изображенъ и нѣкій «фурьеристъ *Петрушевскій*», въ лицѣ котораго Григорьевъ, повидимому, хотѣлъ изобразить Петрашевскаго, уже тогда извѣстнаго въ Петербургѣ въ качествѣ горячаго поклонника и проповѣдника фурьеризма.

Хотя въ своихъ письмахъ къ Погодину Григорьевъ и выступаетъ въ роли обиженной невинности, но едва ли его объясненія и самооправданія могли вполнѣ достигнуть своей цѣли, такъ какъ тѣ слухи, которые распространялись въ Москвѣ его врагами или слишкомъ усердными друзьями, несомнѣнно, имѣли подъ собой совершенно опредѣленное основаніе. Это видно изъ того, что въ концѣ пребыванія Григорьева въ Петербургѣ онъ настолько запутался въ долгахъ и дошелъ до такого отчаяннаго положенія, что отцу его пришлось лично съѣздить въ сѣверную столицу, чтобы выручить изъ бѣды своего блуднаго сына, котораго и привезъ обратно въ Москву, въ началѣ 1847 году.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву Григорьевъ женился

на Лидіи Ѳедоровнѣ Корнъ, съ которой онъ познакомился еще раньше въ домѣ Н. Ѳ. Крылова, женатаго на ея старшей сестрѣ (на другой сестрѣ былъ женатъ К. Д. Кавелинъ). Семейная жизнь, требовавшая опредѣленныхъ средствъ, заставила его взять на себя преподаваніе законовѣдѣнія въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ и въ 1-ой мужской гимназіи. Впрочемъ, не оставлялъ Григорьевъ и литературныхъ занятій. Въ 1847 году онъ особенно усердно сотрудничалъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», ежедневной газетѣ, редакторомъ которой былъ Драшусовъ, а сотрудниками такія лица, какъ Островскій, впервые выступившій здѣсь въ печати со своей «Картиной семейнаго счастья», Загоскинъ, Шевыревъ, Вельтманъ, Соловьевъ, Н. Бергъ и др. Григорьевъ велъ въ этомъ изданіи «Обозрѣніе журналовъ», за подписью А. Г., напечаталъ цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, театральныхъ рецензій и критическихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна обширная статья по поводу только что вышедшей въ свѣтъ Гоголевской «Переписки съ друзьями» («Гоголь и его послѣдняя книга», №№ 56, 62, 63, 64); въ этой статьѣ Григорьевъ выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ Гоголя, книга котораго, какъ извѣстно, вызвала при своемъ появленіи всеобщее осужденіе въ печати и въ публикѣ. Это открытое выступленіе наперекоръ общему мнѣнію обнаружило въ Григорьевѣ то, что французы называютъ le courage de son opinion,—черту, чрезвычайно характерную для нашего писателя и нерѣдко приводившую его въ рѣзкое столкновеніе съ господствовавшими въ общественномъ сознаніи взглядами и теченіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта статья ясно показываетъ, что въ воззрѣніяхъ самого Григорьева къ этому времени уже совершился рѣзкій переломъ и что онъ далеко отошелъ отъ круга тѣхъ идей, которыя, повидимому, до извѣстной степени подчинили его себѣ во время его пребыванія въ Петербургѣ. Любопытна также попытка Григорьева выяснить психологическій процессъ, лежащій въ основѣ знаменитой книги Гоголя и связать ее со всѣмъ его творчествомъ вообще: съ этой стороны вопроса никто изъ современныхъ критиковъ «Переписки» не подходилъ къ ней, такъ что Григорьеву принадлежитъ несомнѣнно первенство въ постановкѣ проблемы, безъ разрѣшенія которой невозможно правильное пониманіе Гоголевскаго міросозерцанія и движущихъ его силъ.

«Московскій Городской Листокъ» успѣха въ публикѣ не имѣлъ и потому, просуществовавъ только годъ, прекратился за недостаткомъ средствъ. Въ ближайшіе затѣмъ годы Григорьевъ сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ помѣщалъ преимущественно переводы, и въ петербургскихъ «Отечественныхъ Запискахъ», въ которыхъ онъ печаталъ статьи о московскомъ театрѣ, статьи, обличавшія въ немъ не только тонкаго цѣнителя сценическаго искусства, но и хорошаго знатока его теоретическихъ основъ, а также исторіи театра. Но только съ 1851 года, когда Григорьевъ вошелъ въ составъ такъ называемой «молодой редакціи Москвитянина», литературная его дѣятельность развернулась во всю ширь его таланта. Правда, еще въ 1848 году Погодинъ пробовалъ его привлечь къ ближайшему участію въ своемъ журналѣ, но такъ какъ онъ поручилъ Григорьеву совершенно неподходящій отдѣлъ, именно, «Политическое обозрѣніе», то изъ этой попытки ровно ничего не вышло. Въ 1851 году, чтобы спасти совершенно захирѣвшій «Москвитянинъ» Погодинъ рѣшилъ привлечь къ участію въ немъ молодыя силы и передалъ завѣдываніе журналомъ группѣ лицъ, изъ которыхъ и образовалась «молодая редакція», какъ самъ Погодинъ печатно называлъ ее, въ отличіе отъ редакціи «старой», состоявшей изъ него самого и Шевырева.

Въ составъ «молодой редакціи Москвитянина» вошли кромѣ Григорьева, такіе выдающіеся литературные дѣятели, какъ А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, вдумчивый и тонкій критикъ Е. Н. Эдельсонъ, блестящій и остроумный Борисъ Алмазовъ. Сверхъ того ближайшее участіе въ журналѣ приняли А. Ѳ. Писемскій, С. В. Максимовъ, П. И. Мельниковъ-Печерскій, М. А. Стаховичъ, Н. В. Бергъ и нѣкоторые другіе. Вся эта талантливая и увлекающаяся молодежь быстро одушевила умиравшій журналъ, подняла его интересъ и значеніе, что отразилось также и на внѣшнемъ успѣхѣ преобразованнаго «Москвитянина», подписка котораго возросла въ первый же годъ болѣе чѣмъ вдвое. Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, когда во главѣ журнала стояла «молодая редакція», въ немъ были напечатаны такія цѣнныя произведенія, какъ: «Свои люди—сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани не садись» Островскаго, «Тюфякъ», «Ипохондрикъ» и другіе разсказы Писемскаго, «Судъ Божій» Потѣхина, «Ночное» Стаховича, и много другихъ. Центральнымъ

лицомъ въ кружкѣ «Москвитянина» былъ А. Н. Островскій: можно сказать, что въ кружкѣ царилъ настоящій культъ Островскаго, однимъ изъ наиболѣе пламенныхъ адептовъ котораго былъ именно Григорьевъ, видѣвшій въ произведеніяхъ молодого драматурга «новое слово», призванное обновить всю русскую литературу, дать ей самобытное содержаніе, поставить на одномъ уровнѣ съ литературами другихъ великихъ народовъ—если не выше. Но, поставленный въ силу своего могучаго дарованія во главѣ кружка, Островскій, въ свою очередь, подвергся весьма значительному вліянію, какъ со стороны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ кружка, такъ и со стороны той общей умственной атмосферы, которая въ немъ царила. Это идейное вліяніе очень явственно сказалось въ такихъ произведеніяхъ его, какъ «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдная невѣста», созданныхъ Островскимъ какъ разъ въ эту пору, въ эпоху его наибольшей близости къ «молодой редакціи Москвитянина». Но и значительно позже, когда Островскій уже печатался въ петербургскихъ изданіяхъ западническаго направленія, это вліяніе обнаруживается не менѣе рѣшительно въ его «историческихъ хроникахъ», въ «Воеводѣ», въ «Снѣгурочкѣ», пропитанныхъ такой глубокой любовью къ русской старинѣ и такимъ тонкимъ чутьемъ русской народной жизни и поэзіи.

По общему характеру своего міросозерцанія и его идейнымъ предпосылкамъ, «молодая редакція Москвитянина», несомнѣнно, примыкала къ славянофильству, съ величайшимъ уваженіемъ относясь къ именамъ Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, и къ тѣмъ идеямъ, носителями которыхъ они являлись. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были и нѣкоторыя черты различія, отдѣлявшія Московитянинскій кружокъ, какъ отъ старшихъ славянофиловъ, такъ и отъ «старой редакціи», отъ Погодина и Шевырева, представителей такъ называемой «оффиціальной народности». Это, очевидно, чувствовали и сами представители стараго славянофильства, которые, хотя и относились къ «молодой редакціи» съ полнымъ сочувствіемъ, однако непосредственнаго участія въ изданіи не принимали. Одной изъ важнѣйшихъ чертъ различія являлось довольно равнодушное отношеніе молодого «Москвитянина» къ славянскому вопросу въ его цѣломъ и къ зарубежному славянству, которымъ такъ интересовались первые славянофилы, а также и прежній руководитель журнала—Погодинъ.

Была также значительная разница во взглядахъ тѣхъ и другихъ на историческое прошлое Россіи, на роль отдѣльныхъ историческихъ факторовъ въ ходѣ ея развитія, на значеніе отдѣльныхъ историческихъ лицъ. Однако гораздо важнѣе, чѣмъ эти частныя различія было то общее, что связывало и объединяло славянофиловъ старой школы и ихъ молодыхъ послѣдователей: это была горячая любовь къ родному народу, гордая вѣра въ его великія творческія силы, въ его духовную самостоятельность, въ ожидающее его свѣтлое будущее. У молодыхъ энтузіастовъ «Москвитянина» эта вѣра и эта любовь выступаютъ, пожалуй, даже ярче и непосредственнѣй, чѣмъ у ихъ духовныхъ учителей и предшественниковъ: тѣ любили родной народъ, потому что видѣли въ немъ носителя дорогихъ ихъ сердцу началъ и идеаловъ, достигшихъ наиболѣе полнаго развитія въ его прошломъ: отсюда—романтическая идеализація этого прошлаго, стремленіе вернуться къ нему черезъ пропасть двухъ послѣднихъ вѣковъ. Для представителей-же «молодой редакціи Москвитянина» прошлое родной земли было дорого и мило, *потому что* они любили родной народъ, любили любовью непосредственной, «органической», пользуясь излюбленнымъ терминомъ Аполлона Григорьева, любили безъ размышленія, не слишкомъ торопясь прикинуть къ предмету своей любви мѣрку какого-либо отвлеченнаго идеала. Разница такимъ образомъ заключалась въ исходныхъ точкахъ, которыми опредѣлялось отношеніе къ народу и его жизни,—но разница была весьма существенная. Правильнѣе всего было бы назвать представителей «молодой редакціи»—*народниками*, конечно, не въ смыслѣ позднѣйшаго революціоннаго народничества, которому они были совершенно чужды,—или же *почвенниками*, примѣнивъ къ нимъ тотъ терминъ, который впослѣдствіи избралъ Достоевскій для опредѣленія того направленія въ литературѣ и публицистикѣ, представителями котораго выступила группа писателей «Времени» и «Эпохи».

Эта любовь къ родному народа и вѣра въ него, которыми были проникнуты всѣ безъ исключенія члены кружка, наложили яркій отпечатокъ и на руководимое ими изданіе. За все время, пока во главѣ «Москвитянина» стояла «молодая редакція», не было, кажется, ни одной книжки журнала, которая бы не заключала въ себѣ нѣсколькихъ статей, посвященныхъ изображенію народной жизни, народныхъ типовъ, народныхъ нравовъ.

Этотъ интересъ и сочувствіе къ народу представляютъ самую характерную черту журнала, придаютъ ему особую физіономію и сообщаютъ извѣстное внутреннее единство, не смотря на различіе въ особенностяхъ и размѣрахъ дарованія отдѣльныхъ его участниковъ. Стоитъ только просмотрѣть составъ печатаемаго матеріала, чтобы убѣдиться, какое исключительное вниманіе удѣлялось «молодой редакціей» указаннымъ предметамъ: въ теченіе пяти лѣтъ, пока она стояла во главѣ журнала, въ немъ были напечатаны многочисленные разсказы, очерки и сцены изъ народной жизни Потѣхина, Стаховича, Кокорева, Желѣзнова (изъ быта пріуральскаго казачества) и др. Хотя Островскій, бывшій главною литературною силой и лучшимъ украшеніемъ журнала, и не касался еще непосредственно народной среды, однако въ своихъ комедіяхъ изъ купеческой жизни онъ охотно останавливался на чертахъ народнаго быта, еще сохранившихся въ ней (напр., въ комедіи «Бѣдность не порокъ») и съ явной симпатіей изображалъ типы русскихъ людей стариннаго склада, воплощавшихъ въ себѣ лучшія черты русскаго національнаго характера и незатронутыхъ никакими посторонними вліяніями,—въ родѣ купца Русакова въ комедіи: «Не въ свои сани не садись». Другой видный литературный вкладчикъ журнала—Писемскій, хотя и обрисовывалъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ преимущественно провинціальное общество и провинціальные типы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи самъ типично-русскимъ человѣкомъ и прекраснымъ знатокомъ народнаго быта, народнаго языка и народной психологіи, онъ своими мастерскими изустными разсказами, полными мѣткой наблюдательности и чисто-русскаго юмора, прекрасно вторилъ господствовавшему въ кружкѣ «Москвитянина» направленію интересовъ. Съ такими же разсказами изъ народной жизни выступали на дружескихъ бесѣдахъ также Садовскій и Горбуновъ, тогда еще однако ничего не печатавшій. Наконецъ, своимъ человѣкомъ въ кружкѣ былъ и С. В. Максимовъ, нашъ знаменитый этнографъ, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ, посвятившій впослѣдствіи,—можетъ-быть, не безъ вліянія усвоенныхъ имъ въ кружкѣ «Москвитянина» интересовъ,—всю свою жизнь дѣлу изученія и описанія русской народной жизни, нравовъ и быта.

Здѣсь, въ дружескомъ кружкѣ «молодой редакціи Москвитянина», въ которой Аполлонъ Григорьевъ занялъ одно изъ

наиболѣе выдающихся мѣстъ, опредѣлились окончательно его взгляды и симпатіи, сложилось и окрѣпло его міросозерцаніе, которому онъ уже оставался вѣренъ до конца своей жизни. Онъ самъ говорилъ неоднократно въ своихъ письмахъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣло для него пребываніе въ этомъ кружкѣ, о той роли, какую этотъ кружокъ сыгралъ въ исторіи его духовнаго развитія. Впослѣдствіи годы, проведенные въ этомъ кружкѣ, представлялись его воображенію, какъ лучшіе, наиболѣе счастливые годы жизни вообще, какъ эпоха свѣтлыхъ юношескихъ упованій, какъ эпоха полнаго расцвѣта его силъ и дѣятельности, обвѣянная въ воспоминаніяхъ всѣмъ ароматомъ жизнерадостной, полной надеждъ и увлеченій юности. Дѣйствительно, настоящая серьезная дѣятельность начинается для Григорьева только въ «Москвитянинѣ»: все, написанное имъ раньше, представляло собой какъ бы подготовительную ступень, являлось литературною пробой пера. Въ «Москвитянинѣ» былъ напечатанъ имъ цѣлый рядъ интересныхъ и содержательныхъ статей, написанныхъ имъ въ формѣ традиціонныхъ «Обозрѣній» («Русская литература за 1851 и 1852 гг.»), но имѣющихъ гораздо болѣе важное *общее* значеніе, такъ какъ въ нихъ впервые онъ выдвигаетъ новую точку зрѣнія на литературу, противопоставляя ее той, на которой стояла «историческая критика» Бѣлинскаго; особая статья посвящена имъ разъясненію творчества Островскаго, восторженнымъ поклонникомъ котораго Григорьевъ являлся съ самыхъ первыхъ шаговъ дѣятельности нашего драматурга; большая статья была написана имъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника народныхъ пѣсенъ Стаховича,—это была едва ли не первая статья въ нашей литературѣ, спеціально посвященная русской народной лирикѣ. Сверхъ того Григорьевъ, вмѣстѣ съ Эдельсономъ и Бор. Алмазовымъ, велъ библіографическій отдѣлъ «Москвитянина», помѣщая въ немъ разборы различныхъ отдѣльныхъ произведеній текущей литературы.

Живя интенсивною умственной жизнью, «молодая редакція» и примыкавшая къ ней группа лишь не отказывалась также и отъ всяческихъ удовольствій, отдавая въ этомъ отношеніи усердную дань молодости, въ мѣру своихъ богатыхъ и еще нерастраченныхъ силъ. Въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о кружкѣ «Москвитянина» С. В. Максимовъ подробно описываетъ товарищеское времяпрепровожденіе членовъ кружка, ихъ дружe-

скія сходки у Островскаго, у Эдельсона, у Григорьева, въ знаменитой «Печкинской кофейной», въ погребкѣ Зайцева. Однимъ изъ общихъ увлеченій, объединившихъ членовъ кружка, было между прочимъ увлеченіе русскими народными пѣснями, прекраснымъ знатокомъ и исполнителемъ которыхъ былъ Тертій Ив. Филипповъ. «За душу захватывала русская пѣсня въ натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова, ходнемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича, силошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго»,—вспоминалъ впослѣдствіи П. Ѳ. Горбуновъ объ этихъ веселыхъ дружескихъ сходкахъ. Въ дополненіе къ этому С. В. Максимовъ присовокупляетъ: «Дѣйствительно, надо всѣми пѣвцами изяществомъ и точностью исполненія главенствовалъ Тертій Ивановичъ и былъ непобѣдимъ. Безплодно силились соперничать съ нимъ два земляка—друга: М. А. Стаховичъ и П. П. Якушкинъ, пристававшіе съ своими орловскими пѣснями, вѣрно передаваемыми по говору и мотивамъ. Первый, впрочемъ, восполнялъ недостатки въ пѣніи искусною игрою на гитарѣ и былъ неподражаемъ въ плескѣ, а Якушкинъ, зная огромное количество пѣсенъ, напѣвы ихъ, своимъ крикливымъ раскатистымъ голосомъ не умѣлъ передавать вѣрно, и очень многіе путалъ». Не довольствуясь своими собственными пѣвцами, члены кружка, по свидѣтельству того же Максимова, разыскивали всюду хорошихъ исполнителей народныхъ пѣсенъ, «не гнушаясь грязныхъ, но шумливыхъ и веселыхъ трактировъ и нисходя до погребковъ, гдѣ пристраивались добровольцы изъ мастеровъ пѣнія и виртуозовъ игры на инструментахъ: здѣсь услаждали они издавна праздныхъ любителей изъ купечества». Такъ, напр., одно время большимъ почетомъ въ кружкѣ пользовался нѣкій Соболевъ, приказчикъ, ярославецъ родомъ, обладавшій прекраснымъ «серебрянымъ» голосомъ и превосходно исполнявшій заунывныя «протяжныя» деревенскія пѣсни. Увлеченіе кружка народными пѣснями было настолько велико, что одинъ изъ ближайшихъ членовъ его, Т. И. Филипповъ выражалъ впослѣдствіи свое убѣжденіе, что именно это увлеченіе легло въ основу всего міросозерцанія кружка, знакомившагося черезъ нихъ съ міромъ народной души, со складомъ народнаго характера, съ народными вѣрованіями и идеалами. Хотя, конечно, въ этомъ утвержденіи есть значительная доля преувеличенія, однако несомнѣнно, что пѣсенное увле-

ченіе кружка «молодой редакціи» было очень велико, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и указанная выше статья Аполлона Григорьева, которая, по позднѣйшему признанію самого автора, явилась выраженіемъ общихъ взглядовъ всего кружка. Что же касается до вліянія этого увлеченія народными пѣснями на отдѣльныхъ представителей кружка, то въ этомъ отношеніи достаточно указать на примѣръ Л. А. Мея, въ творчествѣ котораго такое большое мѣсто занимаютъ подражанія произведеніямъ народной поэзіи.

Беззаботная, веселая молодежь, вошедшая въ составъ обновленнаго «Москвитянина» не только оживила содержаніе Погодинскаго журнала, но и во многихъ отношеніяхъ придала ему совершенно другой тонъ и характеръ. Это сказалось между прочимъ и въ томъ, что тѣ литературные элементы, которые при старой редакціи не имѣли никакого доступа въ солидный и тяжеловѣсный профессорскій журналъ, — остроумная шутка, легкая сатира, насмѣшливая пародія,—все это получило теперь въ немъ полныя права гражданства, при чемъ главнымъ выразителемъ этой новой струи въ журналѣ явился живой и остроумный Борисъ Алмазовъ. Проф. С. А. Венгеровъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу въ своей статьѣ о «молодой редакціи Москвитянина»: «Не будь молодежи въ составѣ редакціи Москвитянина, развѣ осмѣлился бы Алмазовъ явиться къ надутому Шевыреву и чопорному, строгому Погодину со своими веселыми остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, которыми онъ подъ псевдонимомъ *Эраста Благонравова* съ такимъ успѣхомъ дебютировалъ въ Москвитянинѣ? Съ основанія Москвитянина въ немъ было изгнано все, что отзывалось фельетономъ, легкомысліемъ, и недаромъ вся журналистика ахнула отъ удивленія, когда мрачные своды Погодинскаго sui generis *древлехранилища* вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости».

Однако, къ сожалѣнію, та жизнь артистической богемы, которую вело большинство членовъ «молодой редакціи» и примыкавшаго къ ней кружка, имѣла также и свои отрицательныя стороны. Входя въ привычку, она пріучала къ распущенности и безпорядочности, въ значительной степени мѣшала правильнымъ и усидчивымъ занятіямъ, а у натуръ увлекающихся и слабыхъ налагала отпечатокъ на весь ихъ характеръ и на всю ихъ даль-

нѣйшую жизнь. По злому, хотя и остроумному выраженію Щербины, среди членовъ кружка Москвитянина были не только *руссофилы*», но и «*спиртофилы*»; о печальной судьбѣ одного изъ нихъ, талантливаго скульптора («болванщика», по выраженію того же Щербины) Рамазанова, разсказалъ въ своихъ Московскихъ воспоминаніяхъ Н. В. Бергъ... Жизнь богемы, какъ извѣстно, мало способствуетъ также скрѣпленію семейныхъ связей и вообще плохо ладитъ съ жизнью домашняго очага. Это пришлось испытать на себѣ и Аполлону Григорьеву. Сынъ его, въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ, впослѣдствіи рѣшился нѣсколько приподнять завѣсу надъ исторіей разложенія родной семьи, хотя, какъ это и естественно въ виду его близости къ затронутымъ лицамъ, не могъ этого сдѣлать съ полной обстоятельностью, ограничившись по необходимости одними намеками. «По самой натурѣ своей,—пишетъ онъ между прочимъ,—Аполлонъ Александровичъ не былъ склоненъ къ семейной жизни. Для одной только женщины въ мірѣ могъ бы я изъ бродяги-безсемейника, кочевника, обратиться въ почтеннаго и можетъ-быть (чего не можетъ быть?), въ нравственнаго мѣщанина,—замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.—Къ несчастію, женщиной этой не была Лидія Оедоровна... Въ семействѣ своемъ Лидія Оедоровна воспитывалась подъ вліяніемъ западниковъ и поэтому, понятно, она во многихъ отношеніяхъ не сочувствовала литературнымъ взглядамъ мужа, которымъ онъ былъ преданъ до фанатизма. По натурѣ своей она была женщина крайне впечатлительная и легко увлекающаяся. Окружавшіе же ее люди, въ большинствѣ друзья А. А., внесли сразу въ ихъ семейную жизнь всегдашній безпорядокъ, всегдашнюю раздражительность ума и страстей, подогрѣваемую къ тому-же виномъ, въ которомъ, къ несчастію, и она скоро привыкла находить забвеніе... Все это отразилось на ней очень дурно и имѣло своимъ послѣдствіемъ печальные для семейной жизни результаты... Въ ней сказывались и неудовлетворенные идеалы юности. Ей хотѣлось быть женщиной свободной по тогдашнимъ понятіямъ, свободной въ смыслѣ героинь Жоржъ-Зандъ... У самого А. А. была страсть, и притомъ несчастная, къ другой женщинѣ; эта страсть не покидала его до конца жизни. Неизвѣстно, что именно помѣшало его сближенію съ любимой женщиной, но воспоминанія о ней сохранились у него на всю жизнь»...

Отголоски этой страсти мы находимъ и въ его поэмѣ «Venezia la bella», имѣющей вообще важное автобіографическое значеніе, и въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, и его письмахъ къ наиболѣе близкимъ друзьямъ, которыхъ онъ посвящалъ въ свою интимную жизнь,—напр., къ Н. Н. Страхову. Эта безнадежная страсть, всецѣло завладѣвшая его сердцемъ, стала для него источникомъ постоянныхъ душевныхъ страданій, наложила трагическую тѣнь на все его дальнѣйшее существованіе,—и напрасно старался онъ забыться то въ винѣ и разгулѣ, то въ неустанномъ запойномъ трудѣ, то въ странствованіяхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ мѣстъ...

Дѣятельность «молодой редакціи» не только значительно оживила «Москвитянинъ», но и привлекла къ нему, по крайней мѣрѣ на время, вниманіе публики. Число подписчиковъ въ первый же годъ увеличилось вдвое, что, казалось, предвѣщало и дальнѣйшій ростъ обновленнаго журнала. Однако, въ дѣйствительности этого не послѣдовало и достигнутые успѣхи оказались непрочными и недолговременными. Причины этого заключались въ томъ ненормальномъ положеніи, въ которомъ была поставлена дѣятельность «молодой редакціи». Несмотря на то, что она цѣликомъ несла все бремя работы по изданію, фактическимъ хозяиномъ и распорядителемъ журнала оставался его оффиціальный редакторъ—Погодинъ, постоянно вмѣшивавшійся въ дѣло, позволявшій себѣ вносить произвольныя перемѣны въ печатаемый матеріалъ и сопровождать его своими замѣчаніями, нелишними иногда совершенно вразрѣзъ съ воззрѣніями и стремленіями «молодой редакціи». Все это вызывало пререканія и тренія между участниками изданія, насмѣшки журналистовъ враждебнаго лагеря и недоумѣніе публики. Другой причиной, не позволившей «Москвитянину» достигнуть рѣшительнаго и прочнаго успѣха, была «адская скупость» Погодина, по выраженію Григорьева. Погодинъ всячески прижималъ и эксплуатировалъ своихъ сотрудниковъ, держалъ ихъ, что называется, «въ черномъ тѣлѣ», платя, напр., даже наиболѣе виднымъ и важнымъ для журнала работникамъ, въ родѣ Григорьева, по 15-ти рублей за печатный листъ,—да и то въ виду его семейнаго положенія: безбрачнымъ сотрудникамъ вознагражденіе полагалось еще болѣе скромное. Такое отношеніе редактора къ своимъ сотрудникамъ, въ большинствѣ случаевъ людямъ мало обезпе-

ченнымъ, конечно, должно было оскорблять ихъ и вызывать вполнѣ естественное неудовольствіе, даже приводить къ прямымъ столкновеніямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., рѣзкое письмо Григорьева къ Погодину, отъ 24 февраля 1853 г. (Барсуковъ: «Жизнь и труды М. П. Погодина». Т. XII, стр. 293).

Однако, хуже всего для журнала было то, что вслѣдствіе присущей ему скупости, Погодину не удалось удержать въ «Москвитянинѣ» двухъ самыхъ видныхъ его сотрудниковъ—Островскаго и Писемскаго, произведенія которыхъ служили лучшимъ украшеніемъ журнала и болѣе всего привлекали къ нему вниманіе публики. Писемскій довольно быстро поддался соблазнительнымъ уговорамъ петербургскихъ издателей, въ концѣ 1853 года переселился на жительство въ сѣверную столицу и сталъ печататься въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Островскій былъ болѣе вѣренъ Погодинскому журналу, связанный тѣсной дружбой со всѣмъ кружкомъ «молодой редакціи», но и онъ свою знаменитую комедію «Бѣдность не порокъ» (1854 г.) предпочелъ издать отдѣльной книжкой, а въ 1856 году принялъ участіе въ только что основанныхъ журналахъ: «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова и «Русской Бесѣдѣ» Аксакова. Въ третьей книжкѣ послѣдняго журнала (за 1856 г.) помѣстилъ и Аполлонъ Григорьевъ свою статью: «О правдѣ и искренности въ искусствѣ», являющуюся одной изъ самыхъ важныхъ для пониманія его общихъ эстетическихъ взглядовъ. Такимъ образомъ, покидаемый постепенно своими наиболѣе видными сотрудниками, «Москвитянинъ», послѣ кратковременнаго успѣха, снова захирѣлъ и сталъ явно клониться къ упадку, такъ что Погодинъ счелъ себя вынужденнымъ наконецъ прекратить изданіе на 16-й книжкѣ 1856 года (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ).

Въ 1857 году Григорьевъ уѣхалъ за-границу съ семьею князя Трубецкого, въ качествѣ воспитателя его 16-лѣтняго сына. Новость впечатлѣній, богатство и разнообразіе европейской жизни, великолѣпные памятники старины и чудеса искусства,—все это подѣйствовало на него «лихорадочно-лирически», какъ онъ самъ выражается въ одномъ письмѣ. Онъ истерически смѣялся «надъ пошлостью и мизеріею Берлина и нѣмцевъ вообще, надъ ихъ афферированной наивностью и наивной аффектаціей, честной глупостью и глупой честностью», плакалъ слезами сочувствія и

умиленія на пражскомъ мосту, въ виду Градшина, чешскаго Кремля, и бранилъ вслухъ австрійцевъ, подвергая себя опасности быть услышанным ихъ шпіонами, и наконецъ, окончательно «одурѣлъ» въ Венеціи, которая поразила его своей своеобразной, фантастической красотой. Изъ Венеціи Григорьевъ переѣхалъ во Флоренцію, гдѣ и прожилъ съ семьей Трубецкихъ около года. Здѣсь, во Флоренціи, во время долгихъ прогулокъ по галлереямъ Уффици и Питти, Григорьевъ впервые глубоко почувствовалъ тайну живописи, которой онъ раньше не понималъ и къ которой былъ совершенно равнодушенъ. Нѣкоторыя картины, напр., знаменитая Мадонна Мурильо, потрясали его чуть не до слезъ. Вообще Флоренція очень понравилась Григорьеву, какъ впрочемъ и вся Италія. Но несмотря на всю яркость и разнообразіе переживаемыхъ имъ впечатлѣній, мысль его попрежнему была устремлена на родину, къ далекой, родной Москвѣ. Напрасно западная жизнь «дразнила, подцимала, увлекала» его душу: она не была въ состояніи всецѣло овладѣть имъ, подчинить своему обаянію; «не сломилась въ этомъ живомъ столкновеніи вѣра въ свое, народное; смягчился только фанатизмъ вѣры»,—писалъ онъ впослѣдствіи. Гдѣ бы онъ ни былъ, мысль о родинѣ не оставляла его. Такъ напр., въ театрѣ, любуясь игрою Сальвини въ Шекспировскихъ трагедіяхъ, онъ вспоминалъ о Мочаловѣ, который такъ сильно потрясалъ его своею игрой въ далекіе юношескіе годы. Наблюдая картины итальянскаго карнавала, онъ переносился мыслью въ Москву, вызывалъ въ памяти картины московскаго масленичнаго гулянья: «въ воображеніи у меня,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—рисовалась наша масленица,—нашъ добрый, умный и широкій народъ, съ загулами запоями, колоссальнымъ распутствомъ... Въ памяти моей оживала зимняя вьюга, Новинское, остроуміе разговора фабричныхъ съ паяцами, самокаты, пѣсни моей родины... Мнѣ представлялись монастырскіе праздники моей великой, поэтической и вмѣстѣ простодушной Москвы, ея крестные ходы и проч., - все, чѣмъ такъ немногіе умѣютъ у насъ дорожить и что на самомъ дѣлѣ полно истинной, свѣжей поэзіей...»

Живя во Флоренціи, Григорьевъ работалъ надъ своей поэмой: «Venezia la bella», надъ переводомъ «Паризины» Байрона и «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира. Кромѣ того онъ обдумывалъ цѣлый рядъ статей о русской литературѣ, съ которыми хотѣлъ

выступить по возвращеніи на родину. Одно время онъ даже носился съ мыслью объ основаніи собственнаго журнала, въ которомъ онъ могъ бы свободно выступить съ проповѣдью своихъ излюбленныхъ идей: по крайней мѣрѣ въ январѣ 1858 г. онъ писалъ объ этомъ своему старому другу Фету, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ о нѣкоторой матеріальной поддержкѣ.

Этой мечтѣ о собственномъ журналѣ, въ которую, вѣроятно, и самъ Григорьевъ не слишкомъ вѣрилъ, суждено было вскорѣ осуществиться, хотя, можетъ быть, въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ онъ надѣялся. Именно, возвратившись въ концѣ 1858 года на родину, онъ проѣхалъ прямо въ Петербургъ и здѣсь, вмѣстѣ со своимъ университетскимъ товарищемъ, Я. П. Полонскимъ, сдѣлался редакторомъ только что основаннаго богачомъ и меценатомъ, графомъ Кушелевымъ-Безбородко журнала «Русское Слово». Съ величайшимъ увлеченіемъ принялся Григорьевъ за дѣло. Впрочемъ его увлекала не столько сама редакторская работа, къ которой онъ былъ мало способенъ, сколько открывшаяся наконецъ передъ нимъ возможность высказаться съ полной свободой, подвести итогъ всему тому, что онъ до сихъ поръ передумалъ относительно нашей литературы, ея характера и ея призванія. Въ теченіе тѣхъ 6—7 мѣсяцевъ, пока онъ стоялъ во главѣ журнала, онъ написалъ цѣлый рядъ статей, которыя, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу его наиболѣе зрѣлыхъ литературныхъ опытовъ и которымъ онъ самъ придавалъ весьма важное значеніе. «Въ нихъ кладется,—писалъ онъ,—вся моя душа, жизнь и кровь. Можетъ быть, не долго маяться-то — тороплюсь все высказать, что накипѣло на душѣ». Простой перечень напечатанныхъ имъ за это время въ журналѣ статей уже покажетъ степень интенсивности его работы и важности затронутыхъ имъ вопросовъ: «Взглядъ на исторію Россіи Соловьева» («Русское Слово», январь), «Великій трагикъ», разсказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ» (ibid), «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина» (февраль и мартъ), «И. С. Тургеневъ и его дѣятельность, по поводу романа Дворянское гнѣздо» (апрѣль, май, іюнь, августъ), «Нѣсколько словъ о законахъ и терминахъ органической критики» (май). Однако, несмотря на все увлеченіе работой, настроеніе Григорьева было весьма далеко отъ нравственнаго удовлетворенія. Кромѣ причинъ чисто личныхъ, т.-е. страданій нераздѣленнаго

чувства, его особенно угнетала мысль о безплодности своей дѣятельности, о ея, такъ сказать, несвоевременности, о ея несоотвѣтствіи «вѣяніямъ» эпохи. «Вѣры, вѣры нѣтъ въ торжество своей мысли, да и чортъ ее знаетъ теперь, эту мысль! По крайней мѣрѣ я самъ не знаю ея предѣловъ. Знаю себя только отрицательно. Хаосъ во мнѣ ужаснѣйшій, не примиримый никакою дѣятельностью. Такъ странно-особенно выработались у меня мои воззрѣнія и мое мышленіе, что—страшно сказать—около меня стала пустота ужаснѣйшая. Съ исключительно либералами не сойтись мнѣ совсѣмъ, потому что я по натурѣ артистъ. Съ исключительно же артистами не схожусь я потому, что каждая жила моя бьется за свободу и ни одна не выноситъ тупого, спокойнаго индифферентизма политическаго и религіознаго, къ которому всѣ артистическія натуры (кромѣ одного Островскаго) чрезвычайно способны. Тяжело стоять почти-что одному, тяжело вѣрить глубоко въ правду своей мысли—и знать вмѣстѣ съ тѣмъ, что *въ ходу, на очередѣ* стоитъ не эта, а другая мысль, которой сочувствуешь только наполовину».

И дѣйствительно, въ скоромъ времени Григорьеву пришлось убѣдиться, что онъ одинокъ не только въ русской журналистикѣ вообще, но даже и въ томъ изданіи, которымъ призванъ былъ руководить. Въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Слова» находились такіе писатели, какъ М. Михайловъ, Шелгуновъ, Благосвѣтовъ, взгляды и симпатіи которыхъ или совершенно вразрѣзъ съ убѣжденіями Григорьева. Такой антагонизмъ мнѣній редактора и другихъ вліятельныхъ сотрудниковъ создавалъ очень напряженное настроеніе, которое, конечно, не могло долго продолжаться, и должно было наконецъ разрѣшиться въ ту или другую сторону,—конечно, въ сторону наименьшаго сопротивленія. Такъ оно и случилось. Іюлемъ 1859 года графъ Кушелевъ-Безбородко, уѣзжая за-границу, передалъ всѣ свои права по изданію нѣкоему Хмѣльницкому, человѣку слабому и всецѣло находившемуся подъ вліяніемъ Михайлова и Шелгунова. Въ іюльской книжкѣ журнала онъ позволилъ себѣ вымарать изъ статьи Григорьева имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина; это вызвало со стороны Григорьева, выступившаго на защиту дорогихъ ему именъ, рѣзкій протестъ,—и въ результатѣ Григорьевъ, по его собственному выраженію, «былъ уволенъ отъ критики».

Вынужденный выходъ изъ «Русскаго Слова» сильно подѣйствовалъ на Григорьева, разрушивъ всѣ его надежды, связывавшіяся съ этимъ журналомъ, черезъ посредство котораго онъ хотѣлъ проводить свои излюбленныя идеи въ сознаніе русскаго общества. На нѣкоторое время, вплоть до основанія «Времени», Григорьевъ остался даже безъ опредѣленнаго литературнаго пристанища, помѣщая свои статьи—гдѣ придется: въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, въ «Русскомъ Мірѣ» Стелловскаго, въ «Свѣточѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, гдѣ онъ между прочимъ напечаталъ прекрасную статью о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, написанную по поводу только что вышедшаго сборника Павла Якушкина.

Объ этой эпохѣ жизни Григорьева нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ А. П. Милюковъ, который въ это время былъ редакторомъ журнала «Свѣточъ». «Личность Аполлона Александровича Григорьева съ перваго взгляда располагала въ его пользу. Его умное, чисто-русское лицо, открытый взглядъ, смѣлость въ сужденіяхъ и какая-то во всемъ искренность и непринужденность были очень симпатичны. Желая пригласить его къ сотрудничеству въ порученномъ мнѣ журналѣ, я въ первый разъ поѣхалъ къ Григорьеву. Онъ жилъ въ небольшой квартирѣ, недалеко отъ Знаменской церкви. Я засталъ у него нѣсколько изъ тѣхъ поръ незнакомыхъ мнѣ лицъ и въ томъ числѣ А. А. Фета. Гости пили чай, а хозяинъ въ красной шелковой рубашкѣ русскаго покроя, съ гитарой въ рукахъ, пѣлъ русскія пѣсни. Голосъ у Аполлона Александровича былъ гибкій и мягкій, и ему придавали особую красоту какая-то задушевность въ чувствѣ и тонкое пониманіе характера нашей народной поэзіи. На гитарѣ игралъ онъ мастерски. Этотъ почти совсѣмъ уже забытый въ наше время инструментъ, въ его рукахъ прекрасно гармонировалъ съ русскими мотивами. Мы много говорили о Москвѣ, которую оба любили, и гдѣ прошли годы первой нашей молодости. Это послужило между прочимъ къ сближенію между нами. Григорьевъ охотно согласился участвовать въ «Свѣточѣ» и на другой же день привезъ мнѣ переведенное имъ стихотвореніе Байрона. Послѣ того мы видались часто.

«Въ жизни Аполлонъ Григорьевъ былъ совершенный поэтъ романтической эпохи, т.-е. не умѣлъ основательно позаботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Еще въ то время, когда

онъ состоялъ на службѣ въ Москвѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ, по собственному сознанію, постоянно нуждался, а живя теперь въ Петербургѣ безъ мѣста, однимъ литературнымъ трудомъ, еще болѣе терпѣлъ недостатковъ и подчасъ даже сильно бѣдствовалъ. Изрѣдка только выпадали счастливыя полосы, когда, напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ редакторовъ при журналѣ графа Кушелева-Безбородко «Русское Слово». Но и въ такіе періоды сравнительной обезпеченности онъ не выходилъ изъ долговъ, и не разъ по этому поводу переселялся на болѣе или менѣе продолжительное житье въ долговое отдѣленіе, или такъ называемую «Тарасовскую кутузку».

Настроеніе его въ эту пору было очень тягостно. Онъ ясно видѣлъ неуспѣхъ своихъ идей въ обществѣ, въ которомъ почти безраздѣльно господствовали писатели противоположнаго лагеря, тѣ, кого самъ Григорьевъ называлъ «теоретиками»: Чернышевскій, Добролюбовъ, Антоновичъ и др.,—видѣлъ, что вся его проповѣдь приходится не ко времени, не соотвѣтствуетъ требованіямъ и настроеніямъ эпохи, что его голосъ представляетъ собой «гласъ вопіющаго въ пустынѣ» и ниоткуда не находитъ себѣ отклика. Въ журналахъ, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, его статьи встрѣчались насмѣшками и глумленіемъ, на него сыпались эпиграммы, его ставили на одну доску съ Аскоченскимъ и другими «мракобѣсами». Все это, конечно, не могло не дѣйствовать удручающимъ образомъ на впечатлительнаго и мало-уравновѣшеннаго Григорьева. Онъ сознавалъ свое моральное одиночество и съ горькой иронією называлъ себя то «ненужнымъ человѣкомъ», то «Донъ-Кихотомъ», то «послѣднимъ романтикомъ». Въ 1860 году ему пришлось пережить новое разочарованіе: весною этого года онъ получилъ черезъ Н. Н. Страхова приглашеніе М. Н. Каткова принять участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ качествѣ руководителя критическаго и беллетристическаго отдѣла; онъ съ радостью принялъ это предложеніе и съ новыми надеждами поѣхалъ въ Москву, но уже осенью того же года возвратился обратно, не сойдясь съ Катковымъ во взглядахъ и не помѣстивъ въ издаваемомъ имъ журналѣ ни одной статьи. Только въ 1861 году, когда братья Достоевскіе основали свой журналъ «Время», положеніе Григорьева нѣсколько упрочилось. Только по чисто случайнымъ обстоятельствамъ первая книжка журнала вышла безъ статьи Гри-

горьева, но уже со второй книги началось печатаніе его большой работы о «развитіи идеи народности въ русской литературѣ», занявшей нѣсколько номеровъ журнала и представляющей большой интересъ для выясненія литературныхъ взглядовъ Григорьева. «Время» имѣло быстрый и многообѣщающій успѣхъ, Григорьевъ работалъ охотно и много, положеніе его казалось болѣе или менѣе обезпеченнымъ, но его обычная непрактичность, безалаберный образъ жизни и пагубная страсть къ вину не позволили ему и на этотъ разъ устроиться сколько-нибудь прочно и сносно. Запутавшись по обыкновенію въ долгахъ, онъ снова попалъ въ долговое отдѣленіе, въ такъ называемый «Тарасовскій домъ». Впрочемъ, это заключеніе во узилище имѣло для Григорьева и нѣкоторую положительную сторону. На свободѣ онъ не отличался особенной аккуратностью въ работѣ, нерѣдко залѣнивался, не доставлялъ статьи къ условленному сроку; но въ Тарасовскомъ домѣ, благодаря отсутствію разсѣянія и развлеченій Григорьевъ занимался гораздо болѣе усидчиво и очень аккуратно доставлялъ въ редакцію свои статьи,—такъ что впослѣдствіи М. М. Достоевскій, по свидѣтельству А. П. Милюкова, долго не получая отъ него обѣщанной работы какъ-то въ шутку замѣтилъ ему: «Знаете, Аполлонъ Александровичъ, что я придумалъ: я дамъ вамъ краткосрочный вексель, посажу васъ за неплатежъ въ долговое отдѣленіе, и вы будете тамъ писать мнѣ славныя статьи. Не правда-ли, хорошая мысль?» Впрочемъ, заключеніе въ Тарасовскомъ домѣ не было для Григорьева особенно тягостнымъ и стѣснительнымъ, такъ какъ, на правахъ частаго жильца, онъ пользовался тамъ нѣкоторой свободой, и смотритель дома, добродушный старикъ, относившійся вообще къ пишущей братіи съ большимъ уваженіемъ, по свидѣтельству того же А. П. Милюкова, даже отпускалъ иногда своего полувольнаго постояльца по дѣламъ въ городъ, взявъ съ него только честное слово возвратиться къ ночи обратно.

Вскорѣ послѣ выхода изъ долговой тюрьмы, Григорьевъ, тяготясь необезпеченностью своей жизни, рѣшилъ снова поступить на службу и при содѣйствіи нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ выхлопоталъ себѣ мѣсто преподавателя словесности въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Оренбургѣ. Напрасно его друзья, зная особенности его характера и его органическую неспособность къ правильной и регулярной жизни, пытались отклонить

сто отъ этого намѣренія,—Григорьевъ, какъ это нерѣдко бываетъ со слабыми людьми, уперся на своемъ и въ маѣ 1861 года выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своего назначенія. Свѣдѣнія о его оренбургской жизни мы находимъ главнымъ образомъ въ его письмахъ къ Н. Н. Страхову, съ которымъ онъ впослѣдствіе время особенно тѣсно сошелся. Первыя письма изъ Оренбурга, въ которыхъ онъ описываетъ свое путешествіе и обстановку своей новой жизни, отличаются сравнительно бодрымъ тономъ, хотя и въ нихъ подчасъ прорывается горькая нота, напримѣръ, когда онъ вспоминаетъ о своемъ «бѣствѣ» изъ Петербурга, вызванномъ сознаніемъ своей «ненужности». Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Оренбургъ, Григорьевъ пишетъ Страхову:

«Въ словахъ такъ называемаго *Писанія* есть, мой милый, дѣйствительно какая-то таинственная сила. Вдумывался-ли ты серьезно въ книгу Іова, въ эти стоны, съ глубокимъ сердцевѣдѣніемъ вырванные изъ души человѣческой? Тамъ между прочимъ, въ этомъ апокалипсисѣ божественной скорби, есть слова: «страхъ его-же убояхся, найде на мя»—страшный смыслъ которыхъ рано или поздно откроется и тебѣ, какъ давно уже раскрылся онъ мнѣ. Да, чего мы боимся, то именно къ намъ и приходитъ...

«Ничего не боялся я столько (между прочимъ), какъ жить въ городѣ безъ исторіи, преданій и памятниковъ. И вотъ—я (это одинъ изъ многихъ опытовъ) именно въ такомъ городѣ. Кругомъ—глушь и степь, да близость Азіи, порядочно отвратительной всякому европейцу. Городъ—смѣсь скверной деревни съ казенными домами. Ни стараго собора, ни одной чудотворной иконы—ничего, ничего...

«Можетъ быть ты одинъ, узнавши меня въ послѣднее время достаточно, понимаешь, что причины болѣе глубокія, чѣмъ личныя невзгоды и разочарованія, заставили меня осудить себя на добровольную ссылку, что главная вина, causa causalis моего рѣшенія была—сознаніе своей *ненужности*. Въ сознаніи этомъ много, коли ты хочешь, и гордости. Я дошелъ до глубокаго презрѣнія къ литературѣ *прогресса*. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютнаго,—я столь-же мало понимаю рабство передъ минутой, рабство демагогическое, какъ рабство передъ деспотами. Лучше я буду киргизовъ обучать русской грамотѣ,—чѣмъ *обязательно* писать въ такой литературѣ, въ которой

нельзя подать смѣло руку хотя-бы даже Аскоченскому въ томъ, въ чемъ онъ правъ, и смѣло-же спорить—хоть даже съ Гернетомъ. Цинизмъ мысли, право, дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ. Слова человѣка очень честнаго и хорошаго, каковъ М. Достоевскій: «какіе-же глубокіе мыслители Кирѣевскій, Хомяковъ, о. Оеодоръ?»—для человѣка *дѣйствительно* мыслящаго—термометръ довольно ужасающій.

. . . . . .

«На первый разъ вкратцѣ разскажу тебѣ наше странствіе. *Тверь* я видѣлъ два раза и прежде,—но никогда не поражала она меня такъ, какъ въ этотъ разъ, своею мертвенностью. Точно сказочные города, которые заснули. А у нея была *исторія*—куда же она подѣвалась? Только великолѣпный по стилю иконостасъ... испорченный мѣстнымъ усердіемъ собора, напоминаетъ еще о бывшей жизни.

«*Ярославль*—красоты неописанной. Всюду Волга и всюду исторія. Тутъ хотѣлось-бы мнѣ покончить свое земное странствіе. Тутъ кстати чудотворная икона Толгской Божіей матери, которой образомъ благословила меня покойница мать. Четыре дня прожилъ я въ Ярославлѣ и все не могъ находиться по его церквамъ и монастырямъ, налюбоваться на его Волгу. Да, вотъ настоящая столица Поволжья, съ даровитымъ, умнымъ, хоть и ёрическимъ народомъ, съ торговою жизнью.

«Между Тверью и Ярославлемъ заходилъ я вечеромъ въ Корчеву искать отца Оеодора. Увы! онъ уже уѣхалъ, какъ объявилъ мнѣ протопопъ, немного кажется удивленный, что я разыскиваю...

«Казань мнѣ не понравилась. Татарская грязь съ претензіями на Невскій проспектъ. Отъ Казани Волга становится великолѣпна,—но я, романтикъ, воспоминалъ о ея разбойникахъ,—имъ болѣе что ихъ грабительство en grand размѣнялося на мелочь,—на грабительство гостинницъ, извощиковъ и проч., а крикъ: «Сарынь на кичку» размѣнялся на безконечные крики: «на водку». Съ Казанью кончаются города и начинаются *сочиненные*... притоны, вѣ родѣ Самары, Бузулука и Оренбурга»...

Другое письмо Григорьева, относящееся къ этому же времени, интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ онъ пытается опредѣлить свое собственное положеніе въ борьбѣ литературныхъ партій, при чемъ снова приходитъ къ безотрадному выво-

ду о своей «ненужности» и «несвоевременности». Отвѣчая, очевидно, на слова Страхова, онъ пишетъ:

«Что ты тамъ выдумалъ *уважать* такія натуры, какъ моя? Уважать растеніе за то, что у него такіе, а не другіе плоды? Помнится, я говорилъ тебѣ, что я *не могу* органически сказать ничего противнаго моему убѣжденію. Не могу—стало быть это уже не достоинство. Ну да... къ чорту мои *достоинства*. Въ особенности... къ чорту моя проницательность. Увы—я проницателенъ только на зло и горе...

«О, много, много невозможнаго или почти невозможнаго нужно для того, чтобы жизнь хоть на минуту перестала мнѣ представляться съ ея черныхъ сторонъ...

«Самая простая вещь,—что я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени. Славянофильство такъ-же не признавало и не признаетъ меня своимъ—да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ съ кѣмъ у меня *все* общее—Островскій;—да вѣдь о немъ, подавшемъ руку тушинцамъ, я, по отношенію къ себѣ, могу сказать:

> А тотъ, чей острый умъ тебя и понималъ,
> Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.

«Только пожалуйста не подумай, что я себя въ Барклаи-де-Толли произвелъ.

«Погодинъ, — единственный мой политическій вождь, такъ падокъ до популярности, что изъ рукъ вонъ. Подумай-ка, много-ли людей, серьезно ищущихъ правды?

. . . . . .

«Есть вопросъ и глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ,—и вопроса (каковъ цинизмъ?) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о ужасъ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ, — явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.). О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, не смотря

на пьянство и безобразіе, или мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли...»

Слѣдующее письмо чрезвычайно характерно для тогдашняго настроенія Григорьева, такъ какъ оно очень ярко рисуетъпереживаемую имъ внутреннюю трагедію.

Оренбургъ 1861 г. Сент. 23.

«Ты можешь быть увѣренъ, что давно уже—со временъ юности, ни къ кому въ мірѣ не писалъ я такъ много и такъ часто, какъ къ тебѣ, мой всепонимающій философъ.. Въ эти двѣ недѣли воспослѣдовали опять каинская тоска, приливъ желчи и стало быть приливъ служенія Лізю, не вредившій однако дѣлу классовъ. А теперь, разумѣется, я разбитъ, какъ старая кобыла. Да и право, я не больше какъ старая, никуда уже больше негодная кобыла. Такъ мнѣ иногда все, что зовется дѣятельностію, представляется ничтожнымъ, пустымъ и мелкимъ—въ сравненіи съ тѣмъ, что «едино есть на потребу»—все: и Чернышевскій, и «Русскій Вѣстникъ», и я самъ pardessus le marché!..

Увы, какъ какой-то страшный призракъ, мысль о суетѣ существій, мысль безотраднѣйшей книги Экклезіаста—возникаетъ все явственнѣй и рѣзче и неумолимѣе передъ душою.

Боже мой! Неужели же и ты дойдешь до этого?

Сумасшедшій ты человѣкъ! Жалуешься на то, что не жилъ? А имѣешь ли ты конкретное понятіе о тѣхъ мрачныхъ Эринніяхъ, которыхъ жизнь насылаетъ на своихъ конкретныхъ любителей?.. Муки во всемъ сомнѣвающагося ума—вздоръ въ сравненіи съ муками во всемъ сомнѣвающагося сердца, озлобленнаго и само на себя, и на все, что оно кругомъ видѣло. Да, я все видѣлъ надъ собою и отъ этого видѣннаго у меня въ одну ночь выростали въ бородѣ и вискахъ сѣдые волосы... Помню я особенно одну такую милую ночь, и помню, какимъ ужасомъ поразилъ меня утромъ бѣлый какъ лунь волосъ,—ужасомъ перехода моральнаго въ физическое.

Что ты мнѣ толкуешь о значеніи моей дѣятельности, о ея несправедливой оцѣнкѣ? Тутъ никто не виноватъ—кромѣ жизненнаго вѣянія. Не въ ту струю попалъ,—струя моего вѣянія отшедшая, отзвучавшая—и проклятіе лежитъ на всемъ, что я ни дѣлалъ.

Началъ было я свой *курсъ* въ «Русскомъ Словѣ», велъ свою мысль къ полнѣйшему разъясненію длинными, длинными околи-

нами. Сорвалось. «Гроза» Островскаго вновь было расшевелила меня. Смѣло и рѣшительно началъ было я новый курсъ въ несчастномъ «Русскомъ Мірѣ» 1859 года;—взялъ другой пріемъ, кратчайшій. Не только сорвалось,—но никто даже не отозвался. Послѣ долгихъ мукъ рожденія, съ новою вѣрою и энергіею, съ новыхъ пунктовъ, облегчивъ даже кажется по возможности формы,—началъ я опять тотъ же курсъ во «Времени». Господи! и тутъ дождался только упрека Р... за то, что я пишу такъ, что его жена не понимаетъ, нагло-намѣреннаго непониманія, выразившагося въ бойкомъ отвѣтѣ фельетониста «Русскаго Инвалида» на мои *Замѣтки ненужнаго человѣка*,—и наконецъ шутокъ М. Достоевскаго, что я въ «Свѣточѣ» даю статьи гораздо интереснѣе,—шутокъ, перешедшихъ въ прямое уже неудовольствіе на мою послѣднюю статью...

А омерзительное отношеніе ко мнѣ «Искры»? а еще болѣе омерзительное обвиненіе меня человѣкомъ серьезнымъ, какъ Катковъ, въ фальшивомъ поступкѣ изъ-за его плохого перевода Ромео и Юліи?.. А отрицательство отъ меня всѣхъ старыхъ друзей?.. А *убѣжденіе* П.... что я интриговалъ противъ него у К... а?.. Да право, не перечислить всего того скверная, что я надъ собою видѣлъ... Въ пьяномъ образѣ я приподнималъ для тебя немного душевную завѣсу...

Такъ что тутъ разсуждать, когда явное проклятіе тяготѣетъ надъ жизнью?.. Ну, и опускаются руки—и дѣлать ничего не хочется на бываломъ поприщѣ. Не знаю, право, скоро ли допишу я—и допишу ли даже—статью о Толстомъ...

Что за дикое, ложное смиреніе заставляетъ тебя съ какимъ-то страшнымъ неловѣріемъ относиться къ своей собственной критической дѣятельности? А я такъ тебѣ говорю, положа руку на сердце: кому-жъ и писать теперь, какъ не тебѣ? Я читалъ статью о Писемскомъ... И тонко и ловко схвачена сторона бездвижности въ его произведеніяхъ, въ статьѣ есть и глубокій пріемъ и *единство* мысли, бьющей наверняка.

Извѣстіе, сообщенное «С. Пчелой» объ окончаніи Островскимъ Кузьмы Минина—вотъ это событіе. Тутъ вотъ прямое *быть или не быть* положительному представленію народности,—можетъ быть такой толчокъ *впередъ*, какого еще и не предвидѣлось.

Одна изъ идей, въ которыя я пламенно вѣрилъ, порѣшается. Но это только одна сторона моего вѣрованія. Если бы я вѣ-

рилъ только въ элементы, вносимые Островскимъ,—давно бы съ моей *узкой*, но относительно вѣрной и торжествующей идеей, я внесся бы въ общее вѣяніе духа жизни... Но я же вѣрю и знаю, что однихъ этихъ элементовъ недостаточно, что это все-таки только membra disjecta poëtae,—что полное и цѣльное сочетаніе стихій великаго народнаго духа было только въ Пушкинѣ, что могучую односторонность исключительно народнаго, пожалуй земскаго, что̀ скажется въ Островскомъ, должно умѣрять сочетаніе другихъ, тревожныхъ, пожалуй бродячихъ, но столь же существенныхъ элементовъ народнаго духа въ комъ-либо другомъ. Вотъ, когда рука объ руку съ выраженіемъ коренастыхъ, крѣпкихъ, *дубовыхъ* (въ какомъ хочешь смыслѣ) началъ пойдетъ и огненный, увлекающій порывъ новой силы,—жизнь будетъ полна и литература опять получитъ свое *царственное* знаніе.

А этого, Богъ знаетъ, дождемся ли мы! Шутка—чего я жду!—я жду того стиха, который бы

Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,

того упоенія, чтобы «журчанье этихъ стиховъ наполняло окружающій насъ воздухъ»... Шутка! Вѣдь это—вѣра, любовь, порывъ, лиризмъ...

Не говори мнѣ, что я жду невозможнаго, такого, чего время не даетъ и не дастъ. Жизнь есть глубокая иронія во всемъ. Во времена торжества *разсудка*, она вдругъ показываетъ оборотную сторону медали, посылаетъ Каліостро и проч.—въ вѣкъ паровыхъ машинъ—вертитъ столы и приподнимаетъ завѣсу какого-то таинственнаго, пророческаго міра духовъ, странныхъ, причудливыхъ, насмѣшливыхъ...

Твой Ап. Григорьевъ.

Живя въ Оренбургѣ, Григорьевъ не оставлялъ однако своихъ литературныхъ занятій. Здѣсь имъ было написано нѣсколько критическихъ статей,—между прочимъ двѣ статьи о раннихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого; здѣсь же онъ занялся переводомъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона, одного изъ любимѣйшихъ своихъ поэтовъ. Эти занятія Байрономъ навели его на печальныя мысли о судьбѣ поэзіи среди современнаго общества, которыя онъ и выразилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«А поэзія—уходитъ изъ міра. Вотъ я теперь съ любовью перевожу одного изъ трехъ послѣднихъ настоящихъ поэтовъ

(т.-е. съ Мицкевичемъ и Пушкинымъ кушно),—я переживаю былую эпоху молодости—и *понимаю*, съ какой холодностью отнесется современное молодое поколѣніе къ этимъ пламеннымъ строфамъ (все равно, хоть читай оно ихъ по-англійски), къ этой лихорадочной тревогѣ, ко всему тому, чѣмъ мы *жили*, по чему мы *строили* свою жизнь... Все это *не нужно*. Нужны б..... Минаева, Некрасовскій откупъ народныхъ слезъ, статьи Добролюбова и «Искра». Вотъ что нужно...

«А все сдается, что нужно это только до тѣхъ поръ, пока новый могучій стихъ

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой

и повлечетъ за собой неистощимую жажду человѣческаго сердца, и опять туда-же, in das Idealen-Reich»...

Зимою 1861 года Григорьевъ рѣшился прочесть передъ оренбургскимъ обществомъ нѣсколько публичныхъ лекцій, посвященныхъ своему любимому поэту—Пушкину. Лекціи эти носили общее заглавіе: «О Пушкинѣ и его значеніи въ нашей литературѣ». Онѣ были посвящены слѣдующимъ вопросамъ: 1-я лекція: «Значеніе Пушкина вообще и причины толковъ о немъ въ настоящую минуту»; 2-я лекція: «Пушкинъ, какъ нашъ эстетическій и нравственный воспитатель»; 3-я—«Пушкинъ,—народный поэтъ»; 4-я: «Пушкинъ и современная литература». Боренъ по натурѣ, Григорьевъ выступилъ не только какъ истолкователь Пушкина и его поэзіи, но также и какъ обличитель тѣхъ теченій, которыя пытались умалить его значеніе въ литературѣ. Вотъ что онъ самъ писалъ объ этихъ лекціяхъ Страхову.

«Курьезная вышла исторія съ этими лекціями. Я хотѣлъ читать ихъ въ пользу «Литературнаго Фонда», желая отплатить этому Обществу за помощь мнѣ разъ оказанную. И точно, отплатилъ-бы съ процентами. Мои лекціи собрали для здѣшнихъ бѣдныхъ 320 рублей серебромъ. Не знаю принесутъ-ли столько *чтенія*, которыя мы съ Ѳедоровымъ хотимъ теперь устроить въ пользу Фонда. Дѣло въ томъ, что здѣсь плохо понимаютъ, что такое Литературный Фондъ. Генералъ-губернаторъ *просилъ* меня читать лекціи въ пользу бѣдныхъ города Оренбурга.

«Что тебѣ сказать о нихъ? Идеи мои о Пушкинѣ ты болѣе или менѣе знаешь,—импровизаторская способность у меня какъ-то съ лѣтами укрѣпляется,—высокомѣріе мое ко всякой публи-

къ, не только къ оренбургской — чрезвычайно прочно. Стало быть я достигалъ тѣхъ результатовъ, какихъ самъ хотѣлъ. Первая лекція, направленная преимущественно противъ теоретиковъ (а здѣсь, какъ и вездѣ, всѣ, кто читаетъ, ихъ послѣдователи), привела въ немалое недоумѣніе. Вторая кончилась сильнѣйшими рукоплесканіями. Въ третьей защитою Пушкина, какъ гражданина и народнаго поэта, я озлобилъ всѣхъ понимавшихъ до мрачнаго молчанія. Въ четвертой я спокойно ругался надъ поэзіей «о Ванькѣ рыжемъ», «о кушѣ, у коего украденъ былъ калачъ», обращаясь прямо къ поколѣнію, «которое ничего, кромѣ Некрасова не читало», и кончилъ пасмѣшками надъ соединеніемъ луны съ землею и пророчествомъ о побѣдѣ Галилеянина, о торжествѣ царства Духа—опять при сильныхъ рукоплесканіяхъ. Что ни одной своей лекціи я заранѣе не обдумывалъ,—въ этомъ сама ли ты усумнишься. Одно только и было мною заранѣе обдумано—заключеніе.

«Народу было у меня постоянно много, но, конечно, было бы вдвое больше, еслибъ я объявилъ, что буду..... показывать или слона приведу».

Однако сравнительно спокойное и бодрое настроеніе, которымъ проникнуты эти письма, было въ сущности обманчивымъ. Повидимому, уже скоро Григорьевъ убѣдился, что друзья, старавшіеся отговорить его отъ переселенія въ Оренбургъ, были совершенно правы, и что жизнь въ «сочиненномъ» городѣ, безъ исторіи, безъ общества, безъ той духовной атмосферы, къ которой онъ привыкъ,—была для него на долгое время невыносимой. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ большой промахъ, и только самолюбіе мѣшало ему въ этомъ признаться. Тщетно пробовалъ онъ забыться въ работѣ,—она не могла всецѣло заполнить пустоту его существованія; тщетно прибѣгалъ и къ другому, еще болѣе дѣйствительному средству забвенія... Безысходная тоска грызла его,—настроеніе было настолько мучительно, что по временамъ его уже сталъ посѣщать соблазнъ самоубійства... Одно время онъ совершенно прекратилъ переписку съ друзьями, не желая сообщать имъ о своемъ душевномъ состояніи и только въ мартѣ 1862 года, послѣ значительнаго перерыва, Страховъ получилъ наконецъ отъ него письмо, которое всѣмъ своимъ тономъ свидѣтельствуетъ о сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи.

«Ну—съ чего же начать? Съ той ли казенной фразы, что сердце у меня все разбито. Глупо... Очевиднѣе и проще то, что виски мои побѣлѣли, что въ бородѣ прибавилось двѣ новыхъ бѣлыхъ нитки..... Да и это собственно къ чему я говорю? Ты достаточно вызналъ меня въ послѣднія минуты моего житія въ Петербургѣ... Все прежнее—нелѣпо, пьяно и нескладно, но я тебѣ тогда разсказывалъ...

Невыносимость положенія пришла впрочемъ не оттуда, откуда ты пророчилъ... Зачѣмъ я ѣхалъ въ Оренбургъ и поѣхалъ бы—видитъ Богъ—въ Камчатку? мнѣ надоѣло, опротивѣло пишиться, должать безысходно... А тутъ стало повторяться то же самое... Ну, представь ты мою жизнь. Нахваталъ я уроковъ гибель—вотъ уже первое безчестное дѣло, а вѣдь я ѣхалъ для того, чтобы стать и внѣшне-то честнымъ человѣкомъ... Другъ, я вѣдь истинный Донъ-Кихотъ былъ какой-то»...

. . . . . .

«Знаешь ли? Я даже насильственно заглушалъ самыя свѣтлыя воспоминанія,—и когда порой полъ аккорды гитары вставали они въ душѣ, все такія-же свѣтлыя, не потерявшія никакихъ своихъ правъ надъ душою—мнѣ становилось страшно..... и я чувствовалъ, что увы! одно только глубокое, болѣзненное сожалѣніе приковываетъ меня къ моему настоящему міру, лишенному всякаго разумнаго и нравственнаго значенія...

«Три раза въ Оренбургѣ уже хотѣлъ я все это порѣшить и *могъ* тогда порѣшить. Да выйдешь, бывало, изъ дома,—перекрестишься на церковь и вдругъ скажешь себѣ: нѣтъ, потерплю еще, пострадаю еще... Больше сея любви ничтоже есть, аще кто душу свою положитъ за други своя... А на душѣ отъ такого рѣшенія легче все-таки не становилось. Понятно почему. Я зналъ, что живя такъ дальше, я влекусь неминуемо къ гибели, не физической, а нравственной, къ жизненнымъ подлостямъ, къ потерѣ самого дорогого—моихъ убѣжденій. Мысль зрѣла, тоска грызла и разумѣется воспослѣдовалъ запой...

. . . . . .

«Что затѣмъ было, опредѣлить трудно. Все кругомъ меня завертѣлось и кажется самая жизнь сошла съ ума... И все это я понимаю... И въ концѣ-концовъ въ душѣ стоитъ только одно слово: *жаль!* Жаль и ничего не подѣлаешь.. Такъ должно быть. Вотъ я нынче . . . . . и пошелъ на урокъ.

Хожу по классу и диктую грамматическіе примѣры,—а что-то давитъ грудь, подступаетъ къ горлу, и того и гляди прорвется истерическими рыданіями. Кабы не глубокая привязанность ко мнѣ моего бывшаго ученика, актера Алюева,—да не «Мининъ»—башка бы моя треснула.

«За то во всякое свободное время моя тѣсная квартира набита страстно-преданными мнѣ учениками, и, то посвящаю я ихъ слегка въ философскіе вопросы, то читаю «Минина»,—и я плачу, и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь выше личныхъ страданій. До ночи!»..

О времени пребыванія Григорьева въ Оренбургѣ одинъ изъ его бывшихъ учениковъ сообщаетъ еще слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія: «Любя свой предметъ не только какъ учитель, но и какъ писатель, Аполлонъ Александровичъ съ страстнымъ увлеченіемъ старался вложить тѣ-же знанія и тѣ-же мысли въ сердца и умы своихъ слушателей и развить въ нихъ эстетическое чувство ко всему доброму и прекрасному. Чтобы быть ближе съ своими учениками, онъ поселился недалеко отъ корпуса, заваливъ свою небольшую квартирку книгами. Хотя въ классѣ онъ говорилъ только по учебнику, но въ частныхъ бесѣдахъ знакомилъ своихъ учениковъ сверхъ программы и съ выдающимися произведеніями молодыхъ тогдашнихъ писателей. Воспитанники любили его и съ замѣтнымъ удовольствіемъ слушали его прочувствованныя лекціи; но начальство корпуса, а также и представители мѣстной интеллигенціи оказывали ему явное недоброжелательство и пренебреженіе. Это очень вліяло на впечатлительную и нервную натуру А. А. Къ тому-же онъ сошелся близко съ однимъ изъ корпусныхъ дежурныхъ офицеровъ, человѣкомъ хотя неглупымъ и сравнительно съ другими даже довольно образованнымъ, но страшнымъ кутилой и пьяницей. Дружба эта повела къ тому, что самъ А. А. началъ усиленно пить и пренебрегать службой. Онъ сталъ часто пропускать лекціи и повелъ самую безалаберную жизнь, вслѣдствіе чего начальство корпуса начало косо смотрѣть на его поведеніе, и только одинъ инспекторъ П. В. Митуричъ, уважая его талантъ и сочувствуя его положенію, всѣми мѣрами старался защищать его отъ нападокъ директора и преподавателей. Между тѣмъ А. А. все болѣе опускался. Ходилъ онъ совершеннымъ оборванцемъ въ крайне поношенномъ сюртукѣ, въ грязномъ

бѣльѣ, съ длинными нечесанными волосами, и имѣлъ жалкій видъ приниблепнаго судьбой человѣка. Богъ знаетъ, что сталось бы съ нимъ, еслибы онъ еще долѣе остался въ Оренбургѣ дослуживать положенный трехлѣтній срокъ. Очень можетъ-быть, что его раньше уволили бы отъ службы, и онъ очутился бы безъ куска хлѣба, безъ близкихъ и друзей на далекой окраинѣ, откуда выбраться, особенно въ то время, безъ копѣйки, было чрезвычайно трудно. Но онъ одумался во-время и, собравъ кой-какія деньжонки, подъ предлогомъ устройства домашнихъ дѣлъ и перевозки семейства въ Оренбургъ, выпросилъ двадцативосьмидневный отпускъ и выѣхалъ въ Петербургъ».

Этотъ оренбургскій эпизодъ жизни Григорьева завершился весьма характернымъ концомъ. Такъ какъ онъ не выслужилъ установленнаго трехлѣтняго срока, то долженъ былъ возвратить полученное имъ изъ казны пособіе,—годовой не въ зачетъ окладъ жалованія (810 руб.). Когда полиція явилась къ нему на квартиру, чтобы описать за неплатежъ его имущество,—у него ровно ничего не оказалось...

О послѣднихъ годахъ жизни Григорьева наиболѣе полныя свѣдѣнія мы находимъ въ уже цитированныхъ выше воспоминаніяхъ Н. Н. Страхова, который въ это время былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей.

«Въ іюнѣ мѣсяцѣ (1862 г.), возвращаясь изъ Москвы, я вдругъ встрѣчаю Григорьева въ Петербургѣ, на самой станціи желѣзной дороги. Онъ ждалъ меня, узнавши, что я не сегодня-завтра пріѣду. Очень я удивился, но обрадоваться было невозможно: Григорьевъ замѣтно перемѣнился къ худшему, былъ сильно озабоченъ, былъ одѣтъ плохо и неопрятно. «Мнѣ нужно потолковать съ тобою», сказалъ онъ. Я попросилъ его дать мнѣ часа три заснуть, и потомъ зайти ко мнѣ. Такъ и сдѣлано было. Началась прежняя жизнь со всѣми ея порядками...

«Григорьевъ былъ въ очень дурномъ положеніи и сталъ усердно работать, чтобы выйти изъ него. Опять пошелъ рядъ его критическихъ статей во «Времени»; кромѣ того онъ переводилъ съ итальянскаго либретто для русской оперы; въ концѣ же года началъ во «Времени» два новые ряда статей, именно сталъ писать свои «Скитальчества» и театральную хронику. Мало-по-малу Григорьевъ опять оправился и устроился. Онъ переѣхалъ поближе къ редакціи въ домъ Соболевскаго на Вознесенскомъ

проспектѣ и занялъ здѣсь порядочную квартиру; къ концу года онъ даже пустился въ щегольство своимъ костюмомъ, которому любилъ придавать особенную, очень шедшую къ нему оригинальность.

«И все это какъ-то вдругъ рухнуло. Началось это разрушеніе какъ разъ съ началомъ изданія несчастнаго «Якоря». Было, конечно, у самого Григорьева нѣкоторое желаніе имѣть свой собственный органъ; но скорѣе онъ тутъ только склонился на предложеніе и уговоры издателя. Принялся за дѣло онъ однако-же серьезно и горячо. Переговоривши съ кѣмъ хотѣлъ здѣсь, въ Петербургѣ, онъ поѣхалъ приглашать сотрудниковъ въ Москву. Но первый-же шагъ въ новомъ предпріятіи, кажется, и подорвалъ его бодрость. Москва подѣйствовала на Григорьева дурно. Вѣроятно, воспоминанія прежней, болѣе молодой и горячей жизни, пахнули на него на родинѣ и отуманили его. Онъ прогулялъ всѣ деньги, какія съ нимъ были, и вернулся въ Петербургъ, не сдѣлавъ ничего для журнала.

«Якорь» началъ выходить въ апрѣлѣ. Надъ первыми нумерами Григорьевъ все-таки старался, писалъ передовыя статьи, заказалъ переводы любимыхъ произведеній и т. д. Но ничего особенно виднаго и складнаго изъ этого не вышло. Увидѣвъ неудачу, онъ вовсе опустилъ руки. Журналъ поплелся, какъ попало. Въ это время Григорьевъ велъ особенно безпорядочную жизнь.

«И все-таки выдался предметъ, который, можетъ-быть чисто случайно, останавливалъ на себѣ въ это время весьма серьезное вниманіе Григорьева. Это былъ—театръ; много прекрасныхъ страницъ написано Григорьевымъ въ «Якорѣ» о театрѣ вообще и въ частности—объ оперѣ Сѣрова, о пьесахъ Островскаго, объ игрѣ П. В. Васильева и пр. Въ «Якорѣ», бывало, только и читались одинъ театральныя рецензіи, хотя онѣ и печатались мельчайшимъ шрифтомъ; въ силу этого журналъ даже пріобрѣлъ не малое значеніе въ театральномъ мірѣ... Какъ-то въ одинъ изъ послѣднихъ разговоровъ со мной Григорьевъ сказалъ, что въ «Якорѣ», можетъ-быть, явилось лучшее изъ всего, что онъ писалъ о театрѣ.

«Въ эту полосу его дѣятельности началось изданіе «Эпохи»; въ первомъ-же нумерѣ онъ явился въ ней со своими театральными обозрѣніями. Затѣмъ принялся онъ и за продолженіе

«Скитальчества», и наконецъ выступилъ и какъ литературный критикъ съ новымъ рядомъ статей, подъ названіемъ «Парадоксы органической критики». Это былъ послѣдній изъ его *неоконченныхъ* курсовъ.

«Итакъ, повидимому, дѣло обѣщало пойти по прежнему; Григорьевъ писалъ тѣ же три отдѣла, какъ и во «Времени». Но на самомъ дѣлѣ была большая разница; вслѣдствіе безпорядочной жизни Григорьевъ работалъ мало, въ сравненіи съ прежнимъ, и его денежныя неустройства не только не уменьшились, а даже увеличились. Въ концѣ іюня онъ опять попалъ въ долговое отдѣленіе. На нѣкоторое время онъ приободрился, пересталъ пить, сталъ прилежно работать; но это продолжалось недолго...

«Литературные труды, конечно, иногда давали Григорьеву средства для достаточной и спокойной жизни; но для этого нужно было много работать, нужны были постоянныя усилія. Дѣло однако-же не въ этомъ. Григорьевъ былъ вовсе не прихотливъ и собственно для жизни нуждался не въ многомъ. Въ спокойныя полосы, когда онъ работалъ, онъ часто не издерживалъ больше 25 рублей въ мѣсяцъ. Маленькій нумеръ какого-нибудь мелкаго трактирчика, наполненнаго и наполняющагося различнымъ русскимъ людомъ, или же одна изъ комнатъ большой квартиры, обращенной въ постоялый дворъ и по временамъ наполняющейся гамомъ и шумомъ—вотъ мѣста, въ которыхъ Григорьевъ любилъ селиться. Устроившись какъ попало, тамъ онъ писалъ, спокойный, ясный, принимаясь для отдыха за свою гитару, съ которой былъ неразлученъ. Въ такія времена онъ успѣвалъ много сдѣлать и много заработать; но потомъ все это шло прахомъ, все растрачивалось самымъ дѣтскимъ образомъ. Другого порядка его жизнь не имѣла въ послѣднее время».

О своемъ послѣднемъ свиданіи съ Григорьевымъ, который лѣтомъ 1864 года снова попалъ за долги въ тюрьму, Страховъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ послѣднее время, какъ я замѣтилъ, Григорьеву хотя незамѣтно, но начало измѣнять его здоровье; но внутренно онъ не измѣнился до конца; это былъ все тотъ-же Григорьевъ, весь преданный литературѣ и живущій ея интересами. Не забыть мнѣ моего послѣдняго свиданія съ нимъ, дней за десять до его смерти. Я пріѣхалъ къ нему въ долговое отдѣленіе, еще не

зная, что меня ждетъ, не придется-ли отказаться отъ желанія потолковать съ нимъ. Первый взглядъ на вошедшаго Григорьева рѣшилъ мой вопросъ: его блѣдная орлиная фигура сіяла свѣтомъ мысли. Онъ началъ говорить о томъ, что намъ надобно начать борьбу съ извѣстными сторонами славянофильства. На эту тему, всегда горячо его занимавшую, и которой онъ не разъ касается въ своихъ письмахъ, его навела статья «Эпохи»: «Славянофилы побѣдили». Онъ находилъ, что теперь, когда славянофилы находятся въ такомъ выгодномъ положеніи, нужно тѣмъ усерднѣе защищать противъ нихъ самобытную жизнь областей, тѣ зачатки ея, которые еще способны развиться въ будущемъ, которые были подавлены Москвою и обнаружили сознаніе своей своеобразности противъ ея власти въ Смутное время...

«Разговоръ нашъ происходилъ утромъ, послѣ одной изъ тѣхъ ночей, которыя Григорьеву приходилось проводить безъ сна. «И вотъ, говорилъ онъ шатаюсь я тутъ всю ночь по корридорамъ, пью чай, и всю ночь я какъ будто разговариваю съ тобою, съ Бѣляевымъ, съ Аксаковымъ... спорю, опровергаю, самъ дѣлаю себѣ возраженія, и все это съ такою ясностью, съ такою силою, что если-бы записывать все, что я передумалъ, то вышла бы превосходнѣйшая статья, какую я только способенъ написать». Воодушевленіе Григорьева отличалось на этотъ разъ какою-то особенною живостью и силою. Тутъ невольно могло прійти на мысль, что *есть въ жизни что нибудь повыше личныхъ страданій*. Передъ этимъ человѣкомъ, больнымъ, одѣтымъ въ плохіе обноски и сидящимъ въ долговомъ отдѣленіи, и который однако-же всею душою погружается въ общій интересъ и объ немъ одномъ думаетъ всю безсонную ночь, передъ этимъ человѣкомъ стало бы стыдно всякому, кто слишкомъ усердно носился бы со своими личными интересами».

Изъ долгового отдѣленія Григорьевъ былъ освобожденъ, благодаря вмѣшательству одной, лично ему незнакомой дамы, генеральши Бибиковой, которая «выкупила» его, внеся за него необходимую сумму. Но недолго пришлось оставаться ему на свободѣ: черезъ четыре дня послѣ своего выхода изъ тюрьмы, 25 сентября 1864 года Григорьевъ скоропостижно скончался, совершенно одинокій, въ пустой квартирѣ. Похороненъ онъ былъ друзьями на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, близъ главнаго собора. На похоронахъ его присутствовалъ между прочимъ П. Д.

Боборыкинъ, который въ своихъ воспоминаніяхъ: «За полвѣка» сообщаетъ о нихъ слѣдующее:

«Эти писательскія похороны памятны мнѣ, какъ нѣчто глубоко печальное. Я ихъ отчасти описалъ въ моей позднѣйшей повѣсти: «Долго ли?», гдѣ я коснулся тяжелой доли нищущей братіи. На похороны Григорьева, самыя бѣдныя и безъ-дольныя, явились его пріятели Достоевскій, Аверкіевъ, Страховъ, Всев. Крестовскій, композиторъ Сѣровъ, генеральша Бибикова и нѣсколько его сожителей изъ долгового отдѣленія. Между ними выдѣлялся своей курьезной фигурой Левъ Камбекъ, стяжавшій себѣ въ началѣ 60-хъ годовъ комическую репутацію. Онъ былъ одѣтъ въ поддевку изъ бураго верблюжьяго сукна и смотрѣлъ настоящимъ «мизерабленъ», но все еще разглагольствовалъ и хорохорился. Былъ тутъ и художникъ Бернадскій, когда-то талантливый рисовальщикъ, которому принадлежатъ иллюстраціи въ «Гарантасѣ» гр. Соллогуба. Эти выходцы изъ царства тѣней придавали похоронамъ Григорьева что-то курьезное и очень, очень печальное.

«По дорогѣ съ Митрофаньевскаго кладбища мы зашли въ какую-то кухмистерскую, и тамъ состоялся обѣдъ со спичами. Говорили его пріятели, говорили и «узники» дома Тарасова, предлагали болѣе или менѣе хмельныя здравицы.

«А въ городѣ, въ литературномъ мірѣ, въ театрѣ смерть Григорьева прошла очень холодно. Въ театрѣ его не любили за критику игры актеровъ. Любилъ его только П. Васильевъ, бывшій на похоронахъ. Изъ актрисъ одна только Владимірова, не зная его лично, пріѣхала въ церковь проститься съ нимъ».

Дѣйствительно, какъ это указываетъ Боборыкинъ, смерть Григорьева была очень мало отмѣчена въ текущей журналистикѣ, ограничившейся лишь небольшими некрологическими замѣтками. Въ этомъ, несомнѣнно, отразилось то «разобщеніе съ современностью», то нравственное одиночество Григорьева, отъ котораго онъ такъ сильно страдалъ. Только одна «Эпоха», въ которой Григорьевъ помѣщалъ свои послѣднія статьи, почтила его память болѣе достойнымъ образомъ, напечатавъ на своихъ страницахъ рядъ воспоминаній о немъ (Страхова, Аверкіева, Достоевскаго) и довольно значительное число его писемъ („Эпоха", 1864 г., №№ 8—9-й; 1865 г., № 2). Печатая письма Григорьева, Достоевскій снабдилъ ихъ небольшимъ послѣсловіемъ, въ кото-

ромъ онъ выразилъ свой взглядъ на личность и дѣятельность покойнаго критика, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую оговорку, по поводу встрѣчающихся въ письмахъ Григорьева жалобъ на то, что онъ даже въ наиболѣе близкихъ ему по духу и направленію изданіяхъ, какъ «Время» и «Эпоха», не встрѣчаетъ полнаго сочувствія своимъ взглядамъ. Указавъ на то, что Григорьевъ, вслѣдствіе развившейся у него мнительности, не всегда вполнѣ правильно понималъ точку зрѣнія редакторовъ этихъ дружественныхъ ему изданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе своей прямолинейности не считалъ возможнымъ при выраженіи своихъ взглядовъ считаться съ какими бы то ни было тактическими соображеніями, рѣзко осуждая такую тактическую осторожность и въ другихъ, Достоевскій пишетъ:

«Въ этихъ великолѣпныхъ, *историческихъ* письмахъ, въ которыхъ не звучитъ ни одной фальшивой (неискренней) ноты и въ которыхъ такъ типично, хотя все еще не вполнѣ, обрисовывается одинъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего времени (настоящихъ Гамлетовъ), въ этихъ великолѣпныхъ письмахъ, говорю я, не все и теперь можетъ быть взято редакціею «Эпохи» безъ оговорокъ. Безъ сомнѣнія каждый литературный критикъ долженъ быть въ то же время и самъ поэтъ; это, кажется, одно изъ необходимѣйшихъ условій настоящаго критика. Григорьевъ былъ безспорный и страстный поэтъ: но онъ былъ и капризенъ и порывистъ, какъ страстный поэтъ. Я не о томъ собственно говорю, что онъ *увлекался*,—фраза, которую некрологисты его (изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, рѣдкій и читалъ Григорьева) обратили въ пошлое выраженіе. Григорьевъ былъ хоть и настоящій Гамлетъ, но онъ, начиная съ Гамлета Шекспирова, и кончая нашими русскими, современными Гамлетами и гамлетиками, былъ одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ, которые менѣе прочихъ раздвоивались, менѣе другихъ и рефлектировали. Человѣкъ онъ былъ непосредственно, и во многомъ даже себѣ невѣдомо — почвенный, кряжевой: можетъ быть, изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ былъ наиболѣе русскій человѣкъ, какъ натура (не говорю какъ идеалъ; это разумѣется). Отъ этого и происходило, что малѣйшій порывъ свой въ общемъ дѣлѣ онъ считалъ до того *кровнымъ* и необходимымъ для *всего* дѣла, до того неразрывнымъ съ дѣломъ, что малѣйшее неудовлетвореніе этому порыву казалось ему иногда паденіемъ всего дѣла. И такъ какъ

раздваивался жизненно онъ менѣе другихъ, и, раздвоившись, не могъ такъ же удобно, какъ всякій «герой нашего времени», одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже въ прекрасныхъ стихахъ, съ самообожаніемъ, и съ нѣкоторымъ гастрономическимъ наслажденіемъ,—то и заболѣвалъ тоской своей весь, нѣликомъ, всѣмъ человѣкомъ, если позволятъ такъ выразиться. Въ этомъ настроеніи написаны и письма его.

«Я критикъ, а не публицистъ», говорилъ онъ мнѣ самъ нѣсколько разъ и даже не задолго до смерти своей, отвѣчая на нѣкоторыя мои замѣчанія. Но всякій критикъ долженъ быть публицистомъ, въ томъ смыслѣ, что обязанность всякаго критика—не только имѣть твердыя убѣжденія, но *умѣть* и проводить свои убѣжденія. А эта-то *умѣлость* проводить свои убѣжденія и есть главнѣйшая *суть* всякаго публициста. Но Григорьевъ, судя о словѣ *публицистъ* съ предубѣжденіемъ,—по нѣкоторымъ частнымъ примѣрамъ бывшихъ у насъ публицистовъ, не хотѣлъ даже и понимать, чего отъ него добивались, и, кто знаетъ, по своей гамлетовской мнительности, можетъ быть думалъ, что отъ него добиваются отступничества. Я полагаю, что Григорьевъ не могъ бы ужиться вполнѣ спокойно ни въ одной редакціи въ мірѣ. А еслибъ у него былъ свой журналъ, то онъ бы утопилъ его самъ, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ основанія. Но я радъ чрезвычайно, что публика и литература могутъ яснѣе узнать, по этимъ письмамъ Григорьева, какой это былъ правдивый, высокочестный писатель, не говоря уже о томъ, до какой глубины доходили его требованія и какъ серьезно и строго смотрѣлъ онъ всю жизнь на свои собственныя стремленія и убѣжденія».

Хотя Достоевскій и опредѣляетъ Григорьева не безъ нѣкотораго основанія, какъ «одного изъ нашихъ Гамлетовъ», однако, кажется, правильнѣе было бы назвать его «русскимъ Донъ-Кихотомъ», какъ онъ и называетъ себя самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Съ знаменитымъ рыцаремъ печальнаго образа сближаетъ его, во-первыхъ, его полная неприспособленность къ жизни, рѣшительное неумѣніе считаться съ реальными условіями дѣйствительности, къ нимъ такъ или иначе приспособляться и сколько-нибудь сносно устраивать свою судьбу. «Каждый, кто

зналъ Григорьева,—говоритъ по этому поводу Страховъ,—не колеблясь не минуты скажетъ, что это не былъ человѣкъ личныхъ интересовъ, что никогда личные интересы не стояли у него на первомъ планѣ, не занимали главнаго мѣста въ душѣ. Часто случалось, правда, что онъ дѣтски-наивно жаловался на скудость и шаткость своего личнаго положенія; но эти жалобы только доказываютъ, что онъ никогда не умѣлъ соблюдать свои интересы. Если бы это было не такъ, если бы онъ дѣйствительно умѣлъ дорожить ими и соблюдать ихъ, то онъ, конечно, не терпѣлъ бы и десятой доли тѣхъ неудобствъ и неустройствъ, среди которыхъ почти постоянно жилъ. Та же самая неумѣлость отзывается даже въ его литературныхъ трудахъ. У него недоставало той гибкости, которая даетъ возможность приспособляться къ условіямъ и требованіямъ повременнаго изданія, или даже просто къ пониманію читателей. Онъ писалъ свои статьи такъ, какъ они приходили ему въ голову, ни мало не заботясь о чемъ-либо постороннемъ. Вотъ почему онъ писалъ языкомъ для него яснымъ и выразительнымъ, но для другихъ часто темнымъ и непонятнымъ; вотъ почему его статьи не имѣли блестящаго и скораго успѣха. За то, разумѣется, тѣмъ выше цѣнилъ его всякій, кто понималъ его; а медленный успѣхъ его взглядовъ былъ вполнѣ проченъ, и никто не сумѣлъ бы теперь сказать, когда онъ прекратится».

Другая черта въ характерѣ Григорьева, сближающая его съ героемъ Сервантеса (и совершенно чуждая Гамлету), это—его глубокая, пламенная вѣра въ то, что онъ признавалъ за истину, и страстная безкорыстная преданность тому дѣлу, въ которомъ онъ видѣлъ свое призваніе. Вся его дѣятельность была проникнута однимъ, всеобъемлющимъ чувствомъ,—чувствомъ горячей любви къ родинѣ и къ родному народу; это чувство составляло какъ бы основную стихію личности Григорьева, налагало яркій отпечатокъ на все его міросозерцаніе. Но Григорьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ по натурѣ художникомъ-эстетикомъ; поэтому высшимъ выраженіемъ народнаго духа была въ его глазахъ литература, поэзія, искусство: въ нихъ онъ видѣлъ наиболѣе яркое воплощеніе, кристаллизацію всего того, чѣмъ живетъ народъ, что составляетъ его внутреннюю особенность, его національное лицо. Отсюда глубокое преклоненіе Григорьева именно передъ тѣми поэтами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и «представи-

телями» своего народа, въ творчествѣ которыхъ духъ націи получилъ свое высшее, типически-законченное выраженіе: такими народными «представителями», representative-men, были, въ глазахъ Григорьева, Пушкинъ,—въ поколѣніи прошломъ,—и Островскій—въ поколѣніи ему современномъ: оба они были его излюбленными поэтами-художниками, передъ обоими онъ благоговѣлъ, какъ передъ носителями и выразителями народнаго духа.

Но ярко выраженный національизмъ Григорьева былъ совершенно чуждъ узости и исключительности. Если Пушкинъ и Островскій были особенно дороги ему именно какъ *русскіе* писатели, представители *русскаго* генія, то это нисколько не мѣшало ему съ величайшимъ уваженіемъ относиться къ геніямъ чужихъ народовъ, къ Шекспиру, Байрону, Гёте, Гюго, творенія которыхъ онъ постоянно цитируетъ въ своихъ статьяхъ и которыми онъ восхищался, какъ истинный художникъ. Вообще мѣра пониманія и сочувствія у Григорьева была очень велика, и эту широкую отзывчивость онъ самъ считалъ однимъ изъ наиболѣе высокихъ свойствъ русскаго національнаго характера: ее онъ находилъ и у Пушкина, сходясь въ этомъ отношеніи съ Достоевскимъ, знаменитая рѣчь котораго о *всечеловѣческомъ* значеніи поэзіи Пушкина въ значительной степени является лишь развитіемъ идей Аполлона Григорьева, критическій талантъ котораго Достоевскій, какъ это видно изъ вышеприведеннаго отзыва, ставилъ очень высоко.

Страховъ въ своей характеристикѣ Григорьева очень мѣтко называетъ его «прирожденнымъ критикомъ»; и дѣйствительно, онъ былъ въ высокой степени одаренъ отъ природы тѣми качествами, которыя существенно необходимы для критика: тонкой проницательностью, эстетическимъ чутьемъ, способностью къ художественному анализу, и главное—глубокой и искренней любовью къ литературѣ, къ поэзіи, которая въ его глазахъ была не просто изящнымъ украшеніемъ жизни, а дѣломъ глубокой важности и высокой цѣнности. Эта любовь къ литературѣ зародилась у Григорьева еще въ годы ранняго отрочества, какъ это видно изъ его собственныхъ воспоминаній, и затѣмъ сопровождала его въ теченіе всей жизни. Онъ жилъ, можно сказать, литературой, образы которой наполняли его душу, становились для него чѣмъ-то близкимъ, реальнымъ, живымъ. Однако, при всей своей любви къ литературѣ, Григорьевъ отнюдь не былъ,

что называется, «книжнымъ человѣкомъ»—книга не заслоняла передъ нимъ жизни, не становилась между нимъ и окружающимъ міромъ. Увлекаясь литературой, поэзіей, искусствомъ, Григорьевъ умѣлъ сохранить чуткую отзывчивость ко всѣмъ вѣяніямъ жизни, умѣлъ свою «вольную душу» отдавать «жизни вольнымъ впечатлѣніямъ». Въ немъ всегда ярко горѣла великая любовь къ жизни и великая жажда жизни. Онъ любилъ искусство, поэзію, какъ художникъ,—и любилъ жизнь, какъ страстный, увлекающійся человѣкъ. Собственно говоря, въ его внутреннемъ сознаніи искусство и жизнь были тѣснѣйшимъ образомъ,—«органически», по его терминологіи,—связаны между собою, являлись какъ бы двумя аспектами одного и того же процесса. Изъ этой любви къ жизни, со всей ея полнотой, разнообразіемъ, яркостью и красочностью, проистекала у Григорьева его антипатія къ униформизму, вводящему жизнь въ одно, единообразное русло, подчиняющему ее опредѣленной указкѣ,—будь то указка государственной власти, или же указка книжной теоріи; отсюда же происходила и его вражда къ «теоретикамъ», которыхъ онъ обвинялъ въ скрытомъ деспотизмѣ, въ стремленіи произвесть насиліе надъ жизнью, во имя своихъ излюбленныхъ идей и идеаловъ, можетъ быть, высокихъ и благородныхъ по существу, но съ жизнью не связанныхъ, изъ нея не вытекающихъ, ей внутренно чуждыхъ. Духъ «равненія», муштры, дисциплины былъ по природѣ противенъ Григорьеву. Натура недисциплинированная и вмѣстѣ съ тѣмъ страстная («неистовый Аполлонъ» называли его друзья,—«ходячій вулканъ»—выразился онъ какъ-то о себѣ самомъ), Григорьевъ въ теченіе всей своей жизни не умѣлъ найти душевнаго равновѣсія, внутренней устойчивости. Обуреваемый страстями, онъ нерѣдко доходилъ до глубокаго нравственнаго паденія,—съ тѣмъ, чтобы искупить затѣмъ это паденіе тяжелыми нравственными страданіями и угрызеніями. Постоянная внутренняя борьба, жизненныя разочарованія, тоска одиночества,—все это рано расшатало могучій организмъ Григорьева, испепелило его душу и привело къ преждевременному концу. Провожая его тѣло въ могилу, одинъ изъ его друзей, забытый нынѣ поэтъ и критикъ К. Бабиковъ прочелъ надъ его гробомъ стихотвореніе, въ которомъ отразилось то впечатлѣніе, которое производилъ Григорьевъ на лицъ, знавшихъ его болѣе или менѣе близко:

Тебя я зналъ! Ты былъ одинъ изъ нихъ,
Изъ тѣхъ людей, чья жизнь полна тревоги,
Глубокихъ думъ, восторговъ молодыхъ...
Кого влекутъ таинственные боги
Всесильно въ мірѣ страданій роковыхъ;
Кто жаждетъ жить со всею полнотою...
Ты самъ сказалъ: «Хоть мигъ—и тотъ за мною!»
И правъ ли ты, иль дерзко виноватъ—
Не намъ судить! О, вѣрь нашъ милый братъ,
Учитель нашъ восторженный, но строгій,—
Ты дорогъ намъ за то, что вѣрилъ много!

Печатаемыя ниже воспоминанія Аполлона Григорьева: «Мои литературныя и нравственныя скитальчества», были написаны имъ въ 1862—64 гг. по вызову и предложенію М. М. Достоевскаго, редактора «Времени», которому и посвящены. Они представляютъ собой большой интересъ для изученія жизни и личности Григорьева, тѣмъ болѣе, что мы вообще очень небогаты біографическими свѣдѣніями о немъ. Воспоминанія эти отличаются своей правдивостью и глубокою искренностью: въ нихъ нѣтъ ни рисовки, къ которой вообще такъ склонны мемуаристы, ни досадныхъ недомолвокъ, вытекающихъ изъ какихъ-либо соображеній самолюбія, ложнаго стыда и т. д.

Образцомъ въ данномъ отношеніи послужило для Григорьева, по его собственному указанію, „Дѣтство и Отрочество“ Толстого,—произведеніе, которое онъ ставилъ чрезвычайно высоко. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между воспоминаніями Григорьева и автобіографическими повѣстями Толстого есть крупная и чрезвычайно характерная разница: Григорьевъ совершенно чуждъ Толстовскаго субъективизма, онъ не сосредоточивается исключительно на изображеніи своего внутренняго міра, на самоанализѣ, но, наоборотъ, очень подробно и обстоятельно говоритъ о той внѣшней средѣ, которая окружала его дѣтство, о тѣхъ типическихъ явленіяхъ и сторонахъ ея, которыя воздѣйствовали на его дѣтскую душу, о тѣхъ «вѣяніяхъ» жизни, которыя оставляли въ немъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Въ этомъ отношеніи его автобіографія представляетъ не только частный, но и болѣе *общій*, можно сказать, историческій интересъ. Что таково именно было сознательное заданіе самого Григорьева, видно изъ его собственныхъ словъ въ началѣ его воспоминаній: „беру себя, какъ объектъ, какъ лицо совершенно

постороннее, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ извѣстной эпохи, и стало быть только то, что характеризуетъ эпоху вообще, должно войти въ мои воспоминанія; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху".

Къ сожалѣнію, записки Григорьева обнимаютъ лишь самый ранній періодъ его жизни, его дѣтскіе и отчасти отроческіе годы; но и въ этой первой части его мемуаровъ есть немало интереснаго для характеристики русской жизни 30-хъ годовъ, именно ея городскихъ, мелко-дворянскихъ и мелко-чиновничьихъ слоевъ. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи то, что Григорьевъ сообщаетъ относительно тогдашнихъ литературныхъ „вѣяній", господствовавшихъ тогда въ кругу массовыхъ читателей и связанныхъ съ именами такихъ писателей, какъ Радклифъ, Дюкре-Дюмениль, Шписсъ, Лафонтенъ, пользовавшихся въ тѣ времена громкимъ успѣхомъ и громадной популярностью, а нынѣ почти совершенно забытыхъ.

Послѣ смерти Аполлона Григорьева въ его бумагахъ нашлась небольшая записка, озаглавленная имъ: „Краткій послужной списокъ" и представляющая собой какъ бы бѣглый обзоръ его литературной дѣятельности, литературныхъ „скитальчествъ" и неудачъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Записка эта помѣчена 2-мъ сентября 1864 года и такимъ образомъ составлена за 3—4 недѣли до смерти. Можетъ быть, на нее должно смотрѣть, какъ на краткую программу или конспектъ предполагаемаго имъ продолженія „воспоминаній". Во всякомъ случаѣ записка эта имѣетъ большой біографическій интересъ, и потому мы помѣщаемъ ее здѣсь полностью.

Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ.

Въ 1844 году я пріѣхалъ въ Петербургъ, весь подъ вліяніемъ той эпохи и началъ печатать напряженнѣйшія стихотворенія, которыя однако очень интересовали Бѣлинскаго, чѣмъ ерундистѣе были.

Въ 1845 году они изданы книжкою. Отзывъ Бѣлинскаго.

Въ 1846 году я редактировалъ Пантеонъ и со всѣмъ увлеченіемъ и азартомъ городилъ въ стихахъ и повѣстяхъ ерундищу непроходимую. Но за то свою, не кружка.

Въ 1847 году, поэтому, за первый свой честный трудъ, за Антигону я былъ обруганъ Бѣлинскимъ хуже всякаго школьника.

Я уѣхалъ въ Москву, и тамъ несъ азартъ въ «Городскомъ Листкѣ»,—но опять-таки—свой азартъ—и былъ обруганъ.

Вышла странная книга Гоголя, и рука у меня не поднялась на странную книгу, проповѣдывавшую, что «съ словомъ надо обращаться честно».

Вышла моя статья въ «Листкѣ», и я былъ оплеванъ буквально именемъ *подлеца* Герценомъ и его кружкомъ.

Въ 1848 и 1849 году я предпочелъ заниматься, пока можно было, въ потѣ лица работой переводовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ 1850 году послалъ, не надѣясь, что она будетъ принята—статью о Фетѣ. Приняли. Я сталъ писать туда лѣтопись московскаго театра. Не надолго. Не переварилось.

Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ,—въ которомъ *нашлись* всѣ мои, дотолѣ смутныя вѣрованія. Съ 1851 по 1854 г. включительно—энергія дѣятельности,—и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рта. Въ эту же эпоху писались извѣстныя стихотворенія, во всякомъ случаѣ замѣчательныя искренностью чувства.

«Москвитянинъ» падалъ отъ адской скупости Погодина. «Современникъ» началъ заискивать Островскаго—и, какъ привѣсокъ, меня, думая, что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ. Боткинъ (дотолѣ врагъ, оттолѣ пріятель) свелъ меня съ ними.

Съ 1853 по 1856 годъ, разумѣется урывками, переводился «Сонъ»; лѣтомъ 1856 года я запродалъ его Дружинину за 450 рублей.

Лѣтомъ же написана одна изъ серьезнѣйшихъ статей моихъ—«Объ искренности искусства», въ «Бесѣдѣ». Молчаніе.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно я явился въ «Современникѣ» съ прозвищемъ «проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ».

Въ 1857 году выдался случай ѣхать за-границу. Тамъ я ничего не писалъ, а только думалъ. Результаты думы были статьи «Русскаго Слова» въ 1859 г.

Возвратъ вообще былъ блистательный. Сейчасъ-же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: 1) Venezia la bella, 2) Паризину Байрона и 3) «Сонъ» въ его будущее изданіе Шекспира.

Въ мое отсутствіе вышли только: 1) мои стихотворенія лучшей, Москвитяниновской эпохи жизни, у Старчевскаго въ «Сынѣ», 2) Статья о критикѣ въ «Библіотекѣ» (mention honorable съ готовымъ патентомъ на оберъ-критика) и «Сонъ».

При статьяхъ «Русскаго Слова» вотъ какъ: цензоръ Гончаровъ самъ занесъ мнѣ первую съ адмираціями. При послѣдующихъ—градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ ослинаго хохота въ «Искрѣ» и пр. Не мало меня удивили потомъ братья Достоевскіе, Страховъ, Аверкіевъ мнѣніемъ о нихъ,—а особенно Ильинъ, катающій изъ нихъ наизусть цѣлыя тирады.

А мысли-то мои прежнія, москвитяниновскія — вообще всѣ какъ-то получили право гражданства.

Въ іюлѣ 1859 г., въ отъѣздъ графа Кушелева, я не позволилъ І. Хмѣльницкому вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина, Шевырева. Я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ.

Негдѣ было писать,—я сталъ писать въ «Русскомъ Мірѣ». Не сошлись. У Старчевскаго—не сошлись.

Въ 1860 году я получилъ приглашеніе и вызовъ. Я поѣхалъ на свиданіе и привезъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дудышкина: «Пушкинъ — народный поэтъ», читалъ Каткову -очень нравилось. Отправился въ Москву черезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали,—а заставляли меня дѣлать какія-то недоступныя мнѣ выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая впрочемъ ни одной изъ мною одобренныхъ (между прочимъ «Ярморочныхъ сценъ» Левитова) и печатая... вещи Раисы Гарднеръ, обруганныя мною... Зачѣмъ меня приняли? Богъ одинъ вѣдаетъ... Факты.

Опять въ Петербургъ. Начало «Времени». Хорошее время и время *недурныхъ* моихъ статей. Но съ четвертой покойнику М. М. стало какъ-то *жутко* частое употребленіе именъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хомякова и проч.

Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ.

Воротился. Опять статьи во «Времени»... Плещеевъ писалъ между прочимъ Михайлу Михайловичу, по поводу статей о Толстомъ, что «въ статьяхъ Григорьева найдешь всегда много поучительнаго». Еще бы!.. Получше люди находили,—да еще тирады, какъ Ильинъ, наизусть катали.

Недурное тоже время. Ярыя статьи о театрѣ—культъ Остров-

скому и смѣлые упреки Гоголю за многое, безцензурно и безпошлинно.

Нецеремонно перенесъ три большихъ мѣста изъ старыхъ статей въ новыя, не находя нужнымъ этихъ мѣстъ передѣлывать. Опять «въ похищеніи гривенника» возрадовавшимися этому нашими врагами, и обвиненъ въ непзвинительной распущенности друзьями, забывшими, что цѣлый годъ зеленаго «Наблюдателя», статьями цѣликомъ, какъ о Полежаевѣ, переносилъ въ «Записки» Бѣлинскій.

Запретъ «Времени». Горячія статьи въ «Якорѣ».

Опять «Эпоха». Опять я съ тѣми же культами и съ тѣми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура...

Ну и что же дѣлать? Видно и съ «Эпохой», какъ критику, а не какъ другу, конечно, приходится разставаться... Тѣмъ болѣе... Но пора кончить.

1864 г. сентября 2.

Писано сіе, конечно, не для возбужденія жалости къ моей особѣ ненужнаго человѣка, а для показанія, что особа сія всегда, какъ въ тѣ дни, когда вѣрные 50 рублей Краевскаго за листъ мѣняла на невѣрные 15 рублей за листъ «Москвитянина»,—пребывала фанатически преданною своимъ самодурнымъ убѣжденіямъ.

Мои литературныя и нравственныя скитальчества [1]).

(посвящается М. М. Достоевскому)

Вы вызвали меня, добрый другъ, на то, чтобы я написалъ мои „литературныя воспоминанія". Хоть и опасно вообще слушаться пріятелей, потому что пріятели нерѣдко увлекаются, но на этотъ разъ я измѣняю правиламъ казеннаго благоразумія. Я же, впрочемъ, и вообще-то, правду сказать, мало его слушался въ жизни.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока, по крайней-мѣрѣ тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы. Говорю „по крайней-мѣрѣ", потому что жить, т.-е. мечтать и думать, началъ я очень рано; а съ тѣхъ поръ, какъ только я началъ мечтать и думать, я мечталъ и думалъ подъ тѣми или другими впечатлѣніями литературными.

Меня, какъ вы знаете, нерѣдко упрекали, и пожалуй основательно, за употребленіе различныхъ странныхъ терминовъ, вносимыхъ мной въ литературную критику. Между прочимъ, напримѣръ, за слово „вѣяніе", которое нерѣдко употребляю я вмѣсто обычнаго слова „вліяніе". Съ терминами этими связывали нѣчто мистическое, хотя было бы справедливѣе объяснить ихъ пангенистически.

Столько эпохъ литературныхъ пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мнѣ самомъ, оставляя извѣстные пласты или лучшіе слѣды на моей душѣ, что каждая изъ нихъ глядитъ на меня изъ-за дали пропущеннаго отдѣльнымъ органи-

[1]) „Время", 1862 г., №№ 11—12; „Эпоха", 1864 г., №№ 3 и 5.

ческимъ цѣлымъ, имѣетъ для меня свой особенный цвѣтъ и свой особенный запахъ.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten [1],

взываю я къ нимъ порою, и слышу и чую ихъ вѣяніе...

Вотъ она, эпоха сѣренькихъ, тоненькихъ книжекъ „Телеграфа“ и „Телескопа“, съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство,—эпоха, когда журчали, еще носясь въ воздухѣ, стихи Пушкина, и ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типическаго Замоскворѣчья,—эпоха безсознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую, наравнѣ съ этими вѣчными вѣяніями, восхищались добрые люди и „Амалатъ-бекомъ“. Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на безсознательность и безразличность восторговъ, на какое-то беззавѣтное упоеніе поэзіею, на какую-то дюжинную вѣру въ литературу, въ воздухѣ осталось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этимъ мрачнымъ, тревожнымъ и зловѣщимъ, и стихи Полежаева, игра Мочалова, Варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настроенію... А тутъ является колоссальный романъ Гюго [2]) и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ“ то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, лихорадочныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена...

Яснѣетъ... Раздается могущественный голосъ, вмѣстѣ и узаконивающій и принципирующій стремленія и неясныя гаданія эпохи—голосъ великаго борца, Виссаріона Бѣлинскаго. Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, какъ во всякомъ геніальномъ произведеніи, схватывается въ одно цѣлое все прошедшее, и вмѣстѣ закидываются сѣти въ будущее.

Вѣетъ другой эпохой.

Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то

---

1) „Вы снова приближаетесь, колеблющіяся видѣнія“... (Гёте).

2) Авторъ имѣетъ въ виду, конечно, знаменитый романъ „Соборъ Парижской Богоматери“, появленіе котораго (1831 г.) совпало съ эпохой развитія французскаго романтизма. *Примѣч. В. С.*

среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ какъ паровая машина, скачетъ во всю прыть къ оврагамъ и безднамъ а сердце живетъ только мечтательною, книжною, напускною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написано: „Московскій университетъ“ послѣ преобразованія 1836 года—университетъ Рѣдкина. Крылова, Моронкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма, съ тяжелыми его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой,—университетъ Грановскаго...

A change came o'er the spirit of my Dream [1])...

Волею судебъ, или лучше сказать неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой міръ. Это міръ гоголевскаго Петербурга. Петербурга въ эпоху его миражной оригинальности, въ эпоху, когда существовала даже особенная *петербужская* литература... Въ этомъ новомъ мірѣ, для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое вѣяніе;—но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и цвѣтомъ довольно грязнымъ, міръ Панаевской „Тли“, міръ „Нещовъ“, „Межаковъ“ и другихъ темныхъ личностей [2]), міръ „Александрін“ въ полномъ цвѣтѣ ея развитія, съ водевилями г. Григорьева 1, и еще считавшагося Некрасова-Перепельскаго, *съ особеннымъ кресломъ* для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей порою забывать этотъ страшно-пошлый міръ [3]).

И затѣмъ—опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжкими уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые „продергиваютъ“ въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, наивно до безсознательности, вѣру въ народъ и народность. Все „народное“,

[1]) „Перемѣнился характеръ моего сновидѣній“ (Байронъ).

[2]) „Литературная тля“—разсказъ П. И. Панаева, въ которомъ онъ изобразилъ нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ петербургскихъ журнальныхъ дѣльцовъ, въ родѣ Межевича.

[3]) „Александрія“—петербургскій Александрінскій театръ. Въ 1844—46 гг. Григорьевъ велъ театральную хронику въ журналѣ „Репертуаръ и Пантеонъ“. Въ эту эпоху молодой Некрасовъ, сильно бѣдствовавшій, занимался сочиненіемъ водевилей, подъ псевдонимомъ Перепельскаго. *Примѣч. В. С.*

даже мѣстное, что окружало мое воспитаніе, все что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы,—поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ до фанатической исключительной мѣры, до нетерпимости, до пропаганды... Пять лѣтъ новой жизненной школы.

И опять переломъ.

Западная жизнь во очію развертывается передо мною чудесами своего великаго прошедшаго, и вновь дразнитъ, поднимаетъ, увлекаетъ. Но не сломилась въ этомъ живомъ столкновеніи вѣра въ свое, въ народное. Смягчила она только фанатизмъ вѣры.

Таковъ процесъ умственный и нравственный.

Не знаю станетъ ли у меня достаточно таланта, чтобы очертить эти различныя эпохи, дать почувствовать ихъ, съ ихъ запахомъ и цвѣтомъ. Если для этого достаточно будетъ одной искренности, искренность будетъ полная, разумѣется по отношенію къ умственной и моральной жизни.

Одно я знаю: я вполнѣ сынъ своей эпохи и мои литературныя признанія могутъ имѣть нѣкоторый историческій интересъ.

1862 г. сентября 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Москва и начало тридцатыхъ годовъ литературы. Мое младенчество, дѣтство и отрочество.

I

ПЕРВЫЯ ОБЩІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Если вы бывали и живали въ Москвѣ, да не знаете такихъ ея частей, какъ, напримѣръ, Замоскворѣчье и Таганка, —вы не знаете самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Какъ въ старомъ Римѣ Трастевере, можетъ-быть, не безъ основанія хвалится тѣмъ, что въ немъ сохранились старые римскіе типы, такъ Замоскворѣчье и Таганка могутъ похвалиться этимъ же преимущественно передъ другими частями города-села, чудовищно-фантастическаго и вмѣстѣ великолѣпно разросшагося и разметавшагося растенія, называемаго Москвою. Отъ ядра всѣхъ русскихъ старобытныхъ городовъ, отъ кремля или кремлика, пошелъ сначала бѣлый, торговый городъ:

потомъ разросся земляной городъ, и пошли раскидываться за рѣку разныя слободы. Въ нихъ уходила изъ-подъ вліянія административнаго уровня и въ нихъ сосредоточивалась упрямо старая жизнь. Лишенная возможности развиваться самостоятельно, она поневолѣ закисала въ застоѣ. Общій законъ нашей исторіи—уходъ земской жизни изъ-подъ вѣшней нормы въ уединенную и упорную замкнутость расколовъ, повторился и въ Москвѣ, то-есть въ развитіи ея быта.

Бывали ли вы въ Замоскворѣчьи?.. Его не разъ изображали сатирически; кто не изображалъ его такъ? — Право, только лѣнивый!.. Но до сихъ поръ никто, даже Островскій, не коснулся его поэтическихъ сторонъ. А эти стороны есть—ну, хоть на первый разъ—вѣшнія, наружныя. Во первыхъ, ужъ то хорошо, что чѣмъ дальше идете вы въ глубь, тѣмъ болѣе Замоскворѣчье тонетъ передъ вами въ зеленыхъ садахъ; во вторыхъ, въ немъ улицы и переулки расходились такъ свободно, что явнымъ образомъ они росли, а не дѣлались... Вы пожалуй въ нихъ заблудитесь, но хорошо заблудитесь...

Пойдемте, напримѣръ, со мною отъ Большого каменнаго моста прямо, все прямо, какъ вороны летаютъ. Миновали мы такъ-называемое „Болото"... да! главное, представьте, что мы идемъ съ вами позднимъ вечеромъ. Миновали мы Болото съ казеннымъ зданіемъ Виннаго двора; тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Оно пожалуй и есть, да надобно взять въ сторону на Берсеневку или на Солодовку, но мы не туда пойдемъ. Мы дошли до маленькаго каменнаго моста, единственнаго моста старой постройки, уцѣлѣвшаго какъ-то до сихъ поръ отъ усердія нашихъ реформаторовъ строителей и напоминающаго мосты итальянскихъ городовъ, хоть бы, напримѣръ, Пизы. Передъ нами три жилы Замоскворѣчья, то-есть собственно главныхъ-то двѣ: Большая Полянка да Якиманка, третья же между ними какой-то межеумокъ. Эти двѣ жилы выведутъ насъ къ такъ-называемымъ „воротамъ": одна—правая жила — къ калужскимъ, другая лѣвая—къ серпуховскимъ. Но не въ воротахъ сила, тѣмъ болѣе, что воротъ, никогда дѣйствительно составлявшихъ крайнюю грань городского жилья, давно уже нѣтъ, и городъ-растеніе разросся еще шире, за предѣлы этихъ воротъ.

Я могъ бы пойти съ вами по правой жилѣ, и притомъ пойти по ней въ ея праздничную, торжественную минуту, въ ясное утро 19 августа, когда чуть не отъ самаго Кремля, движутся огромныя

массы народа за крестнымъ ходомъ къ Донскому монастырю, и всѣ тротуары полны праздично-разрядившимся народо-населеніемъ праваго Замоскворѣчья, и воздухъ дрожитъ отъ звона колоколовъ старыхъ церквей, и все какъ-то чему-то радуется, чѣмъ-то живетъ,—живетъ смѣсью, пожалуй, самыхъ мелочныхъ интересовъ съ интересомъ—крупнымъ ли, нѣтъ ли—не знаю, но общимъ, хоть и смутно, но общественнымъ на минуту. И право, - я вѣдь неисправимый, закоренѣлый москвичъ,—хорошая это минута. Общее что-то проносится надъ всей разнохарактерной толпой, общее захватываетъ и васъ, человѣка цивилизаціи, если вы только не поставите себѣ упорно задачи не поддаваться впечатлѣнію, если вы не будете упорно вооружаться противъ формы.

Но мы не пойдемъ съ вами по этой жилѣ, а пойдемъ по лѣвой, при первомъ входѣ въ которую васъ встрѣчаетъ большой домъ итальянской и хорошей итальянской архитектуры. Долго идемъ мы по этой жилѣ и ничто особенное не поражаетъ васъ. Дома какъ дома, бо́льшею частью каменные и хорошіе, только явно назначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами съ гвоздями, и по ночамъ сторожевыми псами на цѣпи; отъ внезапнаго яростнаго лая котораго-нибудь изъ нихъ, вскочившаго въ припадкѣ ревности и усердія на самый заборъ, вздрогнутъ ваши нервы. Между каменныхъ домовъ проскачутъ какъ-нибудь и деревянные, маленькіе, низенькіе, но какіе-то запущенные, какъ-то непривѣтливо глядящіе, какъ-то сознающіе, что они тутъ не на мѣстѣ, на этой хорошей, широкой и большой улицѣ.

Дальше. Остановитесь на минуту передъ низенькой, темнокрасной съ луковицами-главами церковью Григорія Неокесарійскаго. Вѣдь, право, она не лишена оригинальной физіономіи, вѣдь при ея созиданіи *что-то* яснымъ образомъ бродило въ головѣ архитектора, только это *что-то* въ Италіи выполнилъ бы онъ въ большихъ размѣрахъ и мраморомъ, а здѣсь онъ, бѣдный, выполнялъ въ маленькомъ видѣ да кирпичикомъ; и все-таки вышло *что-то*, тогда какъ ничего, ровно ничего не выходитъ изъ большей части послѣ-Петровскихъ церковныхъ построекъ. И впрочемъ ошибся, сказавши, что въ колоссальныхъ размѣрахъ выполнилъ бы свое что-то архитекторъ въ Италіи. Въ Пизѣ я видѣлъ церковь Santa Maria della spina, маленькую-премаленькую, но такую узорчатую и вмѣстѣ такъ строго-стильную, что она даже кажется грандіозною.

Вотъ мы дошли съ вами до Полянскаго рынка, а между тѣмъ уже сильно стемнѣло. Кой-гдѣ по домамъ, не только что по трактирамъ, зажглись огни.

Не будемъ останавливаться передъ церковью Успенья въ Казаньемъ. Она хоть и была когда-то старая, ибо прозвище ея намекаетъ на стоянье казаковъ, но ее уже давно такъ поповило усердіе богатыхъ прихожанъ, что она, какъ старый соборъ въ Твери, получила общій, казенный характеръ. Свернемте налѣво. Передъ нами потянулись уютные, красивые дома, съ длинными-предлинными заборами, дома бо́льшею частью одноэтажные съ мезонинами. Въ окнахъ свѣтъ, видны повсюду столики, съ пыпящими самоварами; внутри глядитъ все такъ семейно и привѣтливо, что если вы человѣкъ не семейный или заѣзжій, васъ начинаетъ разбирать нѣкоторое чувство зависти. Васъ манитъ и дразнитъ Аркадія, создаваемая вашимъ воображеніемъ, хоть, можетъ-быть, и не существующая на дѣлѣ.

Идя съ вами все влѣво, я завелъ васъ въ самую оригинальную часть Замоскворѣчья, въ сторону Ордынской и Татарской слободы и наконецъ на Болвановку, прозванную такъ потому, что тутъ, по мѣстнымъ преданьямъ, князья наши встрѣчали ханскихъ баскаковъ и кланялись татарскимъ болванамъ. . . . . .

Вотъ тутъ-то, на Болвановкѣ началось мое нѣсколько сознательное дѣтство, то-есть, дѣтство, котораго впечатлѣнія имѣли и сохранили какой-либо смыслъ. Родился я не тутъ, родился я на Тверской; помню себя съ трехъ или даже съ двухъ лѣтъ, но то было младенчество. Воскормило меня, возлелѣяло Замоскворѣчье.

Не безъ намѣренія напираю я на этотъ мѣстный фактъ моей личной жизни. Быть-можетъ, силѣ первоначальныхъ впечатлѣній обязанъ я развязкою умственнаго и нравственнаго процесса, совершившагося со мною, поворотомъ къ горячему благоговѣнію передъ земскою, народною жизнью.

Я намѣренъ писать не автобіографію, но исторію своихъ впечатлѣній; беру себя, какъ объекта, какъ лицо совершенно посторонее, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ извѣстной эпохи, и стало-быть только то, что̀ характеризуетъ эпоху вообще должно войти въ мои воспоминанія; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху.

Мнѣ это, коли хотите, даже и легче, потому что давно уже получилъ я проклятую привычку болѣе разсуждать, чѣмъ описывать.

И вотъ прежде всего, я не могу не остановиться на одной личной чертѣ моего ранняго развитія, которая, какъ мнѣ кажется, очень характеристична по отношенію къ цѣлому нашему поколѣнію. Во мнѣ необыкновенно рано началась рефлексія,—лѣтъ до пяти, именно съ того времени, какъ волею судебъ мое семейство переѣхало въ уединенный и странный уголокъ міра, называемый Замоскворѣчьемъ. Помню такъ живо, какъ-будто бы это было теперь, что въ пять лѣтъ у меня была уже Аркадія, по которой я тосковалъ, потерянная Аркадія, передъ которой какъ-то печально и сѣро—именно сѣро казалось мнѣ настоящее. Этой Аркадіей была для меня жизнь у Тверскихъ воротъ, въ домѣ Козина. Почему эта жизнь представлялась мнѣ залитою какимъ-то свѣтомъ, почему даже и въ лѣта молодости я съ сердечнымъ трепетомъ проходилъ всегда мимо этого дома Козина у Тверскихъ воротъ, давно уже перемѣнившаго имя своего хозяина, и почему нерѣдко, подъ предлогомъ искания квартиры, захаживалъ на этотъ дворъ, стараясь припомнить уголки, гдѣ игрывалъ я въ младенчествѣ; почему, говорю я, преслѣдовала меня эта Аркадія,— дѣло весьма сложное. Съ одной стороны, тутъ есть общая примѣта моей эпохи, съ другой, коли хотите, дѣло физіологическое, родовое, семейное.

У всей семьи нашей была своя потерянная Аркадія, Аркадія богатой жизни при покойномъ дѣдѣ до французскаго нашествія, истребившаго два большихъ его дома на Дмитровкѣ; и въ особенности одна изъ моихъ тетокъ, натура въ высшей степени мечтательная и экзальтированная, была полна этимъ „золотымъ вѣкомъ". Разница въ томъ только, что для нея Аркадія была на Дмитровкѣ, для меня—на Тверской, и разница кромѣ того въ эпохахъ.

Я родился въ 1822 году. Трехъ лѣтъ я хорошо помню себя и свои безсознательныя впечатлѣнія. Общественная катастрофа [1]), разразившаяся въ это время, катастрофа, съ нѣкоторыми изъ жертвъ которой мой отецъ былъ знакомъ по университетскому Благородному пансіону, страшно-болѣзненно подѣйствовала на мое дѣтское чувство.

Дѣтей большіе считаютъ какъ-то необычайно-глупыми и вовсе не подозрѣваютъ, что вѣдь что же нибудь да отразится въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышатъ или видятъ. Я,

[1]) Т.-е. дѣло 14-го декабря 1825 года. *Примѣч. В. С.*

напримѣръ, хоть и сквозь сонъ какъ-будто, но очень-таки помню, какъ везли тѣло покойнаго императора Александра, и какой странный страхъ господствовалъ тогда въ воздухѣ...

Да, никто и ничто не увѣритъ меня въ томъ, чтобы идеи не были чѣмъ-то органическимъ, носящимся и вѣющимъ въ воздухѣ, солидарнымъ, преемственнымъ...

То, что вѣяло тогда надъ всѣмъ, то, что встрѣтило меня при самомъ входѣ моемъ въ міръ, мнѣ никогда, конечно, не высказать такъ, какъ высказалъ это высоко-даровитый и пламенный Мюссе въ „Confessions d'un enfant du siècle". Напомню вамъ это удивительное мѣсто, которымъ я заключу очеркъ предвѣрія моихъ впечатлѣній:

„Во времена войнъ имперіи, въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, первное. Зачатые въ промежутки битвъ, воспитанные въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабые мускулы. По временамъ являлись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

„Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

„Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ, они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги,— все было пусто, и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи.

„Три стихіи сѣлили между собою жизнь, разстилавшуюся передъ юношами: за ними навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ нѣчто, подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ Америки; не знаю, что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушеніями, по временамъ переплываемое далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ, настоящій вѣкъ, нашъ вѣкъ однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который ни то, ни другое, и походитъ на то и на другое вмѣстѣ, гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, идешь ли по сѣменамъ или по праху.

„И имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерокъ, не день и не ночь: они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ

съ костями, закутанными въ плащъ себялюбія и дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ нимъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе, полу-мумію и полу-прахъ; они подошли къ нему какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Саарвердена, бальзамированную, въ гробу, въ вѣнчальномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ пальцахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ.

„О, народы будущихъ вѣковъ! —заканчиваетъ поэтъ свое вступленіе,—когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу; когда, отирая съ мирнаго чела священный потъ, вы будете покоить взглядъ на безпредѣльномъ небосклонѣ и вспомните о насъ, которыхъ уже не будетъ болѣе,— скажите себѣ, что дорого купили мы вамъ будущій покой; пожалѣйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ вашихъ предковъ! У нихъ было много горя, которое дѣлало ихъ достойными состраданія; у насъ не было того, что ихъ утѣшало“.

II.

МІРЪ СУЕВѢРІЙ.

Хорошая вещь — серьезныя и захватывающія жизнь въ ея типахъ литературныя произведенія. Мало того, что они сами по себѣ хороши, положительно хороши,—они имѣютъ еще отрицательную пользу: захвативши разъ извѣстные типы,—художественно и рельефно увѣковѣчивъ ихъ, они отбиваютъ охоту повторять эти типы.

Вотъ, напримѣръ, не будь Аксаковской „Семейной хроники“, я бы неминуемо долженъ былъ вовлечься въ большія подробности по поводу моего дѣда, лица, мною никогда не виданнаго, потому что онъ умеръ за годъ до моего рожденія, но по разсказамъ знакомаго мнѣ, какъ говорится, до точки, и игравшаго немаловажную роль въ исторіи моихъ нравственныхъ впечатлѣній. Теперь же стоитъ только сослаться на общій типъ крѣпкихъ людей бывалой эпохи, изображенный рельефно и вмѣстѣ простодушно покойнымъ Аксаковымъ, да отмѣтить только разности и отличія, и вотъ образъ, если не нарисованный мной самимъ, то могущій быть легко нарисованъ читателемъ.

Дѣдъ мой въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, и день его, въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на покоѣ, мало разнился, судя по семейнымъ разсказамъ, отъ дня Степана Багрова. Чуть что даже калиновато подожка у него не было, а что свои Ташайченки, даже свои собственные калмыки были, это я очень хорошо помню. Разница между нимъ и Степаномъ Багровымъ была только въ томъ, что онъ, такой же кряжевой человѣкъ, поставленъ былъ въ иныя жизненныя условія. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и то подъ конецъ своей жизни, многодѣльной и многотрудной. Пришелъ онъ въ Москву изъ сѣверовосточной стороны въ нагольномъ полушубкѣ, пробивалъ себѣ дорогу лбомъ, и пробилъ дорогу, для его времени, довольно значительную. Пробилъ онъ ее, разумѣется, службой, и потому пробилъ, что былъ отъ природы человѣкъ умный и энергическій. Еще была у него отличительная черта,— это жажда къ образованію. Онъ былъ большой начетчикъ духовныхъ книгъ и даже съ архіереями нерѣдко спорилъ; послѣ него осталась довольно большая библіотека, и дѣльная библіотека, которою мы, потомки, какъ-то мало дорожили...

Странная вотъ еще эта черта, между прочимъ, и опять-таки черта, какъ мнѣ кажется, общая въ нашемъ развитіи,— это то, что мы всѣ—маленькіе Петры-великіе на половину и обломовцы на другую. Въ извѣстную эпоху мы готовы съ озлобленіемъ уничтожить слѣды всякаго прошедшаго, увлеченные чѣмъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ, что намъ понравилось, и потомъ чуть что не плакать о томъ, чѣмъ мы пренебрегали и что мы разрушали. Мнѣ было уже лѣтъ одиннадцать, когда привезли намъ въ Москву изъ деревни сундуки съ старыми книгами дѣда. А то была уже эпоха различныхъ исевдо-историческихъ романовъ, которыми я безразлично упивался, всѣми, отъ „Юрія Милославскаго“ до „Давида Иоревича“ и другихъ безвѣстныхъ нынѣ произведеній, отъ „Новика“ Лажечникова до „Леонида“ Рафаила Зотова. Странно повѣяли на меня эти старыя книги дѣда въ ихъ желтѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, книги мрачныя, степенныя, то въ листъ и печатанныя славянскимъ шрифтомъ, какъ знаменитое „Добротолюбіе“, то въ малую осьмушку, шрифтомъ XVIII вѣка,—и оригинальныя въ родѣ назидательныхъ сочиненій Эмина, и переводныя въ родѣ твореній Бюффона и Іоанна Арндта, и крошечныя и полунетропанныя, какъ рѣдкія нынѣ изданія сатирическихъ журна-

ловъ: „И то и се", „Всякая всячина". Какъ теперь помню, какъ я глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, какъ я — а мнѣ отдали право распорядка этой библіотеки — не хотѣлъ удостоить ихъ даже чести стоять въ одномъ шкапу съ „Леонидами", „Постоялыми дворами", „Дмитріями Самозванцами" и другимъ вздоромъ, которымъ подъ вліяніемъ эпохи наполнилъ я шкапъ, отдѣливши отъ нихъ только сочиненія Карамзина, къ которому воспитался я въ суевѣрномъ уваженіи. Помню, я даже топталъ ихъ ногами въ негодованіи, а все-таки, пожираемый жаждою чтенія, заглядывалъ въ нихъ, въ эти старыя книги, и даже начитывался порою сатирическихъ изданій Новиковской эпохи (Россіядъ и другихъ одъ, равно какъ сочиненій Княжнина и Николева одолѣть я никогда не могъ) и знакомствомъ своимъ съ мыслью и жизнью ближайшихъ предковъ обязанъ былъ я все имъ же, старымъ книгамъ. И какъ я жалѣлъ въ зрѣлые годы объ этой распропавшей, раскраденной пьяными лакеями и съѣденной голодными мышами библіотекѣ. Но увы! какъ и вездѣ и во всемъ, поздно хватаемся мы за наши преданія...

Дѣдъ мой былъ знакомъ даже съ Новиковымъ, и сохранилось въ семьѣ преданіе о томъ, какъ струсилъ онъ, когда взяли Новикова, и пережегъ множество книгъ, подаренныхъ ему Николаемъ Ивановичемъ. Былъ ли дѣдъ масономъ — не могу сказать навѣрное. Наши ничего объ этомъ не знали. Лицо, принадлежавшее къ этому ордену и имѣвшее, какъ разскажу я современемъ, большое вліяніе на меня въ моемъ развитіи, говорило, что былъ.

Дѣдъ и міръ, когда-то вокругъ его процвѣтавшій, міръ довольства и даже избытка, кареты четверней, міръ страшнаго, багровскаго деспотизма, набожности, домашнихъ сваръ, это была Аркадія для моей тетки, но далеко не была это Аркадія для моего отца, человѣка благодушнаго и умнаго, но нисколько не экзальтированнаго.

Когда пріѣзжали къ намъ изъ деревни погостить бабушки и тетки, я рѣшительно подпадалъ подъ вліяніе старшей тетки; о ней, какъ о лицѣ довольно типическомъ, я буду говорить еще не разъ. Натура страстная и даровитая, не вышедшая замужъ по страшной гордости, она вся сосредоточилась въ воспоминаніяхъ прошедшаго. У нея даже тонъ былъ постоянно экзальтированный, но мнѣ только уже въ позднѣйшіе года началъ этотъ тонъ звучать чѣмъ-то комическимъ. Ребенкомъ я отдавался ея разсказамъ,

ея мечтамъ о фантастическомъ золотомъ вѣкѣ, даже ея несбыточнымъ, но упорнымъ надеждамъ на непремѣнный возвратъ этого золотого вѣка для нашей семьи.

Была даже эпоха и... я обѣщался быть искреннимъ во всемъ, что относится къ душевному развитію, буду искренен до послѣдней степени, —эпоха вовсе не первоначальной молодости, когда, подъ вліяніемъ мистическихъ идей, я вѣровалъ въ какую-то таинственную связь моей души съ душою покойнаго дѣда, въ какую-то, метемпсихозу не метемпсихозу, а солидарность душъ. Нерѣдко, возвращаясь почью изъ Сокольниковъ и выбирая всегда самую дальнюю дорогу, ибо я любилъ бродить по Москвѣ по ночамъ, я, зайдя до церкви Никиты-мученика въ Басманной, останавливался передъ старымъ домомъ на углу переулка, первымъ пристанищемъ дѣда въ Москвѣ, когда пришелъ онъ составлять себѣ фортуну,— и, садясь на паперть часовни, ждалъ по получасу, не явится-ли ко мнѣ старый дѣдъ разрѣшить мнѣ множество тревожившихъ мою душу вопросовъ. На ловца обыкновенно и звѣрь бѣжитъ. Съ человѣкомъ, наклоннымъ къ мистическому, случаются обыкновенно и факты, незначительные для другихъ, но влекущіе его лично въ эту страшную бездну. Раза два въ жизни, и всегда передъ разными ея переломами, дѣдъ являлся мнѣ во снѣ. Дѣло психически очень объяснимое, но питавшее въ душѣ наклонность ея къ таинственному міру.

Суевѣрія и преданія окружали мое дѣтство, какъ дѣтство всякаго большой или небольшой руки барченка, окруженнаго большой или небольшой дворней, и по временамъ совершенно ей предоставляемаго. Дворня, а у насъ именно испоконъ-вѣка велась она, несмотря на то, что отецъ мой только-что жилъ достаточно, была вся изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гончаровъ въ „Снѣ Обломова“. Когда наѣзжали родные изъ деревни, съ ними прибывали нѣкоторые члены тамошней обширной дворни, и поддавали жара моему суевѣрному, или, лучше сказать, фантастическому настройству, новыми разсказами о таинственныхъ кладахъ, бодающихся въ полночь на мостикѣ къ селу Малахову, о кладѣ въ кириковскомъ лѣсу—одной изъ главныхъ основъ надежды моей тетки на возвратъ Аркадіи, о колдунѣ-мужикѣ, зарытомъ на перекресткѣ. Да прибавьте еще къ этому старика дѣда, брата бабушки, который впослѣдствіи, когда мнѣ было уже десять лѣтъ,

жилъ у насъ со мной на мезонинѣ, читалъ все священныя книги и молился, даже на молитвѣ и умеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вечеръ разсказывалъ съ полнѣйшею вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ, да прибавьте еще двоюродную тетку, наѣзжающую съ бабушкой изъ деревни,—тетку, которая была воплощеніе простоты и доброты, умѣвшую лѣчить домашними средствами всю окрестность, которая никогда не лгала, и между тѣмъ сама, по ея разсказамъ, видала виды...

На безобразно-нервную натуру мою этотъ міръ суевѣрій подѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, напитавшись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезонинѣ, гдѣ спалъ я одинъ съ Иваномъ или Ванюшкой, который былъ моложе меня годомъ. Лихорадочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же притомъ шипѣли и спѣли странно-пестово, и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха.

Съ лѣтами это прошло, нервы поогрубѣли, но знаете-ли, что я бы дорого далъ за то, чтобъ снова испытать такъ же нервно это сладко-мучительное, болѣзненно-дразнящее настройство, эту чуткость къ фантастическому, эту близость иного, страннаго міра... Вѣдь фантастическое вѣчно въ душѣ человѣческой, и стало-быть, такъ какъ я только въ душу и вѣрю, въ извѣстной степени законно.

III.

ДВОРНЯ.

Но не одно суевѣріе развили во мнѣ раннія отношенія къ народу. Одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ называемой дворни и отношеній къ ней, описывая свой дѣтскій возрастъ [1]). Не мало есть и дурного въ этомъ испорченномъ отсадкѣ народной жизни, дурного, въ которомъ виноватъ не отсадокъ, а виновато было рабство — не мало дурного, разумѣется, привилось и ко мнѣ, и привилось главнымъ образомъ не въ пору. Рано, даже слишкомъ рано пробуждены были во мнѣ половые инстинкты, и постоянно только раздражаемые и неудовлетворяемые давали работу необузданной фантазіи; рано также изучилъ я всѣ тонкости крѣпкой русской рѣчи, и

[1]) Аксаковъ въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука". *Примѣч. В. С.*

отъ кучера Василья наслушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ хозяевахъ,—и вообще кучера Василья во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти на половину съ моимъ первымъ учителемъ...

Но была и хорошая, была даже святая сторона въ этомъ сближеніи съ народомъ, съ его даже попорченными элементами. Разумѣется, безсознательно поступали мой отецъ и моя мать, не удаляя меня отъ самыхъ близкихъ отношеній съ дворовыми, но во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ большую честь ихъ благодушному и простому взгляду, тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь, что въ нихъ, какъ во всей нашей семьѣ, было ужасно развито чувство дворянской амбиціи во всѣхъ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ-же, все шло по какому-то изстари заведенному порядку. Надобно сказать такъ же къ ихъ чести, что и собственныя отношенія къ дворнѣ по большей части были человѣческія, то-есть настолько человѣческія, насколько человѣчность была мыслима и возможна при крѣпостномъ правѣ. Была у нихъ наша дворня всегда хорошо, работала мало, пила, какъ мужескій полъ, такъ и женскій постарше до крайнѣйшаго безобразія. Разъ даже отецъ не купилъ весьма выгодно продававшагося съ аукціона дома потому только, что подлѣ него былъ кабакъ, и что тогда, по *основательному* возраженію матери, Василья съ Иваномъ старшимъ пришлось-бы ежечасно оттуда вытаскивать, да и старуху няньку мою Прасковью точно такъ-же. Между прочимъ я сказалъ, что отношенія моихъ родителей къ дворнѣ были человѣчны *большею частью*, и сказалъ не безъ основанія. Въ матери моей было въ высокой степени развито чувство самой строгой справедливости, но съ девяти лѣтъ моего возраста я уже не помню ея здоровою. Что за болѣзнь началась у ней и продолжалась до самой ея смерти, я не знаю. Знаменитый по Таганкѣ и Замоскворѣчью докторъ Иванъ Алексѣичъ Воскресенскій постоянно лѣчилъ ее, но болѣе двадцати лѣтъ болѣзнь ее грызла, и нѣсколько дней въ мѣсяцъ она, бѣдная мать моя, переставала быть человѣкомъ. Даже наружность ея измѣнялась: глаза, въ нормальное время умные и ясные, становились мутны и дики, желтыя пятна выступали на нѣжномъ лицѣ, появлялась въ тонкихъ губахъ злобѣйшая улыбка, и тогда забывалось всякое чувство справедливости... Совершенно лишенная образованія, читавшая даже по складамъ, хотя отъ природы одаренная замѣчательнымъ здравымъ разсудкомъ и даже эстети-

ческимъ чутьемъ,—она пѣла очень хорошо по слуху,—бѣдная мать моя совершенно извращена была ужасной болѣзнью. Во время приливовъ или припадковъ этой болѣзни, свѣтлыя, хорошія стороны ея личности исчезали, свойства, въ умѣренномъ видѣ хорошія, какъ, напримѣръ, хозяйственная заботливость и расчетливость, переходили въ ужасныя крайности: неудовлетворенное, обиженное судьбою самолюбіе даровитой, но лишенной средствъ развитія личности выступало одно на мѣстѣ всѣхъ душевныхъ качествъ. А бывали минуты,—увы! чѣмъ далѣе шла жизнь, тѣмъ становились онѣ рѣже,—когда она какъ-будто свѣтлѣла и молодѣла. Прекрасныя и тонкія черты ея лица проявлялись, не теряя впрочемъ никогда нѣкоторой—строгости не строгости, а какой-то грустной серьезности; движенія теряли рѣзкость и становились гибкими; голосъ, болѣзненно надорванный, звучалъ благородными контральтовыми звуками. О, какъ я любилъ ее въ эти рѣдкія минуты! Откуда являлось у нея вдругъ столько женственнаго такта въ разговорѣ съ посторонними, такое отсутствіе выжимокъ и ужимокъ, ощипываній и одергиваній, отличавшее ее рѣзко отъ всѣхъ другихъ барынь нашего круга, барынь, походившихъ большею частью на мать Хорькова въ „Бѣдной Невѣстѣ“.

Съ другой стороны, отецъ, человѣкъ съ весьма свѣтлымъ умомъ и съ благодушіемъ такимъ, что покойный дѣдъ, энергическій и кряжевый человѣкъ, звалъ его отчасти любовно, а отчасти насмѣшливо—Израилемъ, запуганный даже отчасти съ дѣтства,—иногда, хотя очень рѣдко, раза два въ годъ, повторялъ въ жизни багровскія выходки дѣда. И вовсе вѣдь не потому, чтобы въ это время онъ былъ особенно выведенъ безобразіемъ дворни изъ границъ человѣческаго терпѣнія. Еслибы такъ, то поводы къ выходу изъ нормальнаго, благодушнаго состоянія представлялись ежедневно. Нѣтъ, это было нѣчто физіологическое, дань чему-то родовому, нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неистовое, нѣчто такое, чего приливы я самъ, конечно, по другимъ поводамъ, чувствовалъ иногда въ себѣ и чему тоже отдавался, какъ звѣрь... Съ лѣтами въ немъ эти приливы родового неистовства становились все рѣже и рѣже. Онъ былъ и лицомъ и характеромъ похожъ на свою мать, мою бабушку,—бабушку, которую зналъ я только старушкою и которая всегда являлась мнѣ невозмутимокроткою, спокойною, глубоко, но никакъ не до ханжества благочестивою, съ разумнымъ словомъ, съ вѣчною, до крайности

даже нѣжною и безпокойною заботливостью о своихъ бѣдныхъ дочеряхъ, моихъ старыхъ теткахъ, съ благоговѣйною памятью о своемъ строгомъ и не всегда ровномъ Иванѣ Григорьевичѣ и съ явными слѣдами на своей натурѣ вліянія этой кряжевой личности, слѣдами, очевидными въ ея здравыхъ религіозныхъ понятіяхъ, въ ея твердой вѣрѣ въ справедливость... Да! по многому въ правѣ я заключить, что далеко не дюжинный человѣкъ былъ дѣдъ. Служа, онъ какъ и всѣ, вѣроятно, бралъ если не взятки, то добровольные поборы, но таковы были понятія окружавшей его среды: помимо этихъ понятій, въ немъ жило крѣпко чувство добра и чести, и была въ немъ еще, по разсказамъ всѣхъ его знавшихъ, даже дальнихъ родныхъ и постороннихъ, необоримая, ветхозавѣтная вѣра въ Бога Израилева, въ Бога правды, была въ немъ святая гордость, которая заставляла его не держать языка на привязи гдѣ-бы то ни было и передъ кѣмъ бы то ни было... передъ архіереями ли, съ которыми онъ любилъ водиться, передъ свѣтскими ли властями, съ которыми онъ поставляемъ былъ судьбою въ столкновеніе.

Но я опять увлекся любимымъ образомъ моего дѣтства, этимъ идеаломъ, съ которымъ я долго-долго сопоставлялъ моего умнаго и благодушнаго, но весьма не характернаго отца, никакъ не видя, что у него совсѣмъ другая природа, любя его инстинктивно, но не уважая разумно его собственныхъ, личныхъ хорошихъ сторонъ...

Родовыя вспышки отца и ежемѣсячные припадки болѣзни матери нарушали обычную распущенность нашей жизни, но они же развили во мнѣ чувство состраданія до болѣзненности. Я ревѣлъ до истерики, когда доставалось за пьянство кучеру Василью или женѣ его, моей старой нянькѣ, за гульбу по ночамъ и пьянство человѣку Ивану и за гульбу съ молодицами моей молодой и тогда красивой нянькѣ Лукерьѣ... Я всегда являлся предстателемъ въ этихъ случаяхъ, и отецъ даже въ порывахъ бѣшенства, по благодушію своей природы, любилъ во мнѣ это предстательство. Что онъ любилъ, это очень хорошо, но напрасно онъ показывалъ мнѣ, что онъ это любитъ. Это развило во мнѣ какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной чувствительности... Помню,—мнѣ было лѣтъ девять,—нарыдавшись инстинктивно, я прежде чѣмъ идти къ отцу просить за отправленнаго въ часть Василья или Ивана, смотрѣлся въ зеркало, достаточно ли видъ у меня разстроенъ.

Но во всякомъ случаѣ я съ дворовыми жилъ совершенно интимно. У нихъ отъ меня секретовъ не было, ибо они знали, что я ихъ не выдамъ. Лѣтъ уже четырнадцати-пятнадцати даже, я запиралъ двери за Иваномъ, уходившимъ „въ почную" къ своимъ любовницамъ, и отпиралъ ихъ ему въ заутрени; уже студентомъ привозилъ нѣсколько разъ, самъ правя лошадью, кучера Василья въ своихъ объятьяхъ поздними вечеромъ, тихонько отворяя ворота...

И они любили меня, разумѣется, любили по своему — любили до тѣхъ поръ, пока въ позднѣйшую эпоху жизни интересы ихъ не столкнулись съ моими. Разумѣется, нечего винить ихъ за свою корыстную любовь. Грѣхъ не на нихъ, а все-таки на крѣпостномъ правѣ, много развратившемъ высокую природу русскаго человѣка. Одна старая няпька (она же была у насъ долгое время и кухаркой, пока не *купили* повара) любила меня инстинктивно, сердечно—умерла даже съ желаніемъ хотя бы глазкомъ взглянуть на меня, бывшаго въ Петербургѣ въ минуту ея смерти, да и то я думаю потому, что она была вольная изъ Арзамаса и по страстной любви, овдовѣвши послѣ перваго брака, вышла за пьянаго крѣпостного кучера Василья...

А много, все-таки много обязанъ я тебѣ въ своемъ развитіи, безобразная, расщедренная, своекорыстная дворня... Нѣтъ или мало пѣсенъ народа, мнѣ чуждыхъ: звучавшія дѣтскому уху, онѣ отдались, какъ старыя знакомыя, въ поздней молодости, онѣ, на время забытыя, пренебреженныя, попранныя даже, какъ старыя книги дѣда, возстали потомъ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ... Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашею дворнею на широкомъ дворѣ: и въ бою, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дому въ гости и не брали меня; всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, кота и лисицы въ одномъ домѣ—переслушалъ я въ осенніе сумерки отъ деревенской дѣвочки Марины, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ,—лежа, закутанный въ шубку, на старомъ ларѣ въ сараѣ...

Наѣзжали порою мужики изъ бабушкиной деревни. Вотъ тутъ-то еще больше наслушивался я дивовинныхъ разсказовъ — постоянно уже проводя все время съ мужиками на кухнѣ. Всѣхъ я ихъ зналъ по разсказамъ, многихъ лично; со мной они, предъ-

прежденные дворней, не чинились и не таились... Ужасно я любилъ ихъ, и провожая почтенныхъ мужиковъ, какъ староста Григорій, поминалъ даже въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, послѣ родныхъ и ближайшихъ окружающихъ...

IV.

СТОРОНА.

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарѣзать на душѣ неизгладимые слѣды!

Я началъ исторію своихъ впечатлѣній съ общаго образа Замоскворѣчья, рискуя, и конечно рискуя сознательно, попасть на зубокъ нашимъ различнымъ обличительнымъ изданіямъ. Я сказалъ уже, кажется, что Замоскворѣчье не только особый міръ, а соединеніе разныхъ особыхъ міровъ, носящихъ каждый свою отдѣльную, типовую физіономію.

Встанемте съ вами, читатели, бывавшіе въ Москвѣ, на высотѣ Кремля, съ которой огромнымъ полукружіемъ развертывается передъ вами юговосточная, южная и югозападная часть Москвы. Если я съ самаго начала не повелъ васъ туда, на кремлевскую гору, то, покаюсь въ этомъ, во избѣжаніе рутиннаго пріема. Видъ Москвы съ кремлевской вершины почти такое же избитое мѣсто, какъ видъ ея съ Воробьевыхъ горъ. И теперь я становлюсь съ вами на этомъ пунктѣ только потому, что такъ мнѣ нужно...

Панорама пестра и громадна, поражаетъ пестротою и громадностью, но все же въ ней есть извѣстныя, выдающіяся точки, къ которымъ можно приковать взглядъ... Онъ упирается налѣво въ далекой дали, въ двѣ огромныхъ колокольни двухъ монастырей: Новоспасскаго и Симонова... Старые монастыри—это нѣчто въ родѣ драгоцѣнныхъ камней въ вѣнцахъ, стягивающихся въ предѣлы громадный городъ-растеніе, или, если вамъ это сравненіе покажется вычурнымъ,—нѣчто въ родѣ бляхъ въ его обручахъ... Дѣло не въ цвѣтѣ сравненія, а въ его сущности, и сущность, если вы взглянете безъ предубѣжденія, будетъ вѣрна; старые пласты города стягиваетъ обручъ съ защитьями-монастырями, состоящими въ городской чертѣ: бывшимъ Алексѣевскимъ, который я еще помню, и на мѣстѣ котораго высится теперь храмъ Спасителя, упраздненныхъ Новинскимъ, Никитскимъ, Петровскимъ, Рождественскимъ, Андроніевскимъ; разросшіяся слободы стянуты тоже обру-

чемъ горизонтальной линіи, на которыя законными, останавливающими взглядъ пунктами являются тоже монастыри: Новоспасскій, Симоновъ, Донской, Дѣвичій...

Я обратилъ ваше вниманіе на дальнія точки горизонтальной линіи, потому что къ одному изъ этихъ пунктовъ „тянетъ", по допетровскому пластическому выраженію нашихъ дьяковъ, та или другая сторона Москвы, сторона съ особеннымъ видомъ и характеромъ. Внутри городской черты монастыри потеряли свое значеніе притягивающихъ пунктовъ, хотя прежде, вѣроятно, имѣли его: вѣдь на обручѣ Китай-города есть тоже свои ближніе: Знаменскій, Богоявленскій монастыри и т. д. Въ Замоскворѣчьѣ и въ Таганкѣ, которая „тянетъ" на половину къ Андроньеву, на половину къ „Спасу новому", типовой характеръ монастырей ущелѣлъ, разумѣется, болѣе... Особый характеръ, особый цвѣтъ и запахъ жизни у юговосточнаго Замоскворѣчья, которое „тянетъ" къ Симонову, и у южнаго и югозападнаго, которыя тянутъ къ Донскому...

Идя съ вами въ глубь Замоскворѣчья, я указалъ вамъ на его три или собственно двѣ главныя жилы, кончающіяся несуществующими на дѣлѣ „воротами", но не упомянулъ о третьей, огромной юговосточной жилѣ, о Пятницкой, названной такъ по церкви минически-народной святой Пятницы-Прасковеи.

Но не церковь Пятницы-Прасковеи поражаетъ и останавливаетъ вашъ взглядъ съ кремлевской вершины, когда вы, отклоняя постепенно глаза отъ юговостока, ведете ихъ по направленію къ югу, а пятиглавая, великолѣпная церковь Климента папы римскаго. Передъ ней вы остановитесь и идя по Пятницкой: она поразитъ васъ строгостью и величавостью своего стиля, своею даже гармоніею частей... Но особенно выдается она изъ безчисленнаго множества различныхъ узорочныхъ церквей и колоколенъ, тоже оригинальныхъ и необычайно-живописныхъ издали, которыми въ особенности отличается юговосточная часть Замоскворѣчья... Путешествуя по его извилистымъ улицамъ, заходя дальше и все дальше въ глубь, вы натолкнетесь, можетъ быть, на болѣе оригинальный стиль старыхъ, приземистыхъ и узорчатыхъ церквей съ главами-луковицами, но издали надо всѣмъ властвуетъ, безъ сомнѣнья, Климентъ. Около него, по Пятницкой и вправо отъ нея, сосредоточилась въ свои каменные дома и дворы съ заборами, нерѣдко каменными, жизнь по преимуществу купеческая; влѣво жизнь купеческая сплетается съ мелкомѣщанскою, мелкочиновническою

и даже, пожалуй, мелкодворянскою. Идя по Пятницкой влѣво, вы добредете даже до Зацѣпы, этого удивительнаго уголка міра, гдѣ совершается невозможнѣйшая съ общечеловѣческой точки зрѣнія и имѣетъ одна изъ наидѣйствительнѣйшихъ драмъ Островскаго: „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, гдѣ хозяйка честнаго учителя беретъ расписку съ Андрюши Брускова въ женитьбѣ на дочери своего постояльца, и „Китъ Китычъ“ платится по этой странной распискѣ, ибо не знаетъ что могутъ сдѣлать „стрюцкіе“, и внутренне боится ихъ, хотя и ломается надъ проникшимся „стрюцкимъ“ Сахаромъ Сахарычемъ... Тутъ, между Зацѣпой и комиссаріатомъ, двѣ жизни: жизнь земщины и жизнь „стрюцкихъ“ живутъ рядомъ одна съ другою, растительно сплетаются, хоть не смѣшиваются и тѣмъ менѣе амальгамируются.

Только затѣмъ, позвольте видѣть, я и водилъ васъ на вершину Кремля, чтобы оттуда различить для васъ двѣ полосы Замоскворѣчья. Дѣтство мое прошло въ первой, юговосточной,—отрочество и ранняя молодость въ югозападной.

Жизнь, которая окружала меня въ дѣтствѣ, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь „стрюцкихъ“, ибо отецъ мой служилъ, и служилъ въ одномъ изъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя не проникалъ уровень чиновничества, въ которомъ бражничало, дѣлало дѣла и властвовало подъячество... Эта жизнь „стрюцкихъ“ соприкасалась множествомъ сторонъ съ жизнью земщины, и въ особенности въ уголкѣ міра, лежащемъ между комиссаріатомъ, Зацѣпой и Пятницкой.

Какъ теперь видится мнѣ мрачный и ветхій домъ съ мезониномъ, полиняло-желтаго цвѣта, съ непзбѣжными алебастровыми украшеніями на фасадѣ и чуть ли даже не съ какими-то звѣрями на плачевно-старыхъ воротахъ, домъ съ явными претензіями, домъ съ дворянской амбиціей, домъ, въ которомъ началось мое сознательное дѣтство. Два такихъ дома стояли рядомъ, и нѣкогда оба прина лежали одному дворянскому семейству, не изъ сильно впрочемъ родовитыхъ, а такъ себѣ... Обитатели дома, въ который мы переѣхали съ Тверской, были женскіе остатки этого когда-то достаточнаго семейства: вдова-барыня съ двумя дочерьми-дѣвицами. Хозяинъ другого, племянникъ вдовы, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, и домъ долго стоялъ опустѣлый, только на мезонинѣ его, въ таинственномъ заключеніи жила какая-то его воспитанница. И объ этомъ мезонинѣ, и объ этой заключенницѣ, и о самомъ хозяинѣ

пустого дома, развратникѣ по сказаніямъ и фармазонѣ, ходили самые странные слухи.

Оба дома смотрѣли на церковную ограду Спаса Болвановской церкви, ничѣмъ впрочемъ кромѣ своего названія не замѣчательной, стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими себя съ горя, въ ряду другихъ, крѣпко сколоченныхъ и хозяйственно глядѣвшихъ купеческихъ домовъ, съ высокими воротами и заборами. Уныло кивалъ имъ симпатически только каменный домъ съ полуобвалившимися колоннами на концѣ переулка, домъ тоже дворянскій и значительно болѣе дворянскій.

Мрачность ли этихъ домовъ съ ихъ ушедшимъ внутрь и все-таки притязательнымъ дворянскимъ честолюбіемъ подѣйствовала сразу на мое впечатлительное воображеніе, или такъ ужъ на роду мнѣ было написано воспитывать въ душѣ двойную, т.-е родовую и свою мечтательную Аркадію, но все время нашего тамъ пребыванія, продолжавшагося года четыре до покупки дома въ другой, южной сторонѣ Замоскворѣчья, я относился къ этому жилью и къ житью въ немъ съ отвращеніемъ и даже съ ненавистью, и все лелѣялъ въ дѣтскихъ мечтахъ Аркадію Тверскихъ воротъ, съ большимъ каменнымъ домомъ, наполненнымъ разнородными жильцами, съ шумомъ и гамомъ ребятъ на широкомъ дворѣ, съ воспоминаніями о сѣрыхъ лошадяхъ хозяина, сѣдого купца Игнатія Ивановича, которыхъ важивалъ онъ меня часто смотрѣть въ чистую и свѣтлую конюшню; объ извозчикѣ-лихачѣ Дементьѣ, который часто каталъ меня отъ Тверскихъ воротъ до нынѣшнихъ Триумфальныхъ, вѣроятно, изъ симпатіи къ русымъ волосамъ и румянымъ щекамъ моей младшей няньки; о широкой площади съ воротами Страстного монастыря передъ глазами и съ изображеніями на нихъ „Страстей Господнихъ“, къ которымъ любила ходить со мною старая моя нянька, толковавшая мнѣ по-своему, апокрифически-легендарно эти изображенія въ извѣстномъ тонѣ апокрифическаго сказанія о „снѣ Богородицы“.

Многое, можетъ-быть,—и начинавшаяся болѣзнь матери, и начавшаяся для меня проклятая латинская грамматика Лебедева, къ которой до сихъ поръ не могу я отнестись безъ нѣкотораго, самому мнѣ смѣшного, враждебнаго чувства, и еще болѣе проклятая ариѳметика, съ которой никогда я не могъ помириться, будь она Меморскаго, какъ прежняя, или Аллеза, Рильи, Пюисана Будро, какъ послѣдующая, многое, говорю, навѣвало на меня

можетъ-быть, мракъ,—но только враждебно относился я къ житью-бытью на Болвановкѣ.

Но странная сила есть у прошедшаго, и въ особенности на насъ, людей былого поколѣнія. Чѣмъ дальше отдаляли отъ меня годы это житье, тѣмъ больше и больше свѣтлѣло оно у меня въ памяти. Шляясь часто по вечерамъ по Москвѣ, я въ мои зрѣлые годы углублялся въ лѣвую сторону Замоскворѣчья, но, увы! и слѣдовъ стараго не было. Удѣлѣли крѣпко сколоченные купеческіе дома, но отняли колонны у каменнаго дома, выбѣлили его и придали ему приличио-истертую наружность новые хозяева, а на-мѣсто амбиціонныхъ дворянскихъ домовъ въ концѣ переулка выстроились новые, чистые купеческіе дома. Самая ограда церкви, вплявная нѣкогда кривою линіею, отступила на шагъ и вытянулась въ струнку, но ранжиру...

И понятно, кромѣ общаго закона идеализаціи прошедшаго по мѣрѣ его удаленія отъ насъ, почему свѣтлѣло для меня спасо-болванское житье-бытье.

При старомъ домѣ былъ садъ съ заборомъ, весьма некрѣпкаго и дряхлаго качества, и заборъ выходилъ уже на Зацѣпу, и въ щели по вечерамъ смотрѣлъ я, какъ собирались и разыгрывались кулачные бои, какъ ватага мальчишекъ затѣвала дѣло, которое чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше захватывало большихъ. О! какъ билось тогда мое сердце, какъ мнѣ хотѣлось тогда быть въ толпѣ этихъ начинающихъ дѣло мальчишекъ, мнѣ, барченку, котораго держали въ хлопкахъ, изрѣдка только позволяя (да слава-Богу, что хоть изрѣдка-то!) играть въ игры съ дворнею. А въ большіе праздники водились тутъ хоровод ы фабричными и живо, страстно сочувствовалъ я нашей замкнутой на дворѣ дворнѣ, которая, облизываясь какъ котъ, смотрѣла на вольно-шумѣвшую вокругъ нея вольную жизнь!

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ МЛАДЕНЧЕСТВА.

Да! меня держали въ хлопкахъ; жизнь, окружавшая меня, давала мнѣ только впечатлѣнія, дразнила меня, и потому все сильнѣе и сильнѣе развивалась во мнѣ мечтательность. На меня порою находила даже какая-то неестественная тоска, въ особенности по осеннимъ и зимнимъ долгимъ вечерамъ. Игрушками я былъ буквально заваленъ, и онѣ мнѣ наскучили.

Мнѣ шелъ седьмой годъ, когда стали серьезно думать о пріисканіи для меня учителя, разумѣется, по средствамъ,—и по общей методѣ—подешевле. До тѣхъ поръ мать сама кое-какъ учила меня разбирать по складамъ, но какъ-то дальше буки-рцы-азъ ра-бра (такъ произносилъ я складъ) я не ходилъ. Вообще я былъ безгранично лѣнивъ до двѣнадцати лѣтъ возраста.

Стали наконецъ дѣйствительно искать учителя, но прежде всего, по извѣстному русскому обычаю покупать прежде подойникъ, а затѣмъ уже корову, купили неизвѣстно для какихъ цѣлей указку. Указка была костяная, прекрасненькая и я черезъ день же ее сломалъ, какъ ломалъ всякія игрушки. Помню какъ теперь, въ осенній вечеръ, когда уже свѣчи подали, сидѣлъ я на коврѣ въ залѣ, обложенный игрушками, слушая разсказы младшей няньки про бабушкину деревню и стараясь разгадать, что такое Иванъ, сидѣвшій тутъ же на коврѣ, дѣлалъ съ куколками, показывая ихъ Лукерьѣ и отчего та то ругается, то смѣется,—явился учитель-студентъ въ мундирѣ и при шпагѣ и бойкою походкою прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ. „Учитель, учитель!“ сказала моя нянька и съ любопытствомъ заглянула ему вслѣдъ въ гостиную. „Съ форсомъ!“ добавилъ Иванъ и опять сталъ что-то ей таинственно показывать...

Я заревѣлъ...

Насилу меня уняли разсказами о будущей моей невѣстѣ и о золотой каретѣ, въ которой поѣду я вѣнчаться, а между тѣмъ, черезъ четверть часа, отворились двери гостиной, и отецъ, провожая студента, указалъ ему на меня, потомъ подозвалъ меня и прибавилъ: „такъ начинайте съ Богомъ во вторникъ.“

А во вторникъ былъ день Козьмы и Даміана безсребренниковъ, день, въ который обыкновенно учить начинаютъ по преданіямъ...

Но видно преданіямъ вообще суждено было всегда носиться вокругъ меня, а не исполняться вполнѣ надо мною. Насталъ день покровителей ученья, посадили меня съ азбукой и сломанной указкой у окна и велѣли ждать учителя. Помню, что безсмысленно и вмѣстѣ тоскливо, ничего не замѣчая, ничего даже не думая и ни о чемъ противъ обыкновенія не мечтая, проглядѣлъ я съ часъ на улицу. Било одиннадцать,—срокъ назначенный для урока,—учитель не являлся. Съ мѣста меня сняли. Било двѣнадцать—учителя все не было. Пришелъ часъ обѣда, воротился отецъ изъ присутствія.

Дворянская амбиція въ немъ заговорила.

Воспитанникъ бывшаго Благороднаго пансіона, товарищъ по воспитанію Жуковскаго и Тургеневыхъ, онъ, не смотря на здравый умъ свой и доброту души, былъ проникнутъ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ къ поповичамъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что въ семьѣ у насъ было множество родни духовнаго чина всякихъ подраздѣленій: отъ протоіереевъ до дьяконовъ и даже ниже. Впрочемъ, это былъ ужъ общій недостатокъ отца, старшей тетки и дяди, что они не любили разспросовъ о степеняхъ родства съ дядей ихъ, протопопомъ Адреемъ Ивановичемъ, и другими лицами духовнаго вѣдомства. У отца же кромѣ того привилась специальная антипатія къ поповичамъ, вынесенная имъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона. Разсказывая о своемъ пребываніи въ немъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть о томъ, какъ они, дворянчики, обязанные слушать послѣдній годъ университетскія лекціи, перебранивались на лѣстницахъ университета съ настоящими студентами изъ поповичей, ходившими въ его время въ какихъ-то желтыхъ нанковыхъ брюкахъ въ сапоги и нелѣпыхъ мундирахъ съ желтыми воротниками.

Надо сказать правду, что и въ это время, въ 1828 году, некрасивъ былъ студенческій мундиръ: синій, съ красно-оранжевымъ воротникомъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то полицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, ходя даже и на лекціи въ партикулярномъ платьѣ.

Для отца, по старой памяти, понятіе о студентѣ сливалось съ понятіемъ о поповичѣ. При томъ же амбиція произвела въ немъ мгновенно родовую вспышку, и когда студентъ явился вечеромъ, онъ принялъ его весьма сухо, и не смотря на его извиненія, отказалъ отъ уроковъ...

Такъ и не удалось мнѣ начать учиться въ день преподобныхъ Козьмы и Даміана.

Опять по старому принялась учить меня по складамъ мать, и такъ же точно по-старому дальше буки-рцы-азъ ра-бра, мы не подвигались.

Наконецъ, въ одинъ тоже осенній, но уже ноябрьскій сумерки пріѣхалъ младшій товарищъ отца по службѣ, секретарь Дмитрій Ильичъ съ женою, красивою и крайне-веселою поповною, любимой ужасно моей матерью за живой и добрый характеръ и развлекавшей нерѣдко своей болтовней ея ипохондрическіе припадки. Объявили они за чаемъ, что вслѣдъ за ними будетъ ихъ „сроч-

ственникъ“ отецъ Иванъ, священникъ одного подмосковнаго села Перова съ сыномъ, молоденькимъ семинаристомъ, только-что вступившимъ въ университетъ и, разумѣется, на медицинскій факультетъ. Точно, не позже какъ черезъ часъ какой-нибудь, прибылъ отецъ Иванъ въ треухѣ и заячьей шубѣ, рослый, но худой старикъ съ значительной лысиной, оказавшейся по снятіи треуха. За нимъ выступалъ робкою поступью, съ потупленными долу очами, съ розовыми щеками, юноша, чуть не мальчикъ во фризовой шинели. Прехорошенькій былъ онъ тогда, какъ я его помню... Меня—а я какъ теперь его вижу—не поразила даже особенная сахарная сладость его физіономіи и маслянистость глазъ, которыя замѣтилъ я уже впослѣдствіи. Я даже не заревѣлъ.

Отецъ Иванъ и Дмитрій Ильичъ „осадили“ въ вечеръ графина съ четыре ерофеичу на звѣробоѣ. Отецъ мой не пилъ съ ними, ибо уже лѣтъ десять тому назадъ бросилъ „заниматься этимъ малодушествомъ, пить“, но усердно ихъ потчивалъ, былъ въ духѣ, а когда онъ былъ въ духѣ, онъ какъ-то невольно располагалъ всѣхъ къ веселости, подшучивалъ надъ Сергѣемъ Иванычемъ,—такъ звали моего будущаго юнаго наставника. Юный наставникъ, прикашливая по-семинарски, краснѣя, запинался въ отвѣтахъ: для приданія себѣ „континенту“ обратился онъ ко мнѣ со сиросомъ, какъ и чѣмъ я до него занимался. Я, помню, отвѣчалъ ему безъ малѣйшей запинки, и весело потащилъ его въ залу показывать мои игрушечныя богатства. Онъ не могъ скрыть своего изумленія, и отчего-то ужасно покраснѣлъ, увидавши мою младшую няньку.

Дѣло было порѣшено. Съ завтрашняго же дня Сергѣй Иванычъ долженъ былъ перебраться къ намъ.

Начиналось мое „ученье...“

Дѣтство.

I.

СЕМИНАРИСТЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ настоящее время, когда... т.-е. не то что вы думаете,—рѣчь вовсе не идетъ ни о прогрессѣ, ни о благодѣтельной гласности [1]),—

[1]) Срв. также насмѣшки Добролюбова надъ этой излюбленной фразой русскихъ журналистовъ конца 50-хъ годовъ. *Примѣч. В. С.*

въ настоящее время, когда литература поднимаетъ одинъ за однимъ слои нашего общества и выводитъ одинъ за другимъ разнообразные его типы,—типъ семинариста и его обстановка выдвигаются тоже изъ бывалой неизвѣстности. Но это типъ, измѣняющійся съ эпохами въ своемъ цвѣтѣ, хотя, конечно, имѣющій общія, коренныя основы сущности. Типъ этотъ двоится, какъ всѣ основные типы нашей бытовой жизни, и литература покамѣстъ разработываетъ, преимущественно въ очеркахъ г. Помяловскаго, одну его сторону, сторону кряжевого человѣка, твердой ногою завоевывающаго себѣ извѣстное первенство въ той или другой сферѣ жизни, тѣмъ или другимъ путемъ, положительнымъ или отрицательнымъ, это совершенно все равно. Выборъ пути зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ времени и жизненной обстановки, хотя исходная точка дѣятельности есть всегда отрицаніе. На отрицаніи кряжевой семинаристъ воспитался. An non spiritus existunt? [1]) дается ему задача: если она дана положительно, онъ говоритъ и долженъ сказать *nego*, и своей негаціей, своимъ отрицаніемъ добиться первенства въ этомъ вопросѣ. Еслибы школа давала тезисъ въ отрицательной формѣ: spiritus non existunt—онъ негировалъ бы негацію и вмѣсто того, чтобы быть матерьялистомъ и нигилистомъ, былъ бы идеалистомъ,—e sempre bene! Кряжевой семинаристъ будетъ всегда жизненно правъ, всегда одержитъ практически побѣду, ибо правы практически только смѣлые отрицатели: они помнятъ твердо, что gutta cavat lapidem, и бьютъ мѣтко въ одно мѣсто, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другія, не увлекаясь ничѣмъ, кромѣ поставленнаго ими вопроса,—даже намѣренно становятся глухи на всѣ возраженія мысли и жизни. Разъ извѣстный взглядъ улегся у нихъ въ извѣстную схему, будетъ ли эта схема --хрія универса [2]), административная централизація по французскому образцу, какъ у Сперанскаго, или фаланстера, какъ у многихъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей что имъ за дѣло, что жизнь кричитъ на прокрустовомъ ложѣ этой самой хріи универсы, этого самаго административнаго или соціальнаго идеальчика? Ихъ же вѣдь ломали въ бурсѣ, гнули въ академіи—отчего же и жизнь-то не ломать?..

[1]) Существуютъ ли духи?

[2]) Извѣстный пріемъ разсужденія въ схоластической реторикѣ.

Примѣч. В. С.

Мрачными и страшными чертами рисуетъ наша литература жизненную и воспитательную обстановку, приготовляющую практическихъ отрицателей, обнажая ее безпощадно, до цинизма, бичуя безъ милосердія,—да милосердія эта обстановка едва ли и заслуживаетъ. Пусть кричатъ отъ боли тѣ, кому больно: крикъ ихъ свидѣтельствуетъ только, что бичъ бьетъ мѣтко, бьетъ по чувствительнымъ мѣстамъ,—все равно, они стоятъ бичеванія. Вѣдь эта обстановка не почвой нашей, не народной жизнью дана: эта буреа такъ же точно намъ навязана, какъ навязана административная централизація, навязана только раньше, можетъ-быть, незапамятно рано... Нечего ее жалѣть: это не наша родная обломовщина, виноватая только развѣ тѣмъ, что не даетъ на себя сѣсть верхомъ штольцовщинѣ...

Всѣмъ этимъ хочу я сказать, что литература, принявшаяся въ настоящее время за разработку этого слоя нашей жизни и его типовъ, совершенно права въ односторонности изображенія. Въ самой жизненной средѣ типъ являлся наиболѣе ярко только въ своей отрицательно-практической манифестаціи, будетъ ли эта манифестація—великій Сперанскій, дѣятель историческій, или въ измѣненныхъ сферахъ процвѣтавшій Максютка Бепеволенскій Островскаго... Парадоксальное и дикое сближеніе! скажутъ читатели. Больше чѣмъ парадоксальное и дикое, прибавлю, кощунственное сближеніе, ибо Сперанскій, по крайней мѣрѣ въ первую эпоху своей дѣятельности, руководился возвышеннѣйшими стремленіями, а Максютка Бепеволенскій самодовольно треплетъ себя за хохолъ передъ зеркаломъ по поводу весьма незначительнаго въ исторіи обстоятельства, по поводу женитьбы, завершающей, впрочемъ, его завоеванія въ жизни; но вѣдь я нарочно и взялъ такія крайнія грани, какъ историческій Сперанскій и художественный Бепеволенскій, для того чтобы показать какое важное значеніе имѣетъ повсюду въ нашей жизни этотъ типъ кряжевого семинариста, безстрашнаго отрицателя и завоевателя жизни.

Но у этого типа, какъ у всякаго, преимущественно русскаго типа, есть другая сторона, другимъ образомъ проявляющаяся въ жизни. Раздвоеніе типа есть, пожалуй, общечеловѣческое явленіе, но у насъ оно какъ-то наглядпѣе.

Есть по глубокому слову, кажется Запда, des hommes forts, люди сильные, и des hommes grands—люди великіе; есть, по глубокому же замѣчанію одного изъ оригинальнѣйшихъ и самостоя-

тельнѣйшихъ мыслителей нашей эпохи, Эрнеста Ренана, des pensées étroites—мысли узкія, и des pensées larges—мысли широкія. „Только узкія мысли управляютъ міромъ", прибавляетъ Ренанъ, и это совершенно справедливо... Если такъ же нельзя закончить мысль Занда, то можно все-таки найти въ ней сродство съ мыслью Ренана. Есть люди широкіе: изъ нихъ дѣлаются или великіе люди, или Обломовы. И есть люди сильные, крѣпкіе, кряжевые, изъ которыхъ великіе люди бываютъ, и даже часто, но Обломовы никогда. Одни отдаются жизни и всѣмъ ея вѣяніямъ, и благо имъ, если они геніи-представители вѣяній жизни; другіе завоевываютъ жизнь и обладаютъ ею. Одни не выполняютъ никакихъ преднамѣренныхъ цѣлей, а смотря по тому, въ какую пору они созданы, или отождествляются съ самою жизнью, или личность ихъ расплывается въ жизни; другіе какихъ-нибудь цѣлей да достигаютъ, цѣлей Петровскаго или цѣлей Беневоленскаго,—это зависитъ и отъ степени ихъ силы и даровитости, и отъ эпохи, въ которую они живутъ и дѣйствуютъ. Наша эпоха—я обращаюсь вновь отъ общаго положенія къ судьбѣ типа, о которомъ я началъ говорить—выдвинула много такихъ кряжевыхъ личностей съ отрицательною, теоретическою задачею. Мнѣ же лично эта сторона типа явилась уже въ годы университетской юности, въ могущественной и даровитой личности покойнаго Іринарха Введенскаго, но никакъ не прежде.

Эпоха, въ которую началось мое ученіе, все до самаго университета шедшее подъ вліяніемъ семинаристовъ, была не та, которой провозвѣстникомъ явился потомъ Введенскій, и которой полные представители—Добролюбовъ и Помяловскій.

Жизнь живетъ протестомъ, но у протеста въ разныя эпохи разныя же точки отправленія, разные мотивы, разныя, такъ-сказать, возбужденія. Полны были протеста и личности, окружавшія мое дѣтство, но протестъ ихъ не походилъ на теперешній. Всѣ они были болѣе или менѣе идеалисты;—точнѣе и цѣльнѣе сказать, романтики всѣхъ сортовъ и подраздѣленій, отъ романтиковъ буйныхъ и прожигавшихъ жизнь съ неистовствомъ русскаго человѣка до романтиковъ мечтательныхъ и сладкихъ; но во всякомъ случаѣ это были люди, вполнѣ отдававшіеся или по крайней мѣрѣ поддававшіеся жизни. Характеристическая особенность этихъ людей въ томъ, что въ противоположность теоретикамъ, отрицателямъ, централизаторамъ, они были всѣ почти, и въ особенности

даровитые изъ нихъ, страстные поклонники изящнаго, и другая особенность, что почти никто изъ нихъ, и въ особенности даровитые, не сдѣлали никакой карьеры. Даже самые смирные изъ нихъ по жизненному взгляду достигли разъѣ-разъѣ профессорства. Даровитые же, увлекавшіеся, или прожигали жизнь, какъ одинъ замѣчательный пѣвецъ-дьяконъ, дошедшій наконецъ до того, что разстригся, или становились подъячими „пивогрызами", не достигая даже цѣлей Макеютки Беневоленскаго, а тѣмъ менѣе умилительнаго спокойствія совѣсти Акима Акимыча Юсова.

Что же хорошаго въ этомъ типѣ? спроситъ читатель, подмѣтившій, можетъ-быть, въ томъ моемъ особенное расположеніе къ этому типу (что совершенно справедливо), и предположившій, пожалуй, (что уже совершенно несправедливо), что я даю этому типу преимущество передъ тѣмъ, который развился въ особенности въ настоящую эпоху. А вотъ извольте видѣть что: во-первыхъ, погибшія даровитыя личности были все-таки страшно даровиты, и безумное буйство ихъ силъ свидѣтельствуетъ, какъ хотите, о богатствѣ природы; немногіе же уцѣлѣвшіе и правильнѣе развившіеся были полные, цѣльные люди, съ дѣятельностью въ высшей степени плодотворною. Довольно указать въ этомъ случаѣ хоть на покойнаго Петра Николаевича Кудрявцева, который не виноватъ же тѣмъ, что онъ слишкомъ рано сталъ покойникомъ. Я указываю нарочно на личность, по поводу которой не можетъ возникнуть ни сомнѣній, ни недоразумѣній ни въ одномъ изъ нашихъ лагерей, и которую никакъ нельзя отнести къ типу кряжевыхъ семинаристовъ, хотя собственно Кудрявцевъ принадлежитъ къ другому, поздиѣйшему пласту, къ пласту моихъ товарищей, а не руководителей по отношенію къ развитію. Кудрявцевъ былъ самый даровитый и гармоническій изъ семинаристовъ-романтиковъ. Въ немъ, несмотря на гармоничность и исключительность его природы, мелькали даже порою комическія стороны типа сентиментальнаго романтика, и одна злая, хотя дружеская эпиграмма рѣзко выразила эти комическія черты въ стихъ: „Педантъ, вареный на меду..." [1])

Но ни въ комъ, какъ мнѣ кажется, комическія стороны сентиментальнаго романтизма не совмѣстились такъ рѣзко, какъ въ моемъ юномъ наставникѣ.

---

[1]) Изъ эпиграммы Тургенева на Кудрявцева. *Примѣч. В. С.*

Сергѣй Ивановичъ рѣшительно весь былъ созданъ изъ сердца, и это сердце было необычайно мягкое и впечатлительное. Нервичность его была совершенно женская, и я рѣшительно не понимаю, какъ этотъ человѣкъ могъ быть на медицинскомъ факультетѣ, учиться анатоміи, стало-быть, рѣзать трупы, да еще кончить курсъ лѣкаремъ перваго отдѣленія, даже съ звѣздочкой, т.-е. въ числѣ эминентовъ [1]). Разъ онъ упалъ въ обморокъ, неосторожно обрѣзавши себѣ ноготь большого пальца и вообразивши, что у него сдѣлается антоновъ огонь, о которомъ онъ только что прослушалъ, кажется, лекцію; другой разъ—цѣлая долгая исторія происходила по поводу того, что у него надобно было вырѣзать вередъ подъ мышками. Съ этою женскою, или лучше сказать бабьею мягкостью натуры, соединялось самолюбіе совершенно нѣтушиное и удивительно способное къ самообманыванію. Настоящей страстности въ немъ не было, но зато былъ постоянный неугомонный зудъ страстности, и зудилъ же онъ, зудилъ себя наче мѣры—и стихами, и прозой, и разными любвями, начинавшимися у него какъ-то по заказу, и о которыхъ я разскажу въ слѣдующей главѣ все что помню, разскажу потому, что онѣ характеризуютъ ту эпоху. Въ немъ была также способность къ энтузіазму, и пусть въ немъ она была дешева и кончилась ничѣмъ, на меня она хорошо подѣйствовала. А впрочемъ, хорошо или дурно, — это Богъ знаетъ.

Въ семьѣ нашей и въ домашнемъ быту была та особенность, что всякій, кто входилъ въ нее болѣе или менѣе волею и неволею, становился ея членомъ, заражался хотя на время ея особеннымъ запахомъ, даже подчинялся, хоть съ ропотомъ и бунтомъ, тому, что мы впослѣдствіи называли съ Фетомъ домашнею „догмою", развившеюся въ позднѣйшее время до примѣрнаго безобразія, исключительности и самости. Дѣло вовсе не въ томъ, что у насъ былъ заведенный порядокъ—гдѣ же его не бываетъ? Нѣтъ, у насъ постоянно все болѣе и болѣе узаконивались, становились непреложными вещи антираціональныя, такъ что впослѣдствіи посягнутъ на священность и неприкосновенность правъ на пьянство и буйство повара Игнатья было дѣломъ не совершенно безопаснымъ. Но такъ сдѣлалось уже впослѣдствіи... Сначала особенность нашего домашняго быта захватывала человѣка какъ-то

[1]) Т.-е. въ числѣ наиболѣе выдающихся (éminent). *Примѣч. В. С.*

полегче. Бѣда въ томъ только, что если человѣкъ мало-мальски былъ мягокъ, онъ становился чѣмъ-то въ родѣ домашняго шута.

И это вотъ почему. Отецъ мой, несмотря на свой замѣчательный умъ и на достаточное, хотя внѣшнее, и потому совершенно заглохшее безъ пользы для него и для другихъ образованіе, былъ по натурѣ юмористъ и юмористъ, какъ всякій русскій человѣкъ, безпощадный. Собственно говоря, и щадить-то ему было нечего. Идеала жизненнаго и моральнаго передъ нимъ не стояло никакого: власть людей, современныхъ ему и тревожно искавшихъ идеала, отыскивалъ его уже въ это время, быть-можетъ, „въ мрачныхъ пропастяхъ земли" [1]), а онъ принадлежалъ къ благоразумному большинству. Это благоразумное большинство той эпохи оставило намъ наивный и по наивности своей драгоцѣнный памятникъ въ „Дневникѣ студента" [2]). Если читатели незнакомы съ этой замѣчательной по своей безыскуственности книгою, совѣтую имъ прочесть ее. Духъ отцовъ нашихъ, вызвавшій пламенное бичеваніе Грибоѣдова, дышетъ въ ней.

Отецъ мой смѣялся, или, лучше сказать, потѣшался добродушнѣйшимъ образомъ надъ всякимъ чувствомъ, любилъ натравливать на чувство всякаго, въ комъ онъ подмѣчалъ какую-либо впечатлительность, и въ моемъ наставникѣ имѣлъ для себя субъектъ, неоцѣненный по этой части, влюбляя его каждый мѣсяцъ и разъярял его ежедневно. Онъ даже чувствовалъ какую-то антипатію къ личностямъ, сколько-нибудь серьезнымъ и неподдававшимся на его удочку. Надъ Сергѣемъ Ивановичемъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, даже образовывалъ его по-своему, не замѣчая, что самъ отстаетъ, если не совсѣмъ отсталъ уже отъ образованія эпохи. Сергѣй Ивановичъ слушался его во всемъ,— и въ любовныхъ своихъ похожденіяхъ, и даже въ костюмировкѣ, тоже не замѣчая, по добродушію и самолюбію, что въ любовныхъ своихъ интригахъ онъ былъ его шутомъ, а въ костюмировкѣ и манерахъ могъ избрать себѣ менѣе отсталаго руководителя. Но посудите сами, какъ же было ему, семинаристу мягкаго типа, крайне падкому до образованія, не слушаться человѣка, который говорилъ по-французски и учился въ Благородномъ пансіонѣ? Отецъ нерѣдко вмѣшивался

---

[1]) Извѣстный стихъ Пушкина изъ его „Посланія" къ декабристамъ.

[2]) Подразумѣвается, конечно, „Дневникъ студента" Жихарева, первоначально напечатанный въ „Москвитянинѣ" въ 1853—54 гг.

Примѣч. В. С.

даже въ его товарищескія связи, устраняя своимъ вліяніемъ людей буйныхъ, т.-е. такихъ, которые мало были способны подчиниться его „асандану“ [1]), (это было одно изъ любимыхъ его словъ), и „протежируя“ личности, оказывавшія любовь къ тому, что считалъ онъ образованіемъ.

Зато личности „протежируемыя“ отцомъ и даже сколько-нибудь терпимыя, ходили безпрепятственно во всякое время, имѣли право сидѣть хоть во время класса и вообще цѣлые дни до условнаго догматическаго часа. Догматическій часъ, часъ, когда весь домъ долженъ былъ спать de jure, и когда de facto начинался полнѣйшій разгулъ всякаго блуда, пьянства и безобразія, постепенно шелъ къ десяти часамъ вечера, но въ ту пору было еще не такъ. Въ десять часовъ только что кончался день для посторонихъ. Сергѣй Ивановичъ шелъ изъ своей комнатки въ спальню отца и матери и часто до часу читалъ имъ, а иногда даже и до двухъ. А моя дѣтская была подлѣ спальни, и все я слышалъ, что читалось по ночамъ Сергѣемъ Ивановичемъ, какъ все слышалъ я, что читалось по вечерамъ отцомъ, ибо они чередовались.

Чтеніе было у насъ по истинѣ азартное впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Оно имѣло огромное вліяніе на мое моральное развитіе. По распущенности ли, по невѣрію ли въ то, что книжки дѣло серьезное, какъ будто не замѣчали, что я сижу въ углу по вечерамъ вмѣсто того, чтобы играть въ игрушки, и не сплю ночи, слушая съ лихорадочнымъ трепетомъ „Таинства Удольфскаго замка“, „Итальянца“, „Дѣтей Допретскаго аббатства“, и проч., и проч. И въ концѣ-концовъ я вѣдь глубоко благодаренъ моему воспитанію за то, что не обращали вниманія на мое внимательное слушаніе. Я, слава Богу, никогда не зналъ „дѣтскихъ книжекъ“, и если глубоко ненавижу ихъ, то, право, самъ дивлюсь своей совершенно безкорыстной къ нимъ ненависти. Мнѣ ихъ иногда и покупали, но не требовали, чтобы я читалъ ихъ; пресыщенный игрушками, которыми я былъ заваленъ, я вырѣзывалъ изъ нихъ картинки.

Тоже и въ первоначальномъ ученіи моемъ, несмотря на его безобразную безпорядочность, была своя хорошая сторона, и можетъ-быть именно эта самая безобразная безпорядочность. Собственно учился я тогда мало, но сидѣлъ надъ ученьемъ... чрезвычайно

[1]) Власти, вліянію (l'ascendant). *Примѣч. В. С.*

много. То, что давалось мнѣ легко, я, разумѣется, вовсе не училъ; то, что могло вдолбиться несмотря на мою лѣнь, при моихъ довольно счастливыхъ способностяхъ, какъ, напримѣръ, латинскій языкъ, которому началъ я учиться съ русской грамотой вмѣстѣ, вдолбилось волѣтствіе сидѣнья по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ Сергѣя Иваныча за гнусною книжкою грамматики Лебедева; то, къ чему я вовсе не имѣлъ способностей, какъ математика, вовсе и не вдолбилось... ma tanto meglio! А все же таки я, не прошедшій „огня и мѣдныхъ трубъ" бурсы и семинаріи—семинаристъ по моему первоначальному образованію, чѣмъ, откровенно сказать, и горжусь.

Помню я какъ теперь эту заднюю, довольно грязноватую, выходившую окнами на дворъ комнатку, отведенную для житья Сергѣю Иванычу и назначенную вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего ученья, съ ея ветхою мебелью, съ дырявымъ и чернилами проѣденнымъ столомъ у окошка, съ темно-кожанымъ изорваннымъ диваномъ—обиталищемъ милліоновъ клоповъ, съ черепомъ на шкапу, необходимымъ атрибутомъ всякаго студента-медика... Сколько слезъ лилось въ ней по утрамъ надъ проклятыми ариѳметическими задачами, и какъ весела она была для меня, начиная съ пяти и до десяти часовъ, когда ученья ужъ не было, когда я былъ въ ней гостемъ, посреди другихъ гостей Сергѣя Иваныча, студентовъ разныхъ факультетовъ... Какъ дорого мнѣ воспоминаніе о ней, объ этой грязной комнаткѣ въ долгія сумерки, когда бывало Сергѣй Иванычъ заляжетъ на дырявый диванъ и я свернусь около него клубочкомъ. Свѣчей нѣтъ, онъ заставляетъ меня шарить у себя въ его мягкихъ, нѣсколько кудреватыхъ волосахъ, а самъ, если не фантазируетъ вслухъ о своихъ любвяхъ, то разсказываетъ, и хорошо разсказываетъ римскую исторію, и великія личности Брутовъ и Цинцинатовъ, Камилловъ и Маріевъ, исполинскими призраками встаютъ передъ моимъ впечатлительнымъ воображеніемъ... Вѣчная память этой грязной комнаткѣ! Вѣчная память и тебѣ, мой добрый наставникъ, если ты уже умеръ, и дай Богъ тебѣ долгихъ дней, коли ты еще живъ и не спился, а спиться — увы, по моему крайнему разумѣнію, судя по даннымъ твоей романтической натуры, — въ захолустьѣ одного изъ тѣхъ городовъ, которыхъ чортъ „три года искалъ", когда судьба бросила тебя уѣзднымъ лѣкаремъ, — ты долженъ былъ непремѣнно.

II.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ.

Да! я хорошо тебя помню, продолговатая грязненькая комнатка, хотя ты никогда не называлась классною, а была просто помѣщеніемъ Сергѣя Иваныча; помню тебя во всякіе часы дня, со всѣми различными перемѣнами декорацій.

Зимнее утро чуть-чуть еще брезжитъ сквозь занавѣски моей кроватки, которую постоянно, въ предотвращеніе послѣдствій моей рѣзвости до сна и нервной подвижности во снѣ, задвигали досками. Часовъ семь, а отецъ уже кашляетъ въ сосѣдней комнатѣ,—значитъ проснулся, но еще не встаетъ, ибо у него была прекрасная и до старости уцѣлѣвшая привычка не будить людей до урочнаго часа, хотя онъ просыпался обыкновенно раньше. Но вотъ онъ всталъ, вотъ загремѣли чашки, вотъ слышу я, глухой Иванъ вскочилъ съ громомъ съ залавка передней: сейчасъ, значитъ, самоваръ поставятъ. И я подаю знаки жизни. Младшая нянька моя, ибо старшая давно уже перешла въ званіе кухарки, обуваетъ меня, одѣваетъ (а обували и одѣвали меня лѣтъ чуть не до тринадцати, пока, наконецъ, не застыдилъ меня дядя, о которомъ будетъ рѣчь впереди). Я иду къ отцу здороваться, прочтя разумѣется напередъ молитвы, по-русски и по-латыни, по какому-то латинскому букварю. Затѣмъ наливается мнѣ отцомъ большущая чашка чаю, въ которую кладется такое огромное количество сахара, что и теперь тошнитъ при одномъ воспоминаніи, а тогда не тошнило. Отецъ по обыкновенію молчаливъ пока не напился чаю; затѣмъ начинаетъ чѣмъ-нибудь дразнить меня, если въ духѣ, и посылаетъ чай Сергѣю Иванычу, приказывая будить его хорошенько; наконецъ дѣлаетъ мнѣ чай на цѣлый день до вечера, ибо меня, какъ дитя дворянское и нѣжное, поили почему-то чаемъ, какъ теленка молокомъ... Я веселъ или не веселъ, смотря по тому, жаловался ли на меня наканунѣ вечеромъ Сергѣй Иванычъ или не жаловался, что впрочемъ было всегда дѣломъ чистой случайности и расположенія духа наставника, зависѣвшаго болѣе или менѣе отъ удачи или неудачи сердечныхъ дѣлъ, ибо жаловаться на меня было всегда за что. Невеселъ я впрочемъ,—если только невеселъ, — вовсе не потому, чтобы отца боялся: я его точно боялся, до запуганности, въ рѣдкія минуты его вспыльчивыхъ припадковъ, которые могли обрушиться точно такъ же случайно и въ

одинаковой степени на меня, какъ и на кучера Василья,—но онъ сорветъ сердце на комъ-нибудь, да и дѣло съ концомъ, на другой день ни о чемъ уже и помину нѣтъ, но мать—мать будетъ неумолчно и ядовито точить во все долгое время ея чая и не менѣе долгое же время чесанья волосъ моихъ частымъ гребнемъ, прибирая самыя ужасныя и оскорбительныя для моей гордости слова... Вотъ и мать встаетъ; я подхожу къ ея постели или съ трепетомъ или безъ трепета, опять смотря по тому, пожаловался ли на меня Сергѣй Иванычъ за лѣнь, пожаловались ли на меня или нѣтъ хозяйскія барышни за неприличныя шалости. Розги я не зналъ никогда; меня только разъ постращали ею, да и то за то, что я наклеилъ на полъ хозяйской горничной бумажку съ именемъ Ивана-глухого—ея любовника... Кончены наконецъ преизрительныя муки ранняго утра до девяти часовъ. Отъ нравственнаго и головного чесанья бѣгу я, какъ „алалай", въ комнату Сергѣя Иваныча.

Но и тутъ не легче. Строгъ и мраченъ Сергѣй Иванычъ по утрамъ, т.-е. или напускаетъ на себя строгость и мрачность, или дѣйствительно печаленъ отъ какой-либо неудачи. Въ послѣднемъ случаѣ — бѣда: всѣ исключенія третьяго склоненія потребуетъ и ужасную ариѳметическую задачу задастъ, а выучить изъ священной исторіи строкъ сколько!.. Задастъ онъ урокъ и уйдетъ часа на три въ университетъ... а ты тутъ безъ него сиди въ столовой у окошка, да долби, или хоть не долби, а сиди надъ книжкою. Мать, бранясь въ сосѣдней комнатѣ то съ глухимъ Иваномъ или за то, что онъ вѣчно „какъ мужланъ" охабку дровъ брякнетъ объ полъ или соловья окормилъ гречневою кашею, которая, впрочемъ, по его возраженію, сама въ клѣтку прыгнула, или съ Лукерьей, которую постоянно и поѣдомъ ѣла она за грѣхи противъ цѣломудрія, или съ старой нянькой моей Прасковьей, призываемой нарочно въ важныхъ случаяхъ изъ кухни,—мать моя, занимаясь однимъ словомъ хозяйственными заботами, строго наблюдаетъ, чтобы я до кофею и послѣ кофея сидѣлъ за урокомъ. Ну и сижу я. Священную исторію, я знаю, что слово въ слово ни за что не выучу; ариѳметическую задачу и пытаться рѣшать нечего; въ третьемъ склоненіи, я ужъ навѣрно собьюсь и просклоняю iteriteris, а не itineris... Шутка скверная, но „грозенъ сонъ да милостивъ Богъ!"—пробѣжаться въ кухню для прохлады и воздуха... Тамъ ужъ Василій собирается вѣроятно лошадь закладывать, за

отцомъ въ присутствіе ѣхать, и покамѣстъ подкрѣпляетъ свои жизненныя силы, отъ него всегда услышишь что-либо новое и обогатишь свои познанія въ печатной рѣчи, а тутъ пожалуй въ сѣняхъ, горничная хозяевъ всунетъ въ руку записочку Сергѣю Иванычу отъ старшей хозяйской дочери, а пожалуй и сама Софья Ивановна урвалась отъ строгой матери и мимолетомъ шепчетъ: „скажите, Аполлоночка, что я въ пять часовъ на галлерею на минуту выду..." Но бывали времена послѣ нѣсколькихъ сряду повторявшихся жалобъ Сергѣя Иваныча на лѣность, что мать и прохладиться сбѣгать не позволяетъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы я сидѣлъ у окна съ книжкой. Тогда я все-таки не урокъ учу, а мечтаю; цѣлые романы создаются въ моемъ воображеніи до того живо, хоть и нескладно, что я умляюсь и плачу надъ создаваемыми мною плѣнными или преслѣдуемыми красавицами и героическими рыцарями. Мечты свои я держу въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ Сергѣя Иваныча, держу въ тайнѣ, потому что мнѣ самому совѣстно и стыдно, а совѣстно и стыдно, потому что я самъ являюсь тутъ героемъ, и вѣдь сознаю, что въ мои лѣта еще неприлично такъ мечтать. Хитрость, орудіе раба, рано во мнѣ развивается, и я показываю всегда видъ, что ничего неприличнаго не понимаю. Да и точно, не понимаю я вполнѣ, но что-то странное смутно предугадываю и хоть мнѣ еще семь-восемь лѣтъ, что-то странное смутно чувствую подлѣ женщинъ... На бѣду еще, въ этотъ годъ гостила у насъ недѣлю дочь сосѣдки отца по деревнѣ. Ее отпустили къ намъ изъ пансіона, и она была уже дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прехорошенькая брюнетка, востроя и живая: недѣля жизни съ нею, недѣля, въ которую и мнѣ дали полнѣйшій отдыхъ отъ ученья, догадавшись, можетъ-быть, что я одурѣлъ отъ него, недѣля эта промелькнула какъ сонъ, но чѣмъ-то теплымъ и даже сладкимъ отзывается память о ней, объ этой недѣлѣ, объ играхъ въ горѣлки рука съ рукою съ Катенькой, объ играхъ въ гулючки, когда мы съ Катенькой прятались въ одномъ мѣстѣ, и прижимаясь другъ къ другу, таили дыханіе, чтобъ насъ не было слышно; объ осеннихъ сумеркахъ вдвоемъ на одномъ креслѣ съ нею, когда что-то колючими и сладкими искрами бѣгало по моему составу... И разумѣется, въ создаваемыхъ дѣтскимъ воображеніемъ романахъ плѣнная красавица Катенька, и рыцарь—я. Но повторяю: никто этого не знаетъ.. Если я теперь могу въ этомъ признаться — то вѣдь, право, я—

какъ и всѣ, вѣроятно — обязанъ этимъ Толстому, обязанъ новой эпохѣ.

Въ нашей эпохѣ не было искренности передъ собою; немногіе изъ насъ добились отъ себя успѣннымъ трудомъ искренности, но Боже! какъ болѣзненно она намъ досталась. Даже въ Толстомъ, который одной ногою все-таки стоитъ въ бывалой нашей эпохѣ, очевидны слѣды болѣзненнаго процесса.

Но возвращаюсь къ моему дню того времени. Изъ университета Сергѣй Иванычъ приходилъ то раньше, то позже, смотря по количеству лекцій. Рѣдко ходилъ онъ туда въ вицмундирѣ, товарищей же его, такихъ же какъ онъ студентовъ, я никогда и не видывалъ въ вицмундирахъ; мундировъ же ни у него, ни у нихъ и въ заводѣ, кажется, не было... Если онъ приходилъ рано, часу въ первомъ, прослушаніе уроковъ совершалось до обѣда, т.-е. до пріѣзда отца изъ присутствія; если поздно, то вечеромъ часовъ въ шесть, послѣ чаю. Вообще же положенныхъ часовъ на классъ у насъ не было, да и самаго слова „классъ“ не употреблялось, и если я ненавижу классный порядокъ и классную дисциплину, какъ и дѣтскія книги, то это опять-таки безкорыстно, по своей фрондерской натурѣ. Если у меня было какое-либо порученіе отъ Софьи Ивановны, то я являлся, не зная никогда урока, съ смиренномудрымъ и вмѣстѣ наглымъ видомъ; если нѣтъ—корчилъ плачевную физіономію и плачевно подавалъ сумбуръ цифръ вмѣсто ариѳметической задачи, нахально вралъ iter-iteris, и неисправимо смѣшивалъ Іероваамовъ съ Роваамами, Ахаавовъ съ Іосафатами. Не знаю почему, Сергѣй Иванычъ постоянно всѣмъ и всегда говорилъ, что у меня блестящія способности и отличное сердце: уроковъ я не зналъ положительно никогда, а прекрасное сердце мое выражалось только въ упорномъ нахальствѣ вранья и въ обильныхъ токахъ дешевыхъ слезъ... Дѣло, кажется, въ томъ, что Сергѣй Иванычъ, хоть и одинъ изъ честнѣйшихъ и простодушнѣйшихъ юношей той эпохи, учитъ вовсе не умѣлъ, или нѣтъ, не то что не умѣлъ,—можетъ быть, и умѣлъ бы, еслибы отрекся отъ методъ, по которымъ самъ учился... Но на эти методы онъ не смѣлъ посягнуть. Какъ его учили, такъ онъ и меня училъ: ему задавали „отъ сихъ до сихъ“ и онъ задавалъ; ему вдолбили Лебедевскую граматику со всѣми задачами, онъ и мнѣ ее вдалбливалъ — но увы! онъ не догадывался, что я давно открылъ источники разныхъ задаваемыхъ имъ латинскихъ темъ въ „гнус-

ной книжкѣ": De officiis, хотя задавая задачи онъ отходилъ съ нею въ уголокъ, а уходя въ университетъ запиралъ ее въ одинъ изъ ящиковъ кровати, къ которому давно подобралъ я ключъ и который впослѣдствіи просвѣтилъ меня на счетъ многихъ таинствъ природы, когда въ немъ завелись нѣкоторыя красками иллюминованныя изображенія... а все-таки, какъ бы то ни было, а Лебедевская грамматика вдолбилась такъ, что въ латинскихъ разговорахъ Сергѣя Иваныча съ товарищами мало было для меня непонятнаго, и разумѣется, въ особенности понятно было то, чего понимать мнѣ не слѣдовало. Розанова лексиконъ былъ лексиконъ не церемонный.

Наконецъ, отецъ возвращался изъ присутствія часамъ къ двумъ, коли не было какихъ-либо срочныхъ дѣлъ или ревизіи. Начиналось священнодѣйствіе, называемое обѣдомъ...

Да! у насъ именно это было священнодѣйствіе, къ которому приготовлялись еще съ утра, заботливо заказывая и истощая всю умственную дѣятельность въ изобрѣтеніи различныхъ блюдъ. Не здѣсь еще мѣсто говорить о томъ безобразіи, до котораго доходило въ нашемъ быту служеніе мамону... Оно дошло до крайнихъ предѣловъ своихъ въ другую эпоху, эпоху моего отрочества и ранней юности...

Кончался обѣдъ, и опять послѣ маленькаго промежутка начиналось наше ученіе, длившееся болѣе или менѣе, не по степени моихъ успѣховъ, а по степени вины, такъ что оно всегда являлось въ видѣ наказанія. Странная система, конечно, но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось не по системѣ, а *такъ*.

Вечеръ, то-есть обычный вечеръ, повседневный вечеръ, препровождаемъ былъ мною на коврѣ въ залѣ, гдѣ, окруженный дворовыми, и пресыщенный своими игрушками, я находилъ, разумѣется, болѣе интереса въ живыхъ людяхъ, меня окружавшихъ, въ ихъ радостяхъ и печаляхъ... въ играхъ съ ними въ карты, особенно въ такъ-называемые *короли*, а втихомолку и по *носкамъ*, при чемъ я обижался, если мой барскій носъ щадили, когда онъ провинился,— въ играхъ въ жмурки, рулючки и проч. Но нерѣдко все это мнѣ наскучивало: какая-то странная, болѣзненная тоска томила меня...

Въ девять часовъ люди обыкновенно уходили ужинать, и ужинали обыкновенно долѣе часу; все это время я сидѣлъ въ столовой, гдѣ уже происходило чтеніе разныхъ романовъ Анны Рат-

клифъ или г-жи Коттенъ. Въ десять меня укладывали, но чтеніе продолжалось въ сосѣдней комнатѣ, и я никогда не засыпалъ до конца его, то-есть до часу или до двухъ ночи.

То былъ особый міръ, особая жизнь, непохожая на эту дѣйствительность, жизнь мечты и воображенія, странная жизнь, но своему могущественному вліянію столь же дѣйствительная, какъ сама такъ-называемая дѣйствительность.

III.

ТОВАРИЩИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ.

Да! я помню, живо помню тебя, маленькая, низкая проходная комната моего наставника, съ окномъ выходившимъ на „галдарейку", надъ которой была еще другая „галдарейка", галдарейка мезонина и мезонинныхъ барышень, хозяйкиныхъ дочерей,—комната съ полинявшими до крайней степени, безцвѣтными обоями, съ кожаной софою, изъѣденной безчисленными клопами, и съ портретомъ какой-то „таинственной монахини" въ старой рамкѣ съ вылинявшею позолотою, надъ этой допотопной софою... Подъ вечеръ Сергѣй Ивановичъ, пока еще не зажигали свѣчей, въ часъ „между волка и собаки" [1]) ложился на нее—и я тоже подлѣ него. Онъ обыкновенно запускалъ свою очень нѣжную и маленькую руку въ мои волосы, игралъ ими и разсказывалъ мнѣ древнюю исторію или фантазировалъ на темы большею частію очень странныя.—До неестественности впечатлительный, онъ не безплодно слушалъ отцовское (т.-е. моего отца) чтеніе романовъ Радклифъ или Дюкре-Дюмениля: ему самому все хотѣлось стать героемъ какой нибудь таинственной исторіи—и почему-то къ этой таинственной или просто нескладно-дикой исторіи онъ припутывалъ и меня.

Но о немъ и его страшныхъ бесѣдахъ со мною—послѣ.

Комнатка подъ вечеръ становилась почти каждый день мѣстомъ сходки студентовъ, товарищей моего учителя. Его какъ-то любили, хоть онъ и не блисталъ особенной талантливостью, и къ нему ходили, потому что онъ самъ рѣдко выходилъ изъ дому. Онъ вообще долгое время былъ поведенія примѣрнаго.

Онъ былъ, какъ я уже сказалъ, очень молодъ и, главное, мягокъ какъ воскъ. Кромѣ того, отецъ его и его родные отдали

[1]) Въ сумерки—entre chien et loup. . . . . *Примѣч. В. С.*

его въ семейный домъ, извѣстный столько же строгостью нравовъ, сколько радушіемъ и хлѣбосольствомъ, отдали такъ сказать „подъ начало" къ человѣку, который въ своемъ кругѣ считался въ нѣкоторомъ родѣ свѣтиломъ по уму и образованію, и даже по-французски говорилъ нерѣдко съ совѣтниками губернскаго правленія или съ самими вице-губернаторами, производившими каждый годъ такъ называемую „ревизію" въ весьма низменномъ и невзрачномъ тогда мѣстѣ, пазывавшемся Московскимъ магистратомъ.

Мой отецъ, дѣйствительно, имѣлъ на своихъ товарищей и уже тѣмъ болѣе на молоденькаго семинариста то, что пазывалъ онъ, „асандапъ"... Да и любилъ же онъ, покойникъ, и употреблять (нерѣдко злоупотреблять) и показывать этотъ „асандапъ"... Умный и добрый по природѣ, онъ основывалъ свой, этотъ милый сердцу его „асандапъ" не на умѣ и добротѣ, а на плохомъ французскомъ языкѣ да на лоскутьяхъ весьма поверхностнаго образованія, вынесеннаго имъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона... Кромѣ того крѣпко засѣла въ его натуру, да и въ натуру всѣхъ членовъ нашего семейства, честь дворянскаго сословія, можетъ быть, именно потому крѣпко засѣла, что происхожденіе ея, этой сословной чести, не терялось въ неизвѣстности, какъ источники Нила—а просто-напросто сказывалось родствомъ изъ духовенства по мужеской линіи да вольноотпущенничества по женской.

И странное это дѣло! Ну, добро бы отецъ, не смотря на свой умъ, все-таки человѣкъ весьма прозаическій, былъ зараженъ этою сословною честью! Старшая тетка, экзальтированная до пониманія многихъ возвышенныхъ вещей, съ увлеченіемъ читавшая Пушкина и съ жаромъ повторявшая „исповѣдь Наливайки" [1]), и та скрывала отъ себя источники Нила, а дядя—впечатлительный головою до всякаго вольнодумства—терпѣть не могъ этихъ источниковъ. И вѣдь вотъ увѣренъ, что если эти страницы и теперь попадутся моей старшей теткѣ, которая и сама, можетъ быть, не подозрѣваетъ, какъ много она имѣла вліянія на мое отроческое развитіе своей, по формамъ странной, но страстной и благородной экзальтаціей,— я увѣренъ, говорю я, что моя плебейская искренность и теперь даже сдѣлаетъ на нее очень непріятное впечатлѣніе.

Всю эту рѣчь велъ я къ тому, чтобы объяснить свойство того „асандапа", который имѣлъ мой отецъ на моего наставника и

[1]) Извѣстный отрывокъ изъ незаконченной поэмы Рылѣева.

Примѣч. В. С.

которымъ обусловливалось многое, почти что все въ обстановкѣ жизненной этого послѣдняго,—обусловливалось уже всекопечно и его товарищество. Живя въ семейномъ домѣ и притомъ почти какъ членъ семьи, откармливаемый на славу и хотя вознаграждаемый денежно весьма скудно, но не имѣвшій возможности найти себѣ что-либо повыгоднѣе, — онъ, конечно, долженъ былъ, хотя-нехотя, сообразоваться со вкусами и привычками дома.

Кто ходилъ къ нему, тотъ большею частію становился общедомашнимъ знакомымъ, стало быть такъ или иначе приходился „ко двору", а кто ко двору не приходился, тотъ, навѣрно, всегда можно было сказать, ходилъ не долго.

А между тѣмъ университетъ, къ которому принадлежалъ мой юный наставникъ, былъ университетомъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ и притомъ университетъ Московскій — университетъ, весь полный трагическихъ вѣяній недавней катастрофы и страшно отзывчивый на все тревожное и головокружительное, что носилось въ воздухѣ подъ общими именами Шеллингизма въ мысли и романтизма въ литературѣ, университетъ погибавшаго Полежаева и другихъ.

Я бы могъ по источникамъ той эпохи, довольно близко мнѣ знакомымъ, наговорить много объ этомъ тревожномъ университетскомъ поколѣніи, но я поставилъ себѣ задачею быть историкомъ только тѣхъ вѣяній, которыя самъ я перечувствовалъ, передать цвѣтъ и запахъ ихъ, этихъ вѣяній, такъ, какъ я самъ лично припоминаю, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они на меня дѣйствовали.

Ясное дѣло, что ни съ Полежаевымъ, ни съ кругомъ подобныхъ этой волканической личности людей мой Сергѣй Ивановичъ не былъ и не могъ быть знакомъ, какъ по своей мягкой и ослабленной натурѣ, такъ и по своей обстановкѣ, по свойству того „асандана", которому онъ подчинился.

Ему это, впрочемъ, и тяжело-то особенно не было. „Романтизмъ" коснулся его натуры только комическими сторонами, т.-е. больше на счетъ чувствій, да развѣ изрѣдка на счетъ пьянства, но ни стоять по вечерамъ на тротуарныхъ столбикахъ передъ окнами низенькихъ домовъ Замоскворѣчья, ни даже изрѣдка предаваться пьянству „асанданъ" не воспрещалъ ему нисколько. Похожденія его „асанданомъ" даже поощрялись, потому что служили не малою потѣхою въ однообразной домашней жизни. А пьянство—какъ

извѣстно всѣмъ, „даже не учившимся въ семинаріи"—и порокомъ-то вообще не считается въ обычномъ земскомъ быту...

Буйства, буйства въ различныхъ его проявленіяхъ, неуваженія къ существующему боялся мой отецъ... Вотъ чего!.. Запуганный сызмальства кряжовымъ деспотизмомъ кряжоваго человѣка, каковъ былъ мой дѣдъ, хоть не физически, но морально забитый до того, что изъ Благороднаго пансіона никакихъ впечатлѣній не вынесъ онъ, кромѣ стихотворенія:

Танцовальщикъ танцовалъ,
А сундукъ въ углу стоялъ...

никакихъ воспоминаній, кромѣ строгости инспектора, барона Девильдье—разошедшійся почти тотчасъ же по выходѣ изъ заведенія съ товарищами, изъ которыхъ многіе стали жертвою катастрофы и ошеломленный этою катастрофою до ея положительнаго непониманія,—онъ, если не былъ убѣжденъ въ томъ, что

Ученость—вотъ чума, ученье—вотъ причина! .

то за то вполнѣ чувствовалъ глубокій смыслъ пословицы, что „ласково телятко двѣ матки сосетъ"—и какъ разсудочно-умный человѣкъ инстинктивно глубоко разумѣлъ смыслъ нашей общественной жизни, гдѣ люди дѣлились тогда очень ярко на двѣ категоріи: на „людей большихъ" и „людей маленькихъ"... Ну, большому кораблю большое и плаваніе—а маленькіе люди всячески должны остерегаться буйства.

Буйные люди, стало быть, не ходили къ моему наставнику, а ходили все люди смирные: только нѣкоторые изъ нихъ въ пьяномъ образѣ доходили до сношеній болѣе или менѣе близкихъ съ городскою полиціею, да и такіе были, впрочемъ, у отца на дурномъ замѣчаніи, и болѣе или менѣе скоро выпроваживались то тонкою политикою, то—увы! въ случаѣ внезапныхъ приливовъ самодурства—и болѣе крутыми мѣрами, отъ строгихъ увѣщаній Сергѣю Ивановичу до звѣрообразныхъ взрывовъ, свойственныхъ вообще нашей, весьма взбалмошной, хоть и отходливой сердцемъ породѣ.

Но смирнымъ, „нѣжнымъ" сердцамъ отецъ нисколько не мѣшалъ. Напротивъ, самъ бывало придетъ, балагуритъ съ ними, неистощимо и интересно разсказываетъ преданія временъ Екате-

рины, Павла, двѣнадцатаго года, сидитъ чуть не до полночи въ табачномъ дыму, отъ котораго бывало хоть „топоръ повѣсь“ въ воздухѣ маленькой комнатки,—а поймаетъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, своихъ любимцевъ, и въ парадныя комнаты позоветъ—и „торжественнымъ“ т.-е. не обычнымъ часомъ угощаетъ часовъ въ семь вечера...

Потому точно: люди все были подходящіе и уступчивостью и добрыми правилами отличались. Многіе даже пріятными талантами блистали—и гитара переходила изъ рукъ въ руки, и молодые здоровые голоса—съ особенною крылосною граціею и съ своего рода меланхоліею, конечно, болѣе, такъ сказать, для шику на себя напущенною, воспѣвали—или:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ...

или—„Прощаюсь ангелъ мой съ тобою“, или—съ особенною чувствительностію:

Не дивитесь друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался...

на извѣстный глубоко задушевный народно-хохлацкій мотивъ, на который доселѣ еще поется эта нѣжня Рапча во всякой стародавней „семинаріи“ (семинаріи), и—„Кончить, кончить дальній путь“ во всякой лакейской, если лакейскія еще не совсѣмъ исчезли съ лица земли... Отецъ мой—и это, право, было очень хорошее въ немъ свойство, какъ вообще много хорошихъ свойствъ выступитъ въ немъ въ теченіе моего правдиваго разсказа—любилъ больше заливныя народныя нѣсни, но съ удовольствіемъ слушалъ и эти, тогда весьма ходившіе въ оборотѣ, романсы. Мать моя также въ свои хорошія минуты до страсти любила музыку и нѣніе.

Все это было прекрасно, и хорошая нравственность молодыхъ людей, и кротость ихъ, и ихъ нѣсни, и ихъ невинныя, приличныя возрасту ихъ амурныя похожденія, которыя отецъ, начинавшій уже жить въ этомъ отношеніи только воспоминаніями, выслушивалъ съ большимъ любопытствомъ, приговаривая иногда свѣтское присловіе: „знай нашихъ Комышинскихъ“, и которыя я, притаившись во тьмѣ какого-нибудь уголка, подслушивалъ съ страшной

тревогой... Все это было прекрасно, повторяю—и отецъ, сберегая Сергѣя Ивановича отъ людей буйныхъ и удовлетворяя собственному вкусу къ мирнымъ нравамъ, имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ виду и во мнѣ развить добрую нравственность, послушаніе старшимъ, необходимую житейскую уступчивость и другія добродѣтели...

Но есть въ безпредѣльной, вѣчно пронической и всевластной силѣ, называемой жизнію, нѣчто такое, что постоянно, злокозненно рушитъ всякія мирныя Аркадіи: есть неотразимо увлекающіе, головокружащіе вихри, которые, вздымая волны на широкихъ моряхъ, подымаютъ ихъ въ то же время на рѣкахъ, рѣчкахъ, рѣчонкахъ и даже ручейкахъ—не оставляютъ въ покоѣ даже болотной тины,—вихри мысли, вбудораживающіе самую сонную тишь, вихри поэзіи, какъ водопадъ уносящіе все за собою... Вихри мірового историческаго движенія, наконецъ, оставляющіе за собою грозные памятники ломки или величавые слѣды славы.

Вотъ вѣдь во всемъ этомъ кружкѣ товарищей моего Сергѣя Ивановича были только собственно двѣ личности, которыя въ серьезъ принимали жизнь и ея требованія. Одна изъ этихъ личностей, глубоко честная, глубоко смиренная личность, которой впослѣдствіи я былъ обязанъ всѣми положительными свѣдѣніями—пошла нести крестъ служенія наукѣ съ упорствомъ любви, съ простотою вѣры. Другая, сколько я ее помню, тѣмъ отнеслась серьезно къ требованіямъ жизни, что наивно, искренно и беззавѣтно прожигала жизнь до буйства и безобразія, до азарта и цинизма... Всѣ другіе осуждены были явнымъ образомъ на то, чтобы прокиснуть, медленно сливаясь или медленно погружаясь, въ тину всяческихъ благонравій.

По какимъ образомъ и этотъ кружокъ посредственностей задѣвали жизненные вихри, какимъ образомъ вѣянія эпохи не только что касались ихъ, но нерѣдко и уносили за собою, конечно, только умственно? Вѣдь дѣло въ томъ, что если оживлялась бесѣда, то не о выгодныхъ мѣстахъ и будущихъ карьерахъ говорилось... Говорилось, и говорилось съ азартомъ о самоучкѣ Полевомъ и его „Телеграфѣ“ съ романтическими стремленіями: каждая новая строка Пушкина жадно ловилась въ безчисленныхъ альманахахъ той наивной эпохи: съ какой-то лихорадочностью произносилось имя „лордъ Байронъ“... изъ устъ въ уста переходили дикія и порывистыя стихотворенія Полежаева... Когда произносилось это имя и очень рѣдко, конечно нѣсколько другихъ еще

болѣе отверженныхъ именъ, какой-то ужасъ овладѣвалъ кругомъ молодыхъ людей и вмѣстѣ что-то страшно соблазняющее, неодолимо влекущее было въ этомъ ужасѣ, а если въ торжественные дни именинъ, рожденій и иныхъ разрѣшеній „вина и елея“ компанія доходила до нѣкотораго искусственно приподнятаго настроенія... то неопредѣленное чувство суевѣрнаго и вмѣстѣ обаятельнаго страха, смѣнялось какою-то отчаянною наивною симпатіею и къ тѣмъ рѣчамъ, которыхъ

значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно,

и къ тѣмъ людямъ, которые или „жгли жизнь“ безсмѣтно, или дерзостно ставили ее на карту... Слышались какія-то страшныя, какія-то какъ будто и не свои рѣчи изъ устъ этихъ благонравныхъ молодыхъ людей...

Какимъ образомъ даже въ трезвыя минуты передавали они другъ другу разсказы объ ихъ, страшныхъ имъ товарищахъ, отдававшихъ голову и сердце до нравственнаго запоя Шеллингизму, или всю жизнь свою бѣснованію страстей! Вѣдь всѣ они, благонравные молодые люди, знали очень хорошо, что отдача себя въ полное обладаніе силѣ такого мышленія ни къ чему хорошему повести не можетъ. Нѣкоторые пытались даже нѣсколько юмористически отнестись къ философскому или жизненному бѣснованію— что, дескать, „умъ за разумъ у людей заходитъ“— и все-таки поддавались лихорадочно обаянію.

Не „Вѣстникъ Европы“, а „Телеграфъ“ съ его неясными, но живыми стремленіями, жадно разрѣзывала эта молодежь... не профессоровъ стараго закала слушала со вниманіемъ, а фанатически увлекалась, увлекалась до „аутосъ эфе“ [1]) широтою литературныхъ взглядовъ Надеждина (тогда еще высказываемыхъ имъ только на лекціяхъ), фантастическимъ, но много сулившимъ міропостроеніемъ Павлова [2]), въ его физикѣ и, такъ какъ эта молодежь, почти что вся, за исключеніемъ одного, будущаго труженика исторіи, была

---

[1]) Греч. αὐτὸς ἔφη— „самъ изрекъ“, какъ ссылка на непреложный авторитетъ наставника у преданныхъ учениковъ и послѣдователей.

[2]) О роли Павлова, какъ перваго проводника натуръ-философіи Шеллинга въ Московскомъ университетѣ, см. „Былое и Думы“ Герцена, гл. 25-я.

Примѣч. В. С.

молодежь медицинская, увлекалась пѣніемъ своей сирены, Дядьковскаго... Это имя всякій день звучало у меня въ ушахъ; оно было окружено раболѣпнѣйшимъ уваженіемъ, и оно же было именемъ борьбы живой науки съ старою рутиной... Не могу я, конечно, какъ не спеціалистъ, хорошо знать заслуги Дядьковскаго, но знаю то только, что далеко за обычный звонокъ простирались его бесѣды и что эти люди всѣ безъ исключенія заслушивались его „властнаго" слова, какъ впослѣдствіи мы, люди послѣдующаго поколѣнія, тоже далеко за урочный звонокъ жадно приковывались глазами и слухомъ къ каѳедрѣ, съ которой—немножко съ рѣзкими эфектами, немножко, пожалуй, съ шарлатанизмомъ звучало намъ слово, наслѣдованное отъ великаго берлинскаго учителя...

Какимъ образомъ, повторяю еще, людей, которыхъ ждала въ будущемъ типа мѣщанства или много-много что участь быть постоянными „пивогрызами", тогда всевластно увлекали вѣянія философіи и поэзіи, новыя, дерзкія стремленія науки, которая гордо строила цѣлый міръ однимъ трансцендентальнымъ мышленіемъ изъ одного всеохватывающаго принципа.

Соблазнъ, страшный соблазнъ носился въ воздухѣ, звучавшемъ страстно сладкими строфами Пушкина. Соблазнъ рвался въ нашу жизнь вихрями юной французской словесности... Поколѣніе выросшее не искало точки покоя или опоры, а только соблазнялось тревожными ощущеніями. Поколѣніе подроставшее, надышавшись отравленнымъ этими ощущеніями воздухомъ, жадно хотѣло жизни, страстей, борьбы и страданій.

IV.

НѢЧТО ВЕСЬМА СКАНДАЛЬНОЕ О ВѢЯНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Если перенестись мысленно за какихъ-нибудь тридцать съ небольшимъ лѣтъ назадъ, то даже человѣку, который самъ прожилъ эти тридцать лѣтъ, станетъ вдругъ какъ-то странно, точно онъ заѣхалъ въ сторону, гдѣ давнымъ давно уже не бывалъ и гдѣ все, однако, застыло въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было оно имъ оставлено, — такъ что, присматриваясь къ предметамъ, онъ постепенно съ большею и большею ясностію воспроизводитъ свои бывалыя впечатлѣнія отъ предметовъ, постепенно припоминаетъ ихъ вкусъ, цвѣтъ и запахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствуетъ

очень хорошо, что эта уже отшедшая жизнь поднимается передъ нимъ какимъ-то фантастически-дѣйствительнымъ маревомъ.

Но еще страннѣе должно быть отношеніе къ этой отжившей полосѣ жизни человѣка иного, позднѣйшаго поколѣнія, когда онъ видитъ передъ собою только мертвые, печатные памятники ея, да и то, конечно, далеко не всѣ... да, можетъ быть, и не тѣ даже, въ которыхъ та отжившая пора сказалась безоглядочно и непосредственно, вышла передъ почтеннѣйшую публику не во фракѣ и перчаткахъ, а по-домашнему, какъ встала, правой или лѣвой ногой, съ постели.

Еще не далѣе какъ вчера вечеромъ, о мой милый Горацio Косица [1]), бесѣдуя съ тобою послѣ концерта, гдѣ слышали мы 2-ю симфонію стараго мастера, который, творя ее, еще не оглохъ для современной и предшествовавшей ему *столовой камерной* музыки, но уже горестями посѣялъ въ нее и свои глубокія думы, и свои пантеистическія созерцанія жизни, пытаясь разъяснить смыслъ этихъ очевидныхъ „схватокъ“ чего-то глубоко серьезнаго и тяжелаго, звучащихъ неожиданными взвизгиваніями скрипокъ и віолончелей въ allegro patetico, доискиваясь или лучше дорываясь значенія замедленныхъ тактовъ въ финалѣ, тактовъ явно заклейменныхъ какою-то мрачною и важною думою, тактовъ снова, хоть не такъ уже опредѣленно-рѣзко, возникающихъ въ послѣдующемъ развитіи музыкальной ткани:—еще вчера, говорю я, мы договорились съ тобою опять до тѣхъ вѣяній, которыя такъ смѣшны нашимъ современнымъ мыслителямъ.

Смѣшны-то они имъ смѣшны, въ этомъ спору нѣтъ ни малѣйшаго, равно какъ нѣтъ спору и о томъ, что умственная жевачина, которой кормятъ они своихъ адептовъ несравненно доступнѣе, чѣмъ наши трансцендентальныя бреши, но тѣмъ не менѣе (я вѣдь совершенно согласенъ съ началами, выражающимися въ твоемъ послѣднемъ письмѣ) если трансцендентальныя мысли возникаютъ въ мозгу „выродившихся обезьянъ“, которыхъ невѣжды, не читавшіе Молешота и иныхъ мудрыхъ, обычно зовутъ людьми, то нельзя не послать ихъ къ „тѣмъ особамъ“, съ которыми познакомилъ Фауста ключъ Мефистофеля, а если нельзя, то мы съ тобою имѣемъ полное право дожить свой вѣкъ трансцендента-

[1]) И. И. Страховъ, писавшій иногда подъ псевдонимомъ *Косицы*.
Примѣч. В. С.

листами. Да и то правду сказать, если бы мы съ тобою, устыдясь въ нѣкоторомъ родѣ своей несостоятельности передъ великими современными мыслителями, сказали который нибудь одинъ другому, какъ Фамусовъ Чацкому:

Ты завиральныя идеи эти брось,

то, вѣроятно, мгновенно расхохотались бы, какъ римскіе авгуры. Потому трансцендентализмъ—съ своемъ родѣ „зарубка Любима Торцова“: попадешь на „эту зарубку—не скоро соскочишь“.

Да и совсѣмъ даже не соскочишь. Есть у меня пріятель, котораго и ты знаешь, человѣкъ поколѣнія, такъ сказать средняго между трансцендентализмами и нигилизмами, совершенно удовлетворявшійся отрывочными психологическими кушшиками Бенеке [1], которые столь мало насъ съ тобою интересуютъ. Онъ повѣдалъ какъ-то разъ въ некрепней бесѣдѣ одинъ свой собственный психологическій опытъ, весьма любопытный и даже назидательный. Онъ принимался читать „систему трансцендентальнаго идеализма“, Шеллинга, съ рѣшимостью „проштудировать“ его основательно для доставленія себѣ опредѣленныхъ понятій объ этомъ, хотя и отжившемъ но все-таки важномъ въ исторіи мышленія философскомъ ученіи. Ну, какъ тебѣ извѣстно, отжившее ученіе сразу опарашиваетъ человѣка по лбу извѣстнаго рода распутіемъ, потребностью—вывести или все мірозданіе изъ законовъ сознающаго *я* или сознающее *я* изъ общихъ законовъ мірозданія. Конечно, это въ сущности все равно, почему и является философія тождества, но распутіе на первый разъ огорошиваетъ какъ та стѣна, на которую жалуется, напримѣръ, послѣдній герой нашего друга Оедора Достоевскаго... Усердно штудировалъ и пристально читалъ мой пріятель, съ тѣмъ же усердіемъ и пристальностью, съ какими одолѣвалъ онъ „психологическія скицы“ и другія умственныя мастурбаціи Бенеке. Началъ онъ ужъ переваривать и тотъ процессъ въ которомъ изъ нашего непосредственнаго, такъ сказать, объективнаго, еще слитаго съ предметомъ познанія, *я*, выдѣляется *я* сознающее, въ которомъ изъ этого сознающаго внѣшній предметъ

[1] Нѣмецкій философъ, противникъ Гегеля, разрабатывавшій преимущественно вопросы эмпирической психологіи и по своему направленію примыкавшій къ Гербарту. Упоминаемые дальше „психологическія скицы“ — одинъ изъ главныхъ его трудовъ: „Psychologische Skizzen“, вышедшій въ свѣтъ въ 1825—27 гг. *Примѣч. В. С.*

я выдѣляется еще *я*, которое уже подымается вверхъ надъ сознающимъ внѣшніе предметы *я*—и въ нѣкоторомъ родѣ судитъ это самое, сознающее внѣшніе предметы *я*, въ которомъ наконецъ... Но тутъ мой крайне осторожный, разсудительный и весьма непренебрегающій жизненнымъ комфортомъ пріятель схватился въ пору, догадался, что соприкоснулся сферѣ, въ которой начинается поворотъ головою внизъ, что изъ этого судящаго *я*, производящаго судъ и расправу, по какимъ либо признаннымъ правиламъ выдѣлится еще, пожалуй, послѣ многихъ выдѣленій, уже такое *я*,которое никакихъ правилъ, кромѣ тождества съ міровою жизнію, знать не захочетъ, *я* трансцендентальное, весьма опасное и безнравственное.

И благоразумный пріятель мой закрылъ зловредную книгу и такимъ образомъ сохранилъ для отечества полезнаго члена, хорошаго отца семейства, изрѣдка только, въ видахъ необходимаго жизненнаго разнообразія, дозволяющаго себѣ нѣкоторые загулы, наконецъ, дѣятеля въ литературной области, который, какъ „дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый“, можетъ

Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,

не увлекаясь и не впадая въ промахи въ своихъ сужденіяхъ,— чѣмъ всѣмъ мы никогда не будемъ съ тобою, о мой Горацію!

Въ самомъ дѣлѣ, что это за страстность такая развита въ насъ съ тобою, что за неправильная жила бьется въ насъ, людяхъ „трансцендентальной“ закваски, что намъ ужасно скучно читать весьма ясную и методомъ естественныхъ наукъ идущую Бенеке и не скучно ломать голову надъ Феноменологіей Духа. Да не то, что скучно Бенеке читать, а просто невѣроятныхъ усилій стоило; если не тебѣ, писавшему магистерскую диссертацію о какихъ-то никому кромѣ микроскопа невѣдомыхъ костяхъ инфузоріи или о чемъ-то столь же неподобномъ,—я вѣдь наглый гуманистъ и самъ знаю, что ужасныя невѣжества лупцую: если не тебѣ, говорю я, то мнѣ невѣроятныхъ усилій стоило ловить за хвосты идеи Бенеке, напримѣръ,—да и тутъ оказывалось, что ловлей я занимаюсь совсѣмъ понапрасну, что, по мнѣнію моего Бенекіанца, совсѣмъ я не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, занимаюсь, что общаго хвоста, изъ котораго бы пошли, какъ изъ центра, эти маленькіе хвостики, какъ живыя змѣйки, я искать совсѣмъ не долженъ, потому, дескать, и зачѣмъ онъ?—всеохватывающіе, дескать, принципы оказались совсѣмъ несостоятельными.

Да позволено будетъ мнѣ въ этой совершенно скандальной и неприличной, эксцентрической главѣ—перескакивать, какъ я хочу, черезъ время и пространство, предупреждать первое и совершенно забывать о существованіи второго...

Вотъ мнѣ на память пришло то время, когда, внявъ совѣтамъ моего благоразумнаго друга, я со рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялся „штудировать“ психологическія сценцы. Не потому я принялся ихъ со рвеніемъ „штудировать“, чтобы особенно подѣйствовалъ на меня другъ мой своими бесѣдами. Другъ мой, точно, очень краснорѣчиво толковалъ о параллелизмѣ психическихъ и соматическихъ явленій, о заложеніяхъ и душевныхъ образованіяхъ [1]): другъ мой даже съ прекрасными и очень умными дамами велъ эти бесѣды—и, конечно, не безъ успѣха, хотя, къ сожалѣнію, сей успѣхъ былъ вовсе не научный,—ибо прекрасныя и умныя дамы, слушая его, смотрѣли болѣе на его тогда чрезвычайно яркіе голубые глаза и отъ логическаго краснорѣчія его дѣлали совсѣмъ нелогическую посылку къ другимъ, такъ сказать, болѣе низменнымъ свойствамъ его натуры, но дамы вообще ужъ всѣ таковы и отъ такихъ посылокъ едва ли избавитъ ихъ даже стрижка кось и разсужденія о женскомъ трудѣ... Меня-то не краснорѣчіе друга моего увлекало—и даже не самъ онъ, а—опять таки то „вѣяніе“, котораго онъ въ ту пору былъ однимъ изъ энергическихъ представителей.

Это было въ эпоху начала пятидесятыхъ годовъ, въ пору начала второй и самой настоящей моей молодости, въ пору возстановленія въ душѣ новой, или лучше сказать, обновленной вѣры въ грунтъ, почву, народъ, въ пору возсозданія въ умѣ и сердцѣ всего непосредственнаго, что только повидимому похерили въ нихъ рефлексія и наука, въ пору надеждъ, зеленыхъ, какъ цвѣтъ обертки нашего милаго „Москвитянина“ 1851 года... Я оживалъ душою... я вѣрилъ... я всѣми отправленіями рвался на встрѣчу къ тѣмъ великимъ откровеніямъ, которыя сверкали въ начинавшейся дѣятельности Островскаго, къ тѣмъ свѣжимъ ключамъ, которые были въ „Тюфякѣ“ и другихъ вещахъ Писемскаго, да въ ярко-талантливыхъ и симпатическихъ наброскахъ покойнаго П. Т. Кокорева [2]); — передо

[1]) Философскіе термины Бенеке.

[2]) Кокоревъ—сотрудникъ „Москвитянина“, писавшій талантливые разсказы и очерки изъ народной жизни; собраніе ихъ было издано уже послѣ смерти его, въ 1858 году, и вызвало одобрительный отзывъ Добролюбова.

Примѣч. В. С.

мной, какъ будто изъ-подъ спуда, возникалъ міръ преданій, отринутыхъ только логически рефлексіею; со мной заговорили вновь и заговорили внятно, ласково и старыя стѣны стараго Кремля, и безъискусственно-высоко-художественныя страницы старыхъ лѣтописей; меня, какъ что-то растительное, сталъ опять обвѣвать, какъ въ годы дѣтства, органическій міръ народной поэзіи. Одиночествомъ я перерождался,—я, жившій нѣсколько лѣтъ какою-то чужою жизнью, переживавшій *чьи*-то, но во всякомъ случаѣ не свои, страсти—начиналъ на днѣ собственной души доискиваться собственной самости.

Вѣяніе новой поры влекло меня съ неодолимою силою. Есть для меня что-то наивное до смѣшного и вмѣстѣ до трогательнаго въ той фанатической вѣрѣ, съ которой я рвался впередъ, какъ всѣ мы, все-таки рвался впередъ, хотя и думали мы — что возвращаемся назадъ... Такой вѣры больше ужъ не нажить, и хотя глупо жалѣть объ этомъ, а жаль, что не нажить! Хорошо было это все, какъ утренняя заря, какъ блестящая пыль на лепесткахъ цвѣтовъ...

Фанатикъ до сендства [1]), я готовъ былъ каяться, какъ въ грѣхѣ какомъ-нибудь, въ своемъ трансцендентальномъ процессѣ, отъ него, доставшагося душѣ не дешево, способенъ былъ отрицаться, какъ «отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его...» Но увы! двѣ вещи оказались скоро очень явными: первое дѣло, что разъ дойдя до того пункта, на которомъ, по соображенію моего пріятеля, натура поворачивается вверхъ-тормашкой, — остается повторять съ полетомъ:

Per me si va nell'eterno dolore,
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate! [2])

а второе дѣло, что психологическія мастурбаціи Бенеке столь же мало шли къ новому вѣянію жизни, какъ «къ коровѣ сѣдло...» Бенеке попалъ въ «кружокъ» совсѣмъ случайно, и если представители кружка, петербургскіе критики, стали скоро упрекать насъ въ «заложеніяхъ», то совсѣмъ не въ тѣхъ, какія разумѣются въ «психологическихъ скицахъ" и другихъ сочиненіяхъ ученаго психолога (философомъ-то назвать его какъ-то языкъ не поворачивается).

— —

[1]) Сендъ—типъ фанатически преданнаго ученика въ трагедіи Вольтера „Магометъ".

[2]) Извѣстная надпись надъ Дантовскимъ адомъ. *Примѣч. В. С.*

Но съ какимъ „въ нѣкоторомъ родѣ торжественнымъ видомъ", приступалъ ко мнѣ мой другъ, вручая мнѣ книгу „скиц." Во-первыхъ, онъ, какъ теперь помню, допрашивалъ меня: занимался ли я надъ собою и надъ другими—психологическими наблюденіями?.. Ну, жизни, хоть и гальванической, пережито было не мало: рыться въ собственной душѣ и въ душѣ другихъ двуногихъ безъ перьевъ, особенно женскаго пола, тоже случалось не мало, но не такого рода психологическую работу и психологическія наблюденія разумѣлъ мой пріятель: гальванически пережитую жизнь онъ называлъ весьма правильно нашескою и часто, какъ человѣкъ, къ счастію, мало „тронутый", относился къ ней юмористически, и мои психологическія наблюденія надъ прекрасною половиною двуногаго рода онъ, по добродѣтели своей, не переварпвая моихъ софистическихъ и собственно къ практическимъ цѣлямъ направленныхъ бесѣдъ съ женщинами, называлъ гусарскимъ къ нимъ отношеніемъ, возведеннымъ только въ перлъ созданія и тонкость чувствованій... Поэтому я долго не понималъ, какихъ онъ отъ меня изслѣдованій психологическихъ добивается. Во всякомъ случаѣ, я за Бенеке принялся съ ожесточеннымъ упоретвомъ и даже слѣпо подчинялся своему руководителю. Гербуха, т.-е. системы, онъ мнѣ въ руки не далъ, подозрѣвая во мнѣ не безъ основанія охоту къ ловлѣ абсолютнаго хвоста, а отчасти боясь, чтобы въ гербухѣ я не схватилъ скоро на лету, и стало-быть, поверхностно, разныхъ хвостиковъ.

Потому, хоть съ извѣстнаго пункта трансцендентализма и поворотилъ назадъ оглобли мой пріятель, но вѣдь онъ, какъ недюжинно умный человѣкъ, понялъ вполнѣ прямо-глубокую и вмѣстѣ глубоко-прямую мысль великаго учителя въ „Феноменологіи Духа", что въ дѣлѣ мысли важенъ только процессъ, и что результатъ есть только безжизненный трупъ, покинутый живой душой—тенденціей.

И сижу я это, бывало, тогда по цѣлымъ вечерамъ зимнимъ надъ „психологическими очерками" нѣмецкаго хера профессора, и мучу я свой бѣдный мозгъ не надъ тѣмъ, чтобы понять читаемое, ибо такъ-себѣ, безотносительно взятое, оно все, это читаемое-то, очень просто, но надъ тѣмъ, чтобы вниманіе пришковать къ этому читаемому... А за стѣной, вдругъ какъ на смѣхъ

Двѣ гитары зазвенѣли
Жалобно заныли...

и мятежная дрожь венгерки бѣжитъ по ихъ струнамъ, или шелестъ дѣвственно-легкихъ шаговъ раздается надъ потолкомъ, и образы встаютъ вслѣдъ за звуками и шелестомъ, и жадно начинаетъ душа просить жизни, жизни и все жизни... Такъ просидѣлъ я нѣсколько вечеровъ, да и возвратилъ другу книгу, съ наивнѣйшимъ сознаніемъ, что никакъ не могу я заставить себя ею заинтересоваться. Видитъ онъ, что ничего со мной, погибшимъ человѣкомъ, не подѣлаешь... кушилъ и подарилъ мнѣ лербухъ. Лербухъ я весьма скоро прочелъ, механику эту всю, значитъ, усвоилъ и пошелъ себѣ какъ слѣдуетъ разсуждать о новой системѣ достаточно ясно, хотя и поверхностно... Съ меня и будетъ! думалъ я, потому что абсолютный хвостъ въ ней ловить запрещается ея адептамъ. А чортъ ли мнѣ въ ней, коли я въ ней этого-то самаго хвоста и не словлю.

Отчего жъ это, бывало, въ пору ранней молодости и нетронутой свѣжести всѣхъ физическихъ силъ и стремленій, въ какое нибудь яркое и дразнящее и зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ—сидишь на Святой весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста... сидишь, и голова пылаетъ, и сердце бьется—не отъ вторгающихся въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связанныхъ цѣлостью, которые строитъ органическая мысль, или тяжело, мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса... О! эти муки и боли души—какъ онѣ были отвратительно сладки! О! эти безсонныя ночи, въ которыя съ рыданіемъ падалось на колѣни съ жаждою молиться и мгновенно же анализомъ подрывалась способность къ молитвѣ—ночи умственныхъ бѣсованій вплоть до разсвѣта и звона заутрень—о, какъ онѣ высоко подымали душевный строй!..

И приходитъ мнѣ еще въ память какъ въ концѣ 1856 года, мнѣ, лежавшему больнымъ на постели,—уже пережившему и вторую молодость, разбитому и морально и физически—одинъ изъ добрыхъ старыхъ могикановъ, знаменитый донъ Базиліо Педро [1]), прислалъ въ утѣшеніе только что вышедшій вступительный томъ

[1]) Василій Петровичъ Боткинъ. *Примѣч. В. С.*

въ „Философію миѳологіи" Шеллинга. Пріѣхать благородный донъ побоялся, потому что я былъ боленъ запоздавшей оспой, но книгу прислалъ съ запиской и въ запискѣ между прочимъ упоминалъ, что онъ уже нюхалъ и что хорошо какъ-то пахнетъ?.. И впился я больными, слабыми глазами въ таинственно и хорошо пахнущую книгу—и опять всего меня потащило за собою могучее вѣяніе мысли—и силою покойный отецъ, ходившій за мною какъ нянька, долженъ былъ отнимать у меня эту „лихую пагубу."

И въ саду итальянской виллы подлѣ Tomba tusca сидѣлъ я по цѣлымъ часамъ надъ этой „лихой пагубой" и ея послѣдующими томами—и опять голова пылала и сердце билось, какъ во дни студенчества—и ни запахъ розъ и лимоновъ, ни боязнь тарантуловъ, на счетъ мѣстожительства которыхъ въ Этрусской гробницѣ предварялъ меня весьма положительный англичанинъ Белль, гувернеръ моего ученика, князя Т.—ничто не могло развлечь меня.

Трансцендентальное вѣяніе, sub alia forma, вновь охватило и увлекло меня...

V.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Не „скандала ради", конечно, написалъ я предшествующую главу, хотя она по собственному моему сознанію и вышла крайне скандальна.

Мнѣ хотѣлось сколько нибудь наглядно „въ утѣшеніе современникамъ и назиданіе потомкамъ", изобразить въ общихъ чертахъ силу и вліяніе трансцендентализма на людей моего поколѣнія, чтобы нѣсколько пояснить его силу же и вліяніе на поколѣніе намъ предшествовавшее.

Мнѣ хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ сколь возможно искренне изложить свои вѣрованія въ отношеніе къ тому, что я привыкъ называть *вѣяніями жизни*, изложить прямо и смѣло, пожалуй, на потѣху и глумленіе нашихъ позитивистовъ или нигилистовъ...

Да! исторически живемъ не „мы, какъ индивидуумы, но живутъ вѣянія", которыхъ мы, индивидуумы, являемся болѣе или менѣе значительными представителями... Отсюда яркій до очевидности параллелизмъ событій въ различныхъ сферахъ міровой жизни,—странныя, таинственныя совпаденія созданія Донъ Кихота и

Гамлета, революціонныхъ стремленій и творчества Бетховена, и проч., и проч... Отсюда солидарность извѣстныхъ идей, міровая преемственная связь ихъ, и мало ли что отсюда такого, другъ Гораціо,

О чемъ не смѣетъ грезить ваша мудрость,

и что она отвергаетъ только потому, что не наловила достаточно хвостиковъ и по нимъ не добралась до общаго хвоста...

Сила въ томъ, что трансцендентализмъ былъ *силой*, былъ вѣяніемъ, уносившимъ за собою все, что только способно было мыслить во дни оны. Все то, что только способно было чувствовать, уносило другое вѣяніе, которое, за недостаткомъ другого слова, надобно назвать романтизмомъ. Въ сущности, то и другое—трансцендентализмъ и романтизмъ—были двѣ стороны одного и того же явленія. Объ этомъ, впрочемъ, разсуждалъ и писалъ я такъ много, что еслибы принялся разсуждать еще разъ, то неминуемо долженъ былъ бы впасть въ повтореніе.

Потому для того, чтобы уяснить моимъ читателямъ сущность романтическаго вѣянія, я избираю путь повѣствованія, вмѣсто пути разсужденія.

Перенесемтесь въ конецъ двадцатыхъ и въ начало тридцатыхъ годовъ. На сценѣ передъ нами, во-первыхъ, великая и вполнѣ уже почти очерченная физіономія перваго цѣльнаго выразителя нашей сущности, Пушкина. Онъ долрѣлъ уже до „Полтавы“, въ его портфелѣ уже лежитъ, какъ онъ (по преданіямъ) говорилъ, „сто тысячъ и безсмертіе, т.-е комедія о Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ“: но еще чисто романтическимъ ореоломъ озаренъ его ликъ, еще Байрона видитъ въ немъ молодежь, еще онъ не улыбался добродушною и вмѣстѣ саркастическою улыбкою Ивана Петровича Бѣлкина, не повѣствовалъ съ „Карамзинской торжественностью“ и вмѣстѣ съ необычайно мѣткимъ тактомъ дѣйствительности объ историческихъ судьбахъ обитателей села Горохина, не вглядывался глубоко симпатично въ жизнь какого-нибудь станціоннаго смотрителя. Онъ—идолъ молодого поколѣнія, но въ сущности молодое поколѣніе видитъ его не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, ждетъ отъ него не того, что онъ самъ далъ намѣренъ. Еслибъ оно обладало даромъ предвѣдѣнія, это тогдашнее молодое поколѣніе, оно съ ужасомъ отступило бы отъ своего идола. Оно проститъ ему комическій разсказъ о графѣ Нулинѣ, даже готово въ этомъ первомъ простомъ изображеніи нашей дѣй-

ствительности видѣть нѣчто романтическое, но оно не простить ему повѣстей Бѣлкина.

У тогдашняго молодого поколѣнія есть предводитель, есть живой органъ, на лету подхватывающій жадно все, что носится въ воздухѣ, даровитый до геніальности самоучка, легко усвояющій, ясно и страстно передающій всѣ вѣянія жизни, увлекающійся самъ и увлекающій за собой другихъ... „купчишка Полевой", какъ съ нѣкоей у рта зовутъ его, съ одной стороны, безсильные старцы, а съ другой, литературные аристократы.

Потому—есть и тѣ и другіе. Еще здравствуютъ и даже издаютъ свои журналы и поколѣніе, воспитавшееся на выспренныхъ одахъ—старцы въ котурнахъ, и поколѣніе, прошитанное насквозь „Бѣдной Лизой" Карамзина, старцы „въ бланжевыхъ чулочкахъ", которые послѣ бѣдной Лизы переварили только развѣ „Людмилу" Жуковскаго и, какъ предсѣдатель палаты въ „Мертвыхъ душахъ", читаютъ ее съ зажмуренными глазами и съ особеннымъ удареніемъ на слогъ: чу! У нихъ не только купчишка Полевой, но даже профессоръ Мерзляковъ считается, по крайней мѣрѣ у первыхъ, еретикомъ за критическіе разборы Сумарокова, Хераскова и Озерова... Для нихъ опять-таки, въ особенности для первыхъ, нѣтъ иной литературы, кромѣ литературы „выдуманныхъ сочиненій," между ними самими, т.-е. между дырявыми котурнами и полинявшими бланжевыми чулками, идетъ смертельная война за Карамзина, предмета ужаса для учениковъ и послѣдователей автора книги „О старомъ и новомъ слогѣ," кумира для бланжевыхъ чулковъ, доходящихъ въ лицѣ Иваничина Писарева до идолопоклонства самаго омерзительнаго...

Есть и аристократы литературные, группирующіеся около Жуковскаго и Пушкина. Они образованы, какъ европейцы, лѣнивы, какъ русскіе барчи, щепетильно опрятны въ литературныхъ вкусахъ, какъ какая нибудь англійская миссъ, что не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, писать стихи большею частію соблазнительнаго содержанія и знать наизусть „Опаснаго сосѣда" В. Л. Пушкина... Есть, наконецъ, еще кружокъ враговъ Полеваго, кружокъ, образовавшійся изъ молодыхъ ученыхъ, какъ Погодинъ и Шевыревъ, изъ выдѣлившихся по серьезности закваски аристократовъ, какъ Хомяковъ, тогда только еще поэтъ, и Кирѣевскій. Эта немногочисленная кучка, выступившая на поприще дѣятельности блистательною статьею И. В. Кирѣевскаго въ альманахѣ „Денница" и со-

средоточившаяся въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, тяготѣя по преимуществу къ Пушкину и отчасти къ Жуковскому, связана съ кругомъ аристократовъ литературныхъ, но находится въ самыхъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ старцамъ-котурнамъ и старцамъ бланжевымъ чулкамъ: почтеніе къ преданіямъ связываетъ ее съ ними, культъ Пушкина разъединяетъ. Но за то въ одномъ она съ ними вполнѣ сходится—во враждѣ къ Полевому. Аристократы литературные и самъ Пушкинъ держатся въ сторонѣ отъ этой борьбы. Даже стихотворенія Пушкина и его друзей появляются временами въ плебейскомъ „Телеграфѣ“, но старцы и уединенный кружокъ свирѣпствуютъ.

Нельзя было бы ничего неприличнѣе, съ нашей теперешней точки зрѣнія, вообразить себѣ той статьи, которой разразился противъ „Исторіи русскаго народа“ редакторъ „Московскаго Вѣстника“, еслибы еще неприличнѣе не были статьи противъ нея въ старческомъ „Вѣстникѣ Европы“.

Повторяю, что съ нашей теперешней точки зрѣнія всѣ эти вражды и бѣсованія литературныя—дѣло непонятное. Еще непонятнѣе оно будетъ съ знаніемъ личностей дѣятелей... Авторъ „Исторіи русскаго народа“ былъ Полевой,—редакторъ „Московскаго Вѣстника“—Погодинъ.

Нашими представляются вовсе не въ нормальномъ порядкѣ лѣтъ за тридцать назадъ. Изъ-за чего враждовалось до пѣны у рта?.. Купецъ Полевой, отзывчивый на всѣ вѣянія современной ему жизни, былъ однако вовсе не западникъ, а вполнѣ и въ высшей степени русскій человѣкъ и менѣе всего отрицатель идей народности. Съ другой стороны, Погодинъ былъ всегда демократъ до конца ногтей—и что было дѣлить ему съ другимъ демократомъ, Полевымъ?

Да, вотъ такъ это намъ теперь кажется, что нечего было дѣлить. Въ теченіе тридцати лѣтъ нашими нѣсколько разъ смѣнивались и перемѣняли мѣста, и много перестановокъ тутъ было для установки сколько нибудь правильныхъ ихъ взаимныхъ отношеній.

Теперь намъ легко произносить судъ надъ тѣмъ или другимъ дѣятелемъ, равно легко и смѣяться надъ посвященіемъ „Исторіи русскаго народа“ Нибуру, который, конечно, не могъ ее прочесть, и смѣяться, съ другой стороны, надъ культомъ, который совершаемъ былъ Карамзину его послѣдователями, людьми жизненно, сердечно и душевно пережившими „вѣяніе“ Карамзинской эпохи

и слѣдъ этого вѣянія сохранившими на себѣ многіе десятки лѣтъ: такъ, значитъ, оно было сильно...

Вѣдь Полевой, не смотря на свою послѣдующую, несчастную и обстоятельствами вынужденную драматическую дѣятельность, и Погодинъ, не смотря на увлеченія его страстной и неразборчивой на счетъ средствъ выраженія природы,—борцы честнаго, высокаго дѣла, борцы, которымъ много простится, ибо „они много любили...“ Ни тотъ, ни другой не были виноваты въ томъ, что, захваченные разными „вѣяніями“, они враждебно стояли другъ противъ друга, равно какъ не виноваты были въ томъ же впослѣдствіи славянофильство и Бѣлинскій.

Но за тридцать лѣтъ назадъ факты были таковы, что купецъ былъ представителемъ современныхъ, такъ сказать, животрепещущихъ интересовъ жизни или, коли хотите лучше, тогдашняго марева жизни, и что враги его казались тогда большей части молодого поколѣнія людьми отсталыми. Что за дѣло, что передовой скоро „сбрендилъ“ до непониманія высшей сферы Пушкинскаго развитія, и что отсталые шли неуклонно впередъ и выродились наконецъ въ явно-торжествующее во множествѣ пунктовъ славянофильство... Факты, повторяю я, представляются за тридцать лѣтъ въ вышеизложенномъ положеніи, и такое ихъ положеніе мы должны взять за исходный пунктъ, если хотимъ, какъ слѣдуетъ, понять ту бывалую пору.

Да вотъ! Я не даромъ, напримѣръ, упомянулъ о такихъ памятникахъ извѣстныхъ литературныхъ эпохъ, въ которыхъ онѣ, т.-е. эпохи-то, являются передъ наблюдателемъ на распашку, какъ съ постели встали.

Въ „Телеграфѣ“ 30-го года, именно въ томѣ 35-омъ (я нарочно свѣрился въ Публичной библіотекѣ, только забылъ записать страницу), вы, просматривая отдѣлъ смѣси, встрѣтитесь съ статьями о театрѣ, подписанными буквами В. У. и сами наткнетесь невольно на большую сравнительно съ другими статьями статью—о Мольеровскомъ „Скупомъ“ въ русскомъ переводѣ и въ русской сценической постановкѣ... Если вы не будете читать между строками, вы ничего не поймете въ этой бойко, умно и съ ужаснымъ азартомъ написанной статьѣ. Продергивается въ ней, и притомъ совершенно нецадно—до цинизма современныхъ намъ „обличительныхъ“ изданій,—какой-то баринъ, членъ всѣхъ возможныхъ клубовъ, неизмѣнный партнеръ вистовъ и бостоновъ, имѣющій

знакомство въ кругу литературной и литературно-оффиціальной знати, а между прочимъ, изъ дилетантизма и отъ нечего дѣлать удостаивающій заниматься театромъ и литературой вообще и даже весьма неполненный претензій въ этомъ дѣлѣ, придающій себѣ и своимъ занятіямъ немалое значеніе. Затѣмъ разбирается переводъ Мольеровскаго „Скупого“, до придирчивости брано и до брани придирчиво. И для непосвященнаго въ литературныя мистеріи той поры, очевидны два факта: 1) что „продергиваемый“ баринъ и есть именно самый-то переводчикъ „Скупого“, и 2) что азартно-желчная, кровавая статья—результатъ долгой, упорной, и глухой и явной борьбы между партіями.

Чтобы разомъ показать вамъ въ чемъ дѣло, въ чемъ *суть* статьи, я только назову вамъ имена автора азартной статьи и переводчика „Скупого“—да отошлю васъ за справкою къ одной весьма легко пріобрѣтаемой книгѣ.

Переводчикъ Мольеровскаго „Скупого“ С. Т. Аксаковъ. Фельетонистъ „Телеграфа“—В. А. Ушаковъ. Книга, къ которой я отсылаю васъ—„Собраніе разныхъ театральныхъ и литературныхъ воспоминаній“ Аксакова.

И Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и его книги вообще—вы, вѣроятно, знаете, если вы только не ограничили свои чтенія извѣстными пятью умными книжками, да и въ этомъ случаѣ вы все-таки о нихъ хоть слыхали. Но Василья Аполлоновича Ушакова, написавшаго одну только замѣчательную, да и то въ ту пору „замѣчательную“ вещь, повѣстушку: „Кирпилъ-Кайсакъ“, вы, если вы пятикнижникъ, совѣмъ не знаете да и пожалуй погордитесь сейчасъ же такимъ незнаніемъ: если же вы—ни рыба ни мясо, т.-е. ни мы, люди бывалой поры, ни люди новѣйшаго пятикнижія, то имя это припоминаете смутно, вмѣстѣ съ сѣровато-грязноватой оберткой какого-либо учебника россійской словесности временъ минувшихъ—ну, хоть милаго учебника г. Георгіевскаго, что ли, восторгающагося равно и „Борисомъ“ Пушкина и „Тассомъ“ г. Кукольника—учебника чрезвычайно назидательнаго, какъ фактъ побѣды, совершенной понятіями романтической эпохи тридцатыхъ годовъ, учебника, который совмѣстилъ изумительно и самыя застарѣлыя основы эстетическихъ ученій „симандры“ [1]), и критическіе

[1]) Т.-е. семинаріи, съ ея схоластическими курсами риторики и пінтики. *Примѣч. В. С.*

взгляды Полевого—и даже подчасъ цѣликомъ вносилъ на свои страницы свѣтъ Сѣньковскаго-Брамбеуса.

И потому я прежде всего обязанъ сказать вамъ, что *Василій Аполлоновичъ Ушаковъ*, кромѣ того, что написалъ надѣлавшаго въ свое время не мало шуму „Кирпичъ-Кайсака", писалъ постоянно театральные фельетоны въ „Телеграфѣ", еще больше чѣмъ „Кирпичъ" дѣлавшіе шумъ въ литературномъ кружкѣ,—былъ человѣкъ чрезвычайно многосторонне-образованный и остроумный...

И вотъ, право не знаю, какъ мнѣ лучше взяться, чтобы показать вамъ весьма странныя позиціи нашихъ квадратиковъ литературной арены. Всего лучше—ex abrupto показать вамъ конечныя, послѣдующія позиціи ихъ.

Василій Аполлоновичъ Ушаковъ написалъ впослѣдствіи „Кота Бурмосѣка", вещь далеко болѣе бездарную, чѣмъ издѣлія Федота Кузмичова, Сигова или иныхъ промышленниковъ московскаго толкучаго рынка. Да кромѣ того онъ въ „Библіотекѣ для чтенія"—уже въ ту пору ея упадка, когда Надеждинъ въ „Телескопѣ", и Шевыревъ въ „Наблюдателѣ" разбили мгновенный кумиръ петербургской молодежи—Брамбеуса,—написалъ вещь весьма гнусную подъ названіемъ „Вишня" [1]), нѣчто въ родѣ безсарнаго и совершенно безтолковаго доноса на безнравственность эстетическихъ ученій, которыхъ пламенную проповѣдь только что начиналъ въ „Молвѣ", подъ названіемъ „Литературныхъ мечтаній"—великій борецъ, Виссаріонъ Бѣлинскій.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ кончалъ свое поприще—авось либо вы хотя это знаете,—высокой эпопеей о Степанѣ Багровѣ, записками объ охотѣ, уженьи, дѣтскихъ годахъ, въ которыхъ во всѣхъ являлся великимъ и простымъ поэтомъ природы, и умирающею рукою писалъ гимнъ освобожденія отъ вѣковаго крѣпостного рабства—великаго народа, любимаго имъ всѣми силами его широкой, святой и простой души [2]).

А между тѣмъ, онъ-то, дорогой намъ всѣмъ при жизни и благоговѣйно чтимый по смерти старецъ—и проторгивается въ азартной статьѣ Василья Аполлоновича Ушакова.

---

[1]) Память въ такомъ случаѣ обманула Григорьева: повѣсть Ушакова напечатанная въ „Библіотекѣ для чтенія" въ 1835 году называется „Шюша", по герой ея, дѣйствительно, носитъ имя Виссаріона Кривошеина, или, въ сокращеніи—Висяши.

[2]) Намекъ на прочувствованные стихи С. Т. Аксакова, которыми онъ привѣтствовалъ извѣстный указъ 1857 года. *Примѣч. В. С.*

И сдѣлайте вы божескую милость, не торопитесь вы, люди вчерашняго и люди нынѣшняго дня, произносить осужденіе надъ Васильемъ Аполлоновичемъ Уналовымъ—и главное, не подумайте вы пожалуйста, чтобы изъ личной вражды къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову или изъ литературной зависти писалъ онъ эту азартную статью,—а прочтите, съ одной стороны, литературныя воспоминанія Аксакова, да припомните, хоть даже въ общихъ чертахъ, по учебнику, дѣятельность купца Николая Полевого, значеніе московскаго „Телеграфа“ и тому подобное.

Вѣдь поражающею пустотою содержанія жизни вѣетъ отъ литературныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова -и вѣетъ именно потому, что это книга и глубоко-искренняя, какъ все, что ни писалъ онъ, и искренно-талантливая, переносящая васъ совсѣмъ въ тотъ міръ, который она изображаетъ... Что за мелкіе интересы, съ огромными претензіями на литературное аристократство! думаете вы, да и я, человѣкъ той поры, думаю за одно съ вами, читая о время ли препровожденіяхъ князя Шаховского, Загоскина, самого Аксакова, Писарева, Кокошкина въ подмосковной этого послѣдняго, тогда директора московскаго театра, о литературно ли театральныхъ стремленіяхъ тогдашнихъ всѣхъ этихъ весьма достойныхъ уваженія людей! Огромное мѣсто, напримѣръ, въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова занимаетъ покойный водевилистъ Писаревъ. Можетъ быть, онъ и былъ талантливый человѣкъ по натурѣ, да вѣдь талантъ-то свой употреблялъ онъ ровно на такой же вздоръ, на какой въ наши дни употребляютъ свою бездарность гг. Родиславскіе, Дьяченки, авторы водевилей съ переодѣваніемъ [1]). Можетъ быть, и даже не можетъ быть, а навѣрно, ибо мы нравственно обязаны вѣрить всегда честному повѣствователю,—это была натура раздражительно страстная и тонкая, и страстность рано скосила ее; да вѣдь вы посмотрите однако, на что эта страстность пошла! Человѣкъ жизнь и душу полагаетъ въ театральныя кулисы,—не въ искусство драматическое, а просто на-просто въ кулисы. Не въ томъ бѣда, что онъ отъ хорошенькой дуры съ ума сойдетъ, и что она вгонятъ его въ чахотку,—этакой грѣхъ со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ случиться можетъ, а то, что

[1]) В. П. Родиславскій и В. А. Дьяченко—авторы многочисленныхъ пьесъ, съ успѣхомъ шедшихъ въ свое время на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ. *Примѣч. В. С.*

онъ тлетворнымъ воздухомъ театральныхъ кулисъ пропитался насквозь, какъ развѣ только г. Родиславскій или иные дѣятели драматургіи россійской пропитываться могутъ; что онъ мишуру театральныхъ облаченій, какъ самую мишуру, бѣлила и румяна, какъ бѣлила и румяны an sich, любитъ. Та бѣда, что раздражается то онъ, нервно раздражительный человѣкъ, преимущественно за актеровъ или за свои пошлыя издѣлія, что громитъ-то онъ своими остроумными куплетами популярнаго журналиста-купчишку съ совершенно мелочными взглядами на жизнь и дѣло искусства—съ самыхъ низменныхъ точекъ.

Припомните вы, что въ это время популярный купчишка-публицистъ, еще не авторъ комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами, Наранши Сибирячки, Ермака и прочаго, а жадный и смѣлый ловецъ всѣхъ новыхъ вѣяній жизни, зоркій сторожъ прогресса, громитель всяческой рутины, уже авторъ разсказа „Симеонъ Кирдяга", этого смѣлаго по тому времени протеста за удѣльныхъ и удѣльщину, еще съ большей энергіею выражающагося скоро послѣ, въ романѣ „Клятва при гробѣ Господнемъ", авторъ „Исторіи русскаго народа" которая, ужъ тамъ что хотите говорите, имѣетъ важное даже и положительное во многихъ отношеніяхъ значеніе. Объ отрицательномъ я ужъ и говорить не считаю нужнымъ: она была началомъ историческихъ отрыжекъ мѣстностей, національностей, толковъ, попранныхъ Карамзинымъ во славу его абсолютной государственной идеи. Я нарочно беру эти стороны дѣятельности Полевого, чтобы показать, что вѣдь это не западникъ былъ, а народный человѣкъ, знавшій народъ не менѣе Погодина, и значительно больше, чѣмъ знали его, не говорю уже князь Шаховской или Писаревъ съ Кокошкинымъ, но Загоскинъ и, можетъ быть, въ ту пору самъ Аксаковъ. Вѣдь года черезъ три потомъ, напримѣръ, является „Двумужница", аки бы народная драма князя Шаховского, и популярный купчишка мѣткой, злой и талантливѣйшей народіей (которую вы можете прочесть тоже въ нерѣдкой книжкѣ, въ его „очеркахъ" литературы) разбиваетъ въ прахъ ея Дюкре-Дюменильевскую народность [1]), разбиваетъ безжа-

[1]) Дюкре-Дюмениль (1761—1819)—французскій писатель сентиментальнаго направленія, авторъ знаменитаго романа: „Алексисъ, или хижина въ лѣсу"; въ началѣ XIX вѣка его произведенія усердно переводились на русскій языкъ и пользовались у насъ большимъ успѣхомъ; они отличались обыкновенно моральною тенденціей и приторной чувствительностью. *Примѣч. В. С.*

лостно, не обращая вниманія на то, что она, это драма, впервые, хоть и лубочнымъ способомъ, затронула живыя, до того не тронутыя никѣмъ стороны народной жизни, разбиваетъ во имя идеала, во имя той же самой, только несравненно шире понимаемой имъ народности. Вѣдь еще нѣсколько лѣтъ—и этотъ чуткій публицистъ смѣло возстаетъ на „Руку Всевышняго“ [1], во имя того же своего идеала.

Я вамъ говорю, что Полевой вовсе не западникъ и оттого-то пониманіе позиціи шашекъ становится еще запутаннѣе. Какой это западникъ, который дорожитъ какъ святынею всякою старою грамотою, всякою пѣснію народа, печатая ихъ въ своемъ „Телеграфѣ“, который въ одномъ изъ фельетоновъ своего журнала показываетъ, напримѣръ, Москву заѣзжему пріятелю съ фанатической любовью, съ полнымъ историческимъ знаніемъ?

А ужъ о дѣятельности его, какъ ловца всѣхъ новыхъ вѣяній жизни, и говорить нечего... Статьи о Гёте, о Байронѣ и другихъ корифеяхъ современной тогдашней литературы, ознакомленіе читателей съ судьбами литературъ романскихъ, культъ Шекспиру, Данту и прочее... переводы Гофмана, разборы всего новаго въ юной французской словесности, смѣлое благоговѣніе передъ Гюго, наконецъ, возможные толки о государственныхъ устройствахъ цивилизованныхъ народовъ и посильныя, положимъ хоть и по Кузену, толки о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ: перехватъ всякой новой живой мысли, сочувствіе всякому новому явленію въ жизни и искусствѣ, азартное увлеченіе всякимъ новымъ міровымъ вѣяніемъ;—вотъ что такое „Телеграфъ“. Мудрено ли, что имъ увлекалось все молодое и свѣжее, сначала какъ дѣльное, такъ и не совсѣмъ дѣльное, молодое и свѣжее. Потомъ дѣльное отошло... но объ этомъ послѣ. Я беру шашки въ извѣстную, данную минуту.

Что же этому, во всякомъ случаѣ и прежде всего живому направленію противопоставляли его ожесточенные враги?.. Старцы - оды Державина, поэмы Хераскова и творенія Макенна Невзорова. Популярный вождь благоговѣлъ, даже излишне благоговѣлъ передъ „потомкомъ Багрима“, написалъ даже впослѣдствіи къ Щукинскому изданію сочиненій пѣвца Фелицы довольно ерундистую

[1] Патріотическая пьеса Кукольника; критическая статья о ней въ „Моск. Телеграфѣ“ послужила поводомъ къ запрещенію журнала Полевого.

Примѣч. В. С.

статью, а надъ Херасковымъ тѣшился уже Мерзляковъ, а отъ „нравственности Макенна Невзорова“ претило молодое поколѣніе... Бланжевые чулки возились съ „Бѣдной Лизой“ и „Натальей боярской дочерью“, но, во-первыхъ, молодому поколѣнію было уже очень хорошо извѣстно, что самый „Лизинъ прудъ“ за Симоновымъ, вовсе не Лизинъ прудъ, а Лиеій прудъ, а потомъ, какое ему было дѣло до „Бѣдной Лизы“, когда оно жадно упивалось въ „Телеграфѣ“ повѣстями модпаго писателя Марлинскаго, окруженнаго въ его глазахъ двойною ореолою—таланта и трагической участи. Какое дѣло было ему до „стоповъ сизаго голубка“, воспѣваемыхъ его высокопревосходительствомъ И. И. Дмитріевымъ, когда чуть что не каждую недѣлю „Московскія Вѣдомости“ печатали въ объявленіяхъ о выходящихъ книгахъ, объявленія о новыхъ поэмахъ Пушкина или Баратынскаго, объ разныхъ альманахахъ, гдѣ появлялись опять-таки эти же славныя, или и менѣе славныя, но все-таки любимыя молодежью имена. Разумѣется, что ужъ не только на „Сѣверные Цвѣты“ накидывалась она, тогдашняя молодежь, не только что старую „Полярную Звѣзду“ переписывала въ свои завѣтныя тетрадки, но всякую новую падаль въ родѣ „Цефея“, „Вѣника“, или, какъ сшутилъ самъ издатель въ предисловіи „Вѣника граціи“ пожирала. И понятное совершенно дѣло. Въ какомъ-нибудь несчастномъ „Вѣникѣ“ она встрѣчала одинъ изъ прелестныхъ разсказовъ Томаса Мура въ Лалла Рукъ: „Покровенный пророкъ Хорасана“, какой-нибудь переводъ, разумѣется посильный, изъ Гёте и Шиллера, или изъ Ламартина и Гюго... Не Россіадами и альманашники потчивали.

А старцы-котурны и старцы-блапжевые горячились, изъ себя вонъ выходили и въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ нѣжной „Галатеѣ“ и еще болѣе нѣжномъ „Дамскомъ Журналѣ“ князя Шалпкова, и разумѣется, какъ всегда со старцами неспоконъ-вѣка бывало, проигрывали свое дѣло...

Что наконецъ могъ противопоставить живому направленію „Телеграфа“ и тѣсный кружокъ Аксакова, и солидарный съ нимъ во многомъ, но болѣе обширный кружокъ, столпившійся въ „Московскомъ Вѣстникѣ“?.. Правда, этотъ послѣдній кружокъ не возставалъ противъ великаго явленія въ литературѣ, противъ Пушкина, былъ въ связи съ сателлитами блестящей планеты, но вѣдь не перещеголялъ же онъ „Телеграфъ“ въ поклоненіи общему идолу и въ другихъ отношеніяхъ; въ своей ожесточенной враждѣ

и борьбѣ съ Полевымъ, онъ старался, напротивъ, перецеголять старцевъ въ котурнахъ и самый Вѣстникъ Европы, площаднымъ цинизмомъ статей объ „Исторіи русскаго народа".

„Московскій Вѣстникъ" страдалъ вначала той несчастной солидарностью съ старымъ хламомъ и старыми тряпками, которая впослѣдствіи подрѣзывала всѣ побѣги жизни въ „Москвитянинѣ" пятидесятыхъ годовъ... Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ—и вдругъ къ изумленію и ужасу видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея, втесались въ сосѣдство имена графини Ростопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Оедорова... и—о ужасъ! Авдотьи Глинки! [1]) Видишь—и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется—и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, а вдругъ, точно по манію волшебнаго жезла, явились въ печати незванные гости! Или слѣдитъ, бывало, слѣдитъ, зорко и подозрительно слѣдитъ молодая редакція, чтобы какая нибудь элегія г. М. Дмитріева, или какой нибудь старческій грѣхъ какого либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала... Чуть немного ослабленъ надзоръ, и г. М. Дмитріевъ на лицо, и г-жа К. Павлова что-либо соорудила, и наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ нумера, какая нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется, или какая нибудь пронлогодняя повѣсть г. Кулагинскаго литературный отдѣлъ украшаетъ! И это — въ пятидесятые года, все равно какъ въ тридцатые.

Но дѣло въ томъ, что въ пятидесятые года у народнаго направленія былъ уже Островскій да начинало уже энергически высказываться славянофильство, честно стараясь разрывать солидарность съ гг. Кулагинскимъ, Муравьевымъ и прочими витязями, а въ тридцатые годы ничего этого не было. Была только глубокая, даже по всякому времени, не то что только по тогдашнему, статья о литературѣ И. В. Кирѣевскаго, напечатанная въ „Денницѣ", два-три стихотворенія Хомякова, два-три оригинально-галантливыхъ хотя по обычаю неопрятныхъ повѣстей Погодина, его да Шевыревская профессорская, болѣе или менѣе замк-

[1]) Подобно Сенковскому, Погодинъ нерѣдко позволялъ себѣ подправлять статьи своихъ сотрудниковъ и вставлять въ нихъ собственныя замѣчанія.
Примѣч. В. С.

путая въ предѣлахъ аудиторіи дѣятельность—и только. Аксаковъ, единственный полный художникъ, который вышелъ изъ этого кружка, занимался тогда рѣшительно вздоромъ. Другой, хоть и ограниченный, но дѣйствительно даровитый человѣкъ, принадлежавшій даже и не къ кружку „Московскаго Вѣстника", а къ тѣсно театральному, солидарный притомъ всю жизнь съ мракобѣсами, съ петербургскимъ славянофильствомъ, происшедшимъ отъ весьма вирочемъ почтеннаго человѣка, адмирала Шишкова, — Загоскинъ, еще не издалъ своего „Юрія Милославскаго", а былъ извѣстенъ только какъ писатель комедій, принадлежавшихъ къ отвергаемому, и по справедливости отвергаемому молодежью, роду выдуманныхъ сочиненій.

Да и послѣ появленія пресловутаго „Юрія Милославскаго"— развѣ въ самомъ дѣлѣ произошелъ какой либо переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ? Полевой, отдавъ справедливость даровитой по тогдашнему времени попыткѣ историческаго романа—даже, съ теперешней точки зрѣнія,—отнесся къ нему безъ надлежащей строгости. Между тѣмъ, самъ онъ въ ту пору своимъ пониманіемъ народа и его исторіи стоялъ несравненно выше, чѣмъ первый русскій романистъ — и молодежью это очень хорошо чувствовалось. Вѣдь Полевой только что впослѣдствіи, да и то искусственно, дошелъ въ своихъ драмахъ до той квасной кислоты и нравственной сладости, которая господствуетъ въ романахъ Загоскина вообще. Въ ту же пору, въ пору тридцатыхъ годовъ, онъ стоялъ высоко.

Читали ли вы, люди позднѣйшаго поколѣнія — его литературную исповѣдь, которую предпослалъ онъ своей книгѣ: „Очерки русской Литературы". Еще не очень давно — года два назадъ, я перечитывалъ ее — и чувство симпатіи до умиленія къ этой даровитой, жадной свѣта, личности, всѣмъ обязанной самой себѣ— притекало въ мою душу — и чрезвычайно омерзительною представлялась мнѣ знаменитая пародія на Жуковскаго „Свѣтлану" — сочиненная однимъ изъ бездарныхъ, но весьма солидныхъ старцевъ [1]), въ которой Полевой переѣденъ какимъ-то трибуналомъ (безъ трибуналовъ старцамъ не живется) обвиняется между прочимъ въ томъ, что

[1]) М. А. Дмитріевымъ, бывшимъ сотрудникомъ „Москвитянина", представителемъ стараго литературнаго направленія. *Примѣч. В. С.*

... Извѣстно міру
Какъ онъ въ Курскѣ еще былъ
Старый другъ Шекспиру.
Какъ онъ друга своего
Уходилъ ста за три,
Анатомили его
На Большомъ театрѣ.

но въ заключеніе о бѣдномъ, убитомъ судьбою, загнанномъ обстоятельствами, даровитомъ и много сдѣлавшемъ публицистѣ, злорадно разсказывалось, что

У газетчика живетъ
Онъ на содержаньи.

Не говорю ужъ я о томъ, что анатомилъ Гамлета на Большомъ театрѣ величайшій сценическій геній русской сцены, т.-е. Мочаловъ, и что Полевой своимъ поэтическимъ и единственно возможнымъ для русской нашей сцены переводомъ Гамлета такъ „уходилъ“ своего стараго друга, что Гамлетъ разошелся чуть что не на пословицы. Это еще ничего, потому что о вкусахъ не спорятъ; но ругаться надъ человѣкомъ, который долго, честно, жарко боролся и силою совершенно внѣшнихъ обстоятельствъ вынужденъ былъ круто поворотить съ одной дороги на другую, вынужденъ, для спасенія семьи отъ голода и за неимѣніемъ собственнаго журнальнаго органа, работать у Сеньковскаго, ругаться, вмѣсто того, чтобы сожалѣть о слабости характера даровитаго литературнаго дѣятеля, достойно только тѣхъ старцевъ, которые, навязывая свою солидарность народному направленію, какъ ржавчина подъѣдали чистоту задачъ „Московскаго Вѣстника“ и „Москвитянина“... („Русскую Бесѣду“, также и „День“ не удалось имъ опозорить этою солидарностью — и слава Богу!)

О старцы, старцы! Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы, т.-е. кружокъ, во главѣ котораго стояли Погодинъ и Островскій, несли со всѣмъ пыломъ и энергіей молодости, съ ея весельемъ и свѣжестью лучшія силы, лучшіе соки жизни на служеніе національному направленію и не могли однако поднять нашъ журнальный органъ, именно потому только, что глава редакціи, Погодинъ, не могъ отречься отъ губительныхъ солидарностей; прошло уже около десяти лѣтъ послѣ этого, но безъ приливовъ желчи я и теперь еще не могу вспомнить о нашихъ тщетныхъ, хоть и жаркихъ усиліяхъ...

Есть, еще разъ повторю я, новыя книги, въ которыхъ или цѣлая литературная пора, или извѣстное направленіе сказываются по-домашнему. Вотъ такая книжка, напримѣръ, „Московскія элегіи“ г. М. Дмитріева. Маленькая, но назидательная, я вамъ скажу, книжка, способная самаго истаго москвича, если только въ немъ мало настоящей московской закваски, довести до полнѣйшаго остервенѣнія на такую Москву, какая является идеаломъ для „маститаго“, говоря высокимъ тономъ, пѣвца; книжка, которая, если паче чаянія одна только вмѣстѣ съ нашими обличительными изданіями уцѣлѣетъ для отдаленнаго потомства, способна оправдать даже хамскую ненависть къ почвѣ и Москвѣ какой-нибудь „Обличительной Головѣшки“ [1]), какъ „назидательная головѣшка“ г. Аскоченскаго, если тоже она одна уцѣлѣетъ, способна оправдать нашихъ бюхнеровъ и молешотиковъ. Большей инфаміи наложить на Москву, какъ наложили эти поэтическія досуги, невозможно: врагъ самый заклятый ничего такого не выдумаетъ... Это не добродушные разсказы Фамусова-Загоскина о прелестяхъ стараго дворянскаго житья, съ массой вѣрныхъ рабовъ, не комическія наслажденія гаеретвомъ шутовъ и шутихъ, не наивные восторги, которые сами же себя и обличаютъ... нѣтъ! это Фамусовъ, дошедшій до лирическаго упоенія, до гордости, до помѣшательства на весьма странномъ пунктѣ, на томъ именно, что Аркадія единственно возможна подъ двумя формулами: барства, съ одной,—и холопства, съ другой стороны, это Фамусовъ, явно и по рефлексіи презирающій народъ и въ купечествѣ, и въ сельскомъ свободномъ сословіи. Фамусовъ-идеалистъ, которому совершенно безстыдно жаль, что для изображенія зефировъ и амуровъ, не свозятъ

на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

и который въ Москвѣ старой видитъ идеалъ барскаго города... въ великой, исторической, народной Москвѣ, свободно, растительно разстилавшейся въ теченіе столѣтій своими „слободами“, замыкае-

---

[1]) Подразумѣвается, конечно, извѣстный сатирическій журналъ того времени „Искра“, являвшійся однимъ изъ главныхъ органовъ обличительнаго направленія въ современной литературѣ. На страницахъ „Искры“ перѣдко высмѣивались славянофилы и примыкавшіе къ нимъ писатели, въ родѣ Погодина, Страхова (Н. Косица) и др. *Примѣч. В. С.*

мой тщетно стѣнами то Бѣлаго, то Земляного города и рвавшейся въ ширь безпредѣльную...

Людямъ и не съ такимъ узкимъ идеаломъ народности, а всѣ „старцы" тридцатыхъ годовъ, старцы ли съ котурнами или старцы въ благожевыхъ чулкахъ—именно такой только идеалъ въ душѣ носили, было не подъ силу бороться съ популярнымъ купчишкой... Даже и серьезные, народные люди кружка „Московскаго Вѣстника", не могли съ нимъ бороться, потому что сами въ сущности не знали, за что съ нимъ бороться... Они тянули къ преданіямъ, къ исторіи, къ народу, да вѣдь и онъ по сердцу тянулъ туда же, только они не отличали преданій народа отъ преданій старцевъ и заявляли свою солидарность съ ними, чего онъ,

Отродіе купечества,
Изломанный аршинъ,

не могъ съ ними раздѣлять, ибо преданія старцевъ онъ, демократъ по рожденію и духу, ненавидѣлъ такъ же сильно, какъ ненавидѣлъ ихъ кровный аристократъ Грибоѣдовъ.

За него было все: всякая новая европейская мысль, которую сообщалъ онъ тотчасъ же, схватывая ее на лету, читателямъ; каждое вѣяніе жизни современной, да и само правильное чувство національности. Этому чувству надобно было на время отнестись совершенно отрицательно къ художественной постройкѣ нашего историческаго быта Карамзинымъ по одной, абсолютно-государственной идеѣ—и Полевой явился въ своей исторіи и въ своихъ романахъ представителемъ этой отрицательной потребности: онъ началъ работу, которая еще до сихъ поръ не кончена, да еще и не скоро кончится.

Могли ли язвить его тогда и ругательства двухъ „Вѣстниковъ" [1]), и эпиграммы г. М. Дмитріева, и водевильные куплеты Писарева. Все это было тогда несравненно ниже его уровня.

Понятное дѣло, что люди впечатлительные, какъ В. А. Ушаковъ,—я опять возвращаюсь къ факту, съ котораго началъ,—были за его сторонѣ, были совсѣмъ его сердцами, съ азартомъ накидывались на все, ему и имъ враждебное, и каково ни будь, напримѣръ, мое и ваше глубокое уваженіе къ покойному Аксакову, но фельетонъ Ушакова перестаетъ возмущать ваше чувство... Вѣдь

[1]) Т.-е. „Вѣстника Европы" Качеповскаго и „Московскаго Вѣстника" Погодина. *Примѣч. В. С.*

даже въ менѣе крупныхъ вопросахъ, чѣмъ тѣ, которыхъ я коснулся, изображая общее настройство эпохи, Полевой и его направленіе расходились постоянно съ своими противниками.

Былъ, напримѣръ, или лучше только что начиналъ быть въ это время на сценѣ весьма странный чудакъ, котораго имя я упомянулъ и котораго имя я постоянно вношу самымъ смѣлымъ образомъ въ исторію цѣлой полосы нашего развитія, не просто какъ имя сценическаго художника, осуществителя образовъ данныхъ литературою, а какъ имя представителя вѣянія, творца образа самостоятельнаго, поэта, который былъ въ своемъ творчествѣ цѣльнѣе и выше своихъ драматурговъ. Я говорю, конечно, о Мочаловѣ, но не съ тѣмъ, чтобы о немъ повести рѣчь... Мѣсто ему, какъ одному изъ великихъ воспитателей всего нашего поколѣнія, въ дальнѣйшемъ теченіи моихъ записокъ. Здѣсь я коснусь только отношенія къ этой геніальной силѣ того и другого лагеря. Аксаковъ, напримѣръ, какъ самъ художникъ, Загоскинъ, какъ даровитый и впечатлительный русскій человѣкъ, князь Шаховской и Кокошкинъ, какъ большіе знатоки и любители театра, конечно, одни, какъ Аксаковъ, и понимали и чувствовали, другіе только чувствовали— что̀ это за сила самобытная и могучая; но или всѣ, кромѣ впрочемъ женственно воспріимчиваго Загоскина, не брали его такимъ, какимъ Богъ его создалъ, хотѣли отъ него чего-то условнаго въ художествѣ, чего-то условнаго и въ жизни, не мирились съ его безпутствомъ, возмущались его плебействомъ и прочая. Взять его такимъ, какимъ онъ былъ, предоставлено было только Полевому, короновавшему его ролью Гамлета, да Бѣлинскому, разъяснившему этого оригинальнаго Мочаловскаго Гамлета... Но объ всемъ этомъ объяснимъ послѣ.

Я разсказалъ вамъ, мой читатель (на читательницъ въ отношеніи этихъ главъ я плохо разсчитываю, и полагаю, что такъ называемыя серьезныя изъ нихъ находятъ теперь болѣе вкуса въ анатомическихъ, чѣмъ въ историческихъ диссертаціяхъ), положеніе литературныхъ шашекъ въ избранную мною минуту.

Но вы не торопитесь пожалуйста *совсѣмъ* становиться на сторонѣ не только что фельетониста Ушакова противъ С. Т. Аксакова и его кружка, но даже и на сторонѣ Полевого противъ старцевъ и „Московскаго Вѣстника“. Вы все помните, все держите, пожалуйста, въ головѣ пословицу: девять разъ примѣрь, и въ десятый отрѣжь, и все имѣйте въ виду концы, а именно:

1) Что В. А. Ушаковъ кончитъ „Висяшей“;

2) Что Полевой напишетъ „Парашу“, „Ермака“ и проч.;

3) Что, наконецъ, самая борьба, поднятая имъ противъ абсолютно-государственной идеи Карамзина, кончится въ наши дни хохлацкимъ жартомъ надъ русскою исторіею, сведеніемъ Московскаго государства на одну доску съ разными отпадшими ханствами и проч. [1]), или не то поморскими, не то просто поморными галлюцинаціями русскихъ историковъ „Искры [2])“.

Вотъ вы это все имѣйте въ виду, и такъ какъ процессъ литературныхъ стремленій есть процессъ органическій, то поприсмотритесь еще къ данной минутѣ и посмотримъ, нѣтъ ли уже въ ней самой зачатковъ разложенія.

Есть, и есть несомнѣнно. Я говорилъ до сихъ „по волку“, стоитъ только начать говорить „противъ волка“.

Полевой и его направленіе дѣйствительно отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ современныя вѣянія, но отражали безразлично, поверхностно, почти что безсознательно. Молодежь, воспитываемая этими безсознательно отраженными направленіями, дѣлилась на двѣ части: одну—меньшую, которая шла въ глубь дѣла, принимала вѣяніе въ серьезъ, переводила ихъ въ жизнь и скоро ощущала страшное неудовлетвореніе поверхностнымъ отраженіемъ, и другую, конечно, многочисленнѣйшую, которая совершенно довольствовалась верхами, и вѣроятно доселѣ вѣкъ свой доживаетъ въ безразличномъ поклоненіи и Гюго, и Марлинскому, и въ абсолютномъ непониманіи всего новаго и живого, начиная съ самого Гоголя.

Та и другая молодежь—два фазиса того, что я не разъ уже называлъ русскимъ романтизмомъ и что совершенно непохоже на другіе романтизмы. Русскій романтизмъ такъ отличается отъ иностранныхъ романтизмовъ, что онъ всякую мысль, какъ бы она ни была дика или смѣшна, доводитъ до самыхъ крайнихъ граней, и притомъ на дѣлѣ. Нѣмецъ, напримѣръ, можетъ родъ человѣческій производить отъ обезьянъ —и исправлять какую угодно, хоть пасторскую обязанность,—доходить до крайнѣйшаго отрицанія всякихъ нравственныхъ основъ или до самыхъ фантасмагорическихъ галлюцинацій и не спиться съ кругу, ибо такихъ чудаковъ какъ

[1]) Подразумѣвается, конечно, Костомаровъ и его труды по областной исторіи.

[2]) „Поморные“—ироническое прозваніе, данное Погодинымъ редакціонной группѣ „Искры“ и на нѣсколько лѣтъ утвердившееся за нею.

Примѣч. В. С.

Гофманъ, который отъ своихъ принцевъ-піявокъ, серпентинъ и иныхъ созданій своей чародѣйной фантазіи обрѣталъ успокоеніе только въ Аэрбаховскомъ погребкѣ, да тамъ же большею частью и создавалъ ихъ,—или такихъ, какъ Макъ Штирперъ, который довелъ до крайнѣйшей, безумной послѣдовательности мысль объ абсолютныхъ правахъ человѣческаго *я*—да и сѣлъ въ сумасшедшій домъ, очень немного. Великій Гегель, по сказанію извѣстнаго ёрника Гейне, выразился какъ-то въ бесѣдѣ неуважительно насчетъ планетъ небесныхъ, да и сѣлъ потомъ преспокойно за вистъ. Французъ тоже, за исключеніемъ лихорадочныхъ эпохъ исторіи, когда милая tigre-singe разыграется до головокруженія, вообще весьма наклоненъ къ *нравственной* жизни, наслажденіямъ фантастическими и иными прелестями, по весьма правдивымъ сказаніямъ Оедора Достоевскаго [1]). Но мы народъ какой-то неуемный, какой-то грубо-первобытный народъ. Мысль у насъ не можетъ еще какъ-то разъединяться съ жизнью. Закружилась у насъ голова отъ извѣстныхъ вѣяній—такъ ужъ точно закружилась. Печальныя жертвы приносили мы этимъ вихрямъ, въ видѣ Полежаевыхъ, Мочаловыхъ, Марлинскихъ, даже Лермонтовыхъ.

Вотъ людей такого-то чисто русскаго закала, людей съ серьезной жаждой мысли и жизни, способныхъ прожигать жизнь или ставить ее на всякую карту, кромѣ еще небольшого кружка людей дѣльныхъ, способныхъ спеціально чѣмъ нибудь заняться мало удовлетворяло направленіе „Телеграфа“ и общій уровень тогдашней литературы. Праздношатательство, эпикурейство, весьма притомъ дешовыя, луна, мечта, дѣва,—тряпки, тряпки! по позднѣйшему остроумному выраженію Сеньковскаго-Брамбеуса, проповѣдуемые въ поэзіи сателлитами Пушкина и всякими виршеплетами въ безчисленныхъ альманахахъ; нѣмецкій сентиментализмъ, который сталъ скоро примѣшиваться въ новѣстяхъ Полевого и другихъ къ лихорадочно-тревожнымъ вѣяніямъ и велъ совершенно послѣдовательно къ знаменитому приторно-мѣщанскому эпилогу Аббадоны [2]);—все это могло удовлетворить окончательно только ту мо-

[1]) См. его „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“.

[2]) „Аббадона“—извѣстный романъ П. А. Полевого, изданный въ 1834 году; позднѣе, въ 1838 г. авторъ напечаталъ въ „Библ. для Чтенія“ *Эпилогъ* къ нему, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ самого романа.

Примѣч. В. С.

лодежь, которая, какъ, напримѣръ, мой наставникъ, въ сущности переводила романтическія стремленія на *суть* знаменитой нѣсни:

Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела,

да уѣздныхъ или замосквор'ѣцкихъ барышень, которыя все ожидали, что въ послѣдней главѣ „Онѣгина", явится опять не убитый имъ и только почтенный убитымъ Ленскій и соединится съ овдовѣвшею Ольгою, равномѣрно какъ Онѣгинъ съ Татьяной. Изъ юношей, вѣрившихъ въ упомянутую нѣсню, образовались или ходячіе пивогрызы, или лѣкаря взяточники, или просто нюни и пьяницы; изъ барышень, конечно, Кукушкины, съ жадностію читающія и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, „когда препятствія исчезаютъ и два любящіяся сердца соединяются". Все это какъ слѣдуетъ. Даже многіе изъ поэтовъ тогдашнихъ, проклинавшихъ жизнь и сѣтовавшихъ на то, какъ тяжело

...быть въ толпѣ безчувственныхъ людей,

преспокойно дослужились до чиновъ извѣстныхъ и до пряжекъ за двадцатипятилѣтіе.

Все это не только что удовлетворялось окончательно и Полевымъ и его направленіемъ, но, вѣроятно, и до сихъ поръ, если еще здравствуетъ на свѣтѣ, то удовлетворяется. Да не то, что вѣроятно, а это фактъ. Читали вы, напримѣръ, недавно вышедшую поэму г. Жандра: „Свѣтъ". Курьезъ занимательный. Тридцатые годы, совершенно какъ были, вдругъ возлегаютъ передъ вами запоздалымъ явленіемъ,— совсѣмъ какъ были, съ личностями непризнанныхъ поэтовъ, воздушныхъ графинь или княгинь, съ рѣчами à la Марлинскій, все это, мужескій полъ—чуть ли не въ тѣхъ же фракахъ съ откинутыми широкими бортами и длиннѣйшими таліями, въ башмакахъ съ ажурными чулками или-подъ обтянутыхъ панталонъ, а женскій или прекрасный полъ въ шляпкахъ съ какими-то ракушками, съ буфами-шарами рукавовъ и, напротивъ, съ короткими таліями... Или, загляните на задніе дворы литературы, прочтите „Наташу Подгоричъ" или другіе недавніе романы, которыми еще не перестаетъ дарить свою публику „маститый" московскій романистъ, г. Воскресенскій. Вотъ вамъ уцѣлѣвшія муміи Полевого и его направленія [1]).

[1]) Забытый нынѣ беллетристъ 30—50-хъ годовъ, авторъ многочисленныхъ романовъ въ псевдо-романтическомъ духѣ, пользовавшихся въ свое время зна-

Въ нихъ самихъ, т.-е. въ Полевомъ и въ тогдашнемъ направленіи литературы, котораго онъ былъ горячимъ и даровитымъ, но совершенно слѣпымъ вождемъ, лежало ихъ крайне пустое будущее. Литература уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ размѣнивалась на пошлѣйшіе альманахи. Пушкинъ начиналъ уже отъ нея отвертываться и уходить въ самого себя. Полевой уже подавалъ руку Булгарину и начиналъ не понимать Пушкина. Да вѣдь и мудрено было, воспитавшись „Иваномъ Выжигинымъ“ и снисходительно отнесшись къ „Димитрію Самозванцу“ знаменитаго уже и тогда Оддея, понять сцены изъ „Бориса“, появлявшіяся хоть рѣдко въ хорошихъ альманахахъ.

„Борисъ“-то и сталъ въ своей величавой цѣлости и былъ для многихъ, въ томъ числѣ и для Полевого самого, камнемъ преткновенія и соблазна. „Борисъ“ же, съ другой стороны, выдвинулъ ярко другого литературнаго дѣятеля, которому суждено было отвѣтить потребностямъ серьезной молодежи, положить основы дальнѣйшему ходу критическаго сознанія, и кромѣ того воспитать и дать поколѣнію его настоящаго вождя, Виссаріона Бѣлинскаго.

Этотъ крестный отецъ великаго борца былъ цинизмъ-семинаристъ, Никодимъ Надоумко. То-есть Никодимомъ Надоумко былъ онъ до 1831 года и въ одной только первой книжкѣ попорожденнаго „Телескопа“ за этотъ годъ. Затѣмъ явился редакторъ журнала Н. И. Надеждинъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ самородковъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ умовъ и одна изъ громадивѣйшихъ ученостей, съ положительнымъ отсутствіемъ характера, отсутствіемъ почти такимъ же, какъ въ другомъ современномъ ему дѣятелѣ—Сѣньковскомъ, равно оригинальномъ по уму, равно обладавшемъ изумительною ученостью...

Въ 1829 году у дряхлѣвшаго до „жалости подобнаго“ состоянія „Вѣстника Европы“, наводившаго сонъ или уныніе и своимъ „лужницкимъ старцемъ“, и своими литературными взглядами

Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма,—

въ статьѣ „Сонмище нигилистовъ“ явился новый, свѣжій, цинически-грязный, но по-своему остроумный и несомнѣнно энергическій дѣятель подъ именемъ Никодима Надоумко. Слово „ниги-

чительнымъ успѣхомъ среди невзыскательной части публики („Проклятое мѣсто“—1838 г., „Черкесъ“—1839 г., „Мечтатель“—1841 г., „Сердце женщины“—1842 г. и мн. др.). О немъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ статьяхъ и Бѣлинскій. *Примѣч. В. С.*

листъ" не имѣло у него того значенія, какое въ наши дни придалъ ему Тургеневъ. „Нигилистами" онъ звалъ просто людей, которые *ничего* не знаютъ, *ни на чемъ* не основываются въ искусствѣ и жизни, ну, а вѣдь наши нигилисты знаютъ пять книжекъ и на нихъ основываются [1])... Надоумко повелъ странныя по плану и по содержанію бесѣды съ провизорами, корректорами типографій и иными выводимыми имъ лицами, о пустотѣ литературнаго направленія, нещадно возставалъ, больше впрочемъ изъ угожденія старцамъ, на Пушкина—въ чемъ, конечно, никто ему не сочувствовалъ, на Полевого и его поверхностность, въ чемъ уже многіе ему сочувствовали, на праздношатаніе мысли и чувства...

Затѣмъ, рядомъ статей подъ псевдонимомъ Надоумки завоевавши себѣ извѣстность, а диссертаціею: „De poësia Romantica" степень доктора философіи и каѳедру, П. П. Надеждинъ раскланялся съ старцами и ихъ органомъ и началъ издавать „Телескопъ". Въ первомъ же нумерѣ, какъ я упомянулъ, онъ одинъ во всей тогдашней критикѣ объявилъ себя за пушкинскаго „Бориса", и всталъ во главѣ всей серьезной молодежи.

Но это уже относится къ 1831 году..-

VI.

ОТЗВУКИ ПРОШЛАГО.

Между тѣмъ, старое поколѣніе, сходившее съ поля дѣйствія или долженствовавшее сойти по непреложнымъ законамъ исторіи, доживало же свою жизнь съ чѣмъ-нибудь, хранило же на себѣ слѣдъ тѣхъ вѣяній, которыя во время оно болѣе или менѣе могущественно уносили его за собою и передавало же или по крайней мѣрѣ старалось передавать поколѣнію молодому эти для него еще живыя вѣянія?..

Конечно, такъ. Сколь ни мало серьезнаго вынесъ мой отецъ изъ своей юности, но все-таки же по преданіямъ помнилъ и

[1]) Подразумѣваются, конечно, такія популярныя въ 60-е года сочиненія, какъ „Kraft und Stoff" Бюхнера, „Der Kreislauf des Lebens" Молеттота, „Физіологія обыденной жизни" Льюиса и др., изъ которыхъ молодое поколѣніе того времени почерпало свои руководящіе взгляды и идейная несостоятельность которыхъ была совершенно ясна философски-образованному Григорьеву. Срав. также его насмѣшки надъ „новѣйшимъ пятикнижіемъ" на стр. 60.

Примѣч. В. С.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость угнетенну.

Потомъ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы
Претедшіе за Донъ отыскивать свободы...

и другія тирады изъ „Димитрія Донскаго", разумѣется—вмѣстѣ съ пародіей „Митюха Валдайскій" и другой пародіей, въ которой отмѣнною энергіею отличался отвѣтъ ханскому послу:

Поди и разскажи Мамаю,
Что я его... и проч.

помнилъ—и съ восторгомъ, конечно, уже подогрѣтымъ преданіемъ, читалъ и оду Богъ и Фелицу Державина. Впрочемъ онъ былъ уже человѣкъ не Державинской, а Карамзинской эпохи, Сумарокова совсѣмъ не зналъ, Хераскова только что оставлялъ собственно въ покоѣ, за то съ большимъ чувствомъ цитировалъ Нелединскаго-Мелецкаго и Дмитріева, особенно:

Ахъ, когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды,

самъ же, впрочемъ, и пародировалъ цинически конецъ этого нѣжнаго стихотворенія.

Странный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ былъ мой отецъ, или, лучше сказать, *бывалъ* въ разныя эпохи. Не касаюсь еще его чисто житейскихъ отношеній... Но со стороны духовной, онъ именно представлялъ собою типъ умнаго дюжиннаго человѣка первоначальной Карамзинской эпохи. Для того, чтобы представлять этотъ типъ, судьба дала ему и достаточно много воспріимчивости, легкости усвоенія впечатлѣній, и достаточно мало нравственной твердости и умственной глубины. Какъ въ жизни онъ способенъ былъ подчиняться всякой обстановкѣ, ради тишины и мира, такъ и въ духовномъ развитіи. Но въ сущности подчиненіе было только видимое, чисто внѣшнее. Что-то упорно въ немъ сохранялось для тѣхъ, кто зналъ его такъ близко, какъ я впослѣдствіи. Въ эпоху пятидесятыхъ годовъ, напримѣръ, ему уже было за шестьдесятъ, но вдругъ оставшись одинъ вдовцомъ и тотчасъ же окруженный кружкомъ молодежи, онъ чрезвычайно легко освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, нашелъ въ немъ смыслъ, не только не мѣшалъ намъ всѣмъ, но самымъ наивнымъ образомъ дѣлилъ съ нами наши литературные интересы... и въ сущности

эта наивность не была искренна. „Что-то“, повторяю, упорно въ немъ засѣло и по временамъ выскакивало наружу, особенно при маломальски неблагопріятной обстановкѣ... Судьба вообще довольно немилостиво съ нимъ обходилась, какъ и со всей нашей породой, и увы! одинъ изъ самыхъ немилостивыхъ ея презентовъ старику былъ, конечно, я... Пока дѣла шли хорошо, онъ, можно сказать, шелъ за мной вслѣдъ, но когда хорошая или по крайней мѣрѣ сносная полоса жизни смѣнялась очень несносною, старикъ впадалъ опять въ прежній упорный эгоизмъ.

Такое же что-то сидѣло у него и въ мірѣ умственно-нравственномъ. Это не была его самость, личность, ибо личности въ немъ не было и онъ развился какъ-то такъ, что рѣшительно не дорожилъ ни своею ни чужою личностью—но нѣчто, если не вколоченное (ибо, сколько я знаю, дѣдъ не бивалъ его, а даже спускалъ многое добродушному и вѣроятно плаксивому ребенку), то задавившее его своимъ гнетомъ, подрывавшее въ немъ всякую серьезную воспріимчивость. И это нѣчто не были убѣжденія его отца, а моего дѣда, ибо у того были крѣпкія убѣжденія, а просто — это была вся бывалая эпоха, воспринятая его душою безразлично, безсознательно, такъ сказать рабски, не осмысленная никакимъ логическимъ процессомъ, засѣвшая въ умъ гуртовымъ хаосомъ. Что дѣдъ, который, какъ я уже говорилъ, былъ Степанъ Багровъ, хотъ, конечно, менѣе грандіозный и менѣе грандіозно-поставленный къ жизненной обстановкѣ, виноватъ въ развитіи такого рода воспріимчивости въ отцѣ моемъ—нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ запугалъ его съ дѣтства, запугалъ до того, что отецъ мой никогда не чувствовалъ къ нему любви, а чувствовалъ только боязнь: съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ боялся паче всего разсужденія, привыкъ все принимать безразлично. Въ жизни онъ потомъ, какъ только выпустили его нѣсколько на свободу, разумѣется „свертѣлся“, попалъ въ довольно низменную обстановку и вынужденъ былъ въ ней основаться и, разумѣется, ей подчиниться. Но натура человѣческая такъ ужъ устроена, что, даже при самой слабой закваскѣ, все-таки упорно стремится къ самостоятельности и ея выраженію въ жизни и, разумѣется, разнузданная, выражаетъ въ жизни не самостоятельность, а самодурство. Рабы становятся непремѣнно деспотами при малѣйшей возможности, но и деспотизмъ ихъ не есть проявленіе ихъ личности, а невольное подражаніе деспотизму старыхъ господъ. Въ жизни — при маломальски хоро-

ней и комфортабельной постановкѣ, отецъ рѣшительно перенималъ деспотизмъ дѣда, но, конечно, по отсутствію крѣпкой закваски въ его натурѣ, проявленія никогда не носили долго серьезнаго оттѣнка, а разрѣшались почти всегда комически.

Но тѣмъ-то и дорогъ въ особенности мой отецъ, какъ субъектъ изслѣдованія, что онъ былъ умный и вмѣстѣ нравственно-дѣятельный человѣкъ, совершенно въ родѣ того, котораго вы можете представить себѣ, читая „Дневникъ студента". Недаромъ, съ авторомъ этого Дневника, покойнымъ Жихаревымъ, онъ сохранилъ отношеніе дольше, чѣмъ съ другими своими товарищами по университетскому пансіону, хотя Степанъ Петровичъ и чины большіе произошелъ, а онъ такъ и остался на всю жизнь титулярнымъ совѣтникомъ...

Всѣхъ этихъ общихъ основъ натуры отца я коснулся только для того, чтобы объяснить, какими *онъ* долженъ былъ жить умственными и литературными вѣяніями.

Державина онъ уважалъ, какъ уважалъ разныхъ фетишей, съ той только разницей, что его онъ не боялся. Оды его нѣкоторыя онъ читалъ съ извѣстнаго рода декламаціей, чуть что не слезнымъ тономъ, и даже непристойныхъ народій, къ сочиненію которыхъ имѣлъ онъ большую страсть (наслѣдованную, впрочемъ, и мною), никакъ себѣ не позволилъ... Но это именно былъ фетишизмъ слѣпой и безсознательный. Другое дѣло были для него Карамзинъ, въ его первоначальной дѣятельности, и Дмитріевъ въ его сказкахъ, Нелединскій въ чувствительныхъ нѣсняхъ: подъ эти нѣсни и онъ, конечно, по-своему *любилъ* нѣкогда и *нѣжничалъ*, если онъ способенъ былъ хотя какъ нибудь любить и нѣжничать... Сказки Дмитріева были profession de foi полу-скромнаго, полу-нравственнаго воззрѣнія на жизненныя отношенія его эпохи; Карамзинъ въ своей первоначальной дѣятельности чрезвычайно развивалъ сердечную доброту и нѣжность, свойства самыя полезныя для того, чтобы жизнь прожить въ тишинѣ и мирѣ... Поклоненіе Карамзину, какъ историку Государства Россійскаго, было уже онъ слѣпо и нескрепно, какъ фетишизмъ, и въ особенности основывалось на высокихъ чинахъ историографа и близости его ко двору.

Жуковскій прошелъ какъ-то мимо моего отца, не задѣвши его души никакими сторонами. Оно и понятно. Отецъ былъ совсѣмъ земной, плотской человѣкъ; заоблачныя стремленія и заоблачный

лиризмъ были ему совершенно непонятны. Пушкина высоту онъ, какъ умный человѣкъ, не понимать не могъ, но отношеніе его къ Пушкину было какое-то весьма странное. То онъ его бранилъ, какъ писателя развратнаго и, какъ онъ говорилъ, злого,—все это, конечно, въ противоположность Карамзину, котораго всякая страница добротой дышитъ; то, какъ только ему начинали молодые люди цитовать что нибудь изъ Полежаева, напримѣръ, онъ говорилъ: „нѣтъ! это не Пушкинъ!“ отправлялся на другой же день къ знакомому книжнику въ „городъ“ (гостиный дворъ); привозилъ какую либо поэму Пушкина и съ увлеченіемъ, хотя съ старою декламаціею, читалъ ее вслухъ. Злыми же писателями, но въ высшей степени талантливыми, считалъ онъ Грибоѣдова и автора „Ума“ и „Войнаровскаго“, ставя послѣдняго чуть-ли по размаху не выше Пушкина. Къ Марлинскому, которому поклонялась молодежь, питалъ онъ очень мало сочувствія.

Все это, и старое, и новое носилось вокругъ меня, читалось за полночь отцомъ и Сергѣемъ Ивановичемъ въ спальнѣ отца и матери, подлѣ моей дѣтской, читалось цѣлымъ гуртомъ, безразлично... и Пушкинъ, и Марлинскій, и „Исторія Государства Россійскаго“, и „Иванъ Выжигинъ“, и „Юрій Милославскій“, и романы Вальтера Скотта, выходившіе тогда безпрестанно въ переводахъ съ французскаго.

Чтеніе производилось пожирающее. Но въ особенности съ засосомъ, сластью, искреннѣйшею симпатіею и жадностью читались романы Радклифъ, Жанлисъ, Дюкре-Дюмениля и Августа Лафонтена.

О нихъ, о томъ мірѣ, которымъ населяли они дѣтское воображеніе, я считаю нужнымъ поговорить въ особенной главѣ.

VII.

ЗАПОЗДАЛЫЯ СТРУИ.

Кромѣ этихъ живыхъ, въ самомъ воздухѣ жизни носившихся вѣяній, кругомъ меня и—буквально, не метафорически говоря, вокругъ моей дѣтской постели шелестили еще впечатлѣнія былого, уже прожитаго времени... Собственно, только что числились прожитыми эти впечатлѣнія, и не смѣнены совершенно, а только что заслонены нѣсколько были они новыми отвѣтами на новыя требованія жизни, продолжая тѣмъ не менѣе дѣйствовать, вліять,

воспитывать... Они, пожалуй, принадлежали уже къ роду тѣхъ впечатлѣній, въ силѣ которыхъ на душу не охотно сознаются молодыя, свѣжія поколѣнія, но тѣмъ не менѣе они отяготѣли на нихъ неизбѣжнымъ наслѣдствомъ, засѣли въ нихъ цѣлымъ органическимъ, неотдѣлимымъ отъ души міромъ.

То былъ, какъ я уже сказалъ, міръ старыхъ—и, разумѣется, переводныхъ романовъ, черезъ посредство которыхъ въ новыя волны жизни вливались многоразличныя, болѣе или менѣе запоздалыя струи былого времени.

Моя дѣтская комната была подлѣ спальни отца и матери, и кроватка стояла у самыхъ дверей, такъ что и старинно-патетическое чтеніе отца, и сентиментально-дьячковское и монотонное чтеніе Сергѣя Иваныча были мнѣ слышны до слова въ продолженіе ночи, кромѣ того уже, что никто не препятствовалъ мнѣ слушать, прижавшись гдѣ-нибудь въ уголку, чтеніе вечеромъ, начинавшееся обычно послѣ пяти часовъ, т.-е. по окончаніи вечерняго чая въ моей комнатѣ, служившей вмѣстѣ и чайною. Развѣ только отецъ иногда замѣтитъ, да и то больше „для проформы“ (какъ онъ выражался насчетъ разныхъ оффиціальностей): „ты бы шелъ лучше въ залу съ Маришкой играть“, а Маришка, т.-е. Марина, была дѣвочка моихъ лѣтъ, нарочито для удовольствія барчонка привезенная изъ Владимірской деревни; но о непремѣнномъ выполненіи своего замѣчанія отецъ нисколько не заботился, самъ слишкомъ увлекаясь интересомъ читаемаго,—да развѣ, если ужъ что-либо слишкомъ страшное или слишкомъ скандальное очень явно предвидѣлось въ дальнѣйшемъ ходѣ читаемаго, то высылалъ меня вонъ съ авторитетомъ родительской власти. Да и на то были средства. Коли только вечеръ былъ не лѣтній, т.-е. коли я, volens-nolens, не долженъ былъ отправляться на дворъ или въ садъ, я, съ замираніемъ сердца, на цыпочкахъ прокрадывался въ дѣвичью, находившуюся подлѣ моей комнатки, усаживался около шившей у дверей Лукерьи и, не мѣшая ей разговорами, прислонялся ухомъ къ дверямъ и опять-таки, съ маленькимъ перерывомъ, прослушивалъ отъ слова до слова привлекательные уже самою таинственностью своей страхи или скандалы... Ну, а лѣтомъ другое было средство. Я тщательно замѣчалъ всегда, куда кладетъ отецъ читаемую книгу: онъ же, какъ человѣкъ порядка, и клалъ-то ее всегда на опредѣленное мѣсто на верхъ бюро, на лѣвую сторону, подъ календарь. Затѣмъ, на другой день

утромъ, въ часы, когда по уходѣ Сергѣя Иваныча я долженъ былъ зазубривать краткій катехизисъ, или исключенія третьяго латинскаго склоненія, или велерѣчивыя повѣствованія Матвѣя Шрекка о царяхъ вавилонскихъ и ассирійскихъ, я уловлялъ ту минуту, когда мать въ болѣзненномъ настроеніи начинала пилить, грызть и ѣсть Лукерью, или въ добромъ—усердно занималась перекладкою вещей и бѣлья въ комодахъ, бесѣдуя мирно съ тою же ненавидимою и вмѣстѣ странно любимою, постоянно грязною и вмѣстѣ странно любившею ее Лукерьею,—я воровалъ книгу, и держа всегда наготовѣ для ея прикрытія латинскую грамматику Лебедева, пожиралъ неслышанныя мѣста и перечитывалъ даже слышанныя или забѣгалъ впередъ. Подходила мать—въ дурномъ расположеніи духа пилить меня и немилосердно чесать мнѣ голову, а въ хорошемъ—ласкать и звать кофій пить, я, какъ ни въ чемъ не бывало, прикрывалъ запретную книгу почтеннымъ трудомъ заслуженнаго профессора и принимался громко зудить Iteriitineris, или: „по дѣлу виденъ художникъ, и такъ какъ художникъ бываетъ всегда совершенѣе своего дѣла“ и проч... Затѣмъ, пользуясь какимъ-либо выходомъ матери въ дѣвичью, съ легкостью серны прыгалъ въ спальню и клалъ книгу на обычное мѣсто, а когда возвращался Сергѣй Иванычъ и оффиціально грозно требовалъ отчета въ утреннихъ занятіяхъ, я, постоянно не зная исключеній третьяго склоненія, съ несодѣянною наглостью ссылался на то, что сидѣлъ цѣлое утро, и что маменька, дескать, видѣла...

Впрочемъ, повторяю еще, отецъ болѣе „для проформы“ прибѣгалъ къ такого рода изгнаніямъ, чтобы, такъ сказать, совѣсть не зазрила и долгъ родительскій въ нѣкоторомъ родѣ былъ исполненъ—а самъ внутренно, и по собственнымъ отроческимъ воспоминаніямъ, и какъ весьма умный практическій человѣкъ, былъ глубоко убѣжденъ въ безполезности всяческихъ запрещеній... Въ этомъ, въ особенности впослѣдствіи, подростая, я все болѣе и болѣе могъ бы убѣждаться, кабы смотрѣлъ только на вещи попроще. Онъ смотрѣлъ на все сквозь пальцы и видимо хотѣлъ смотрѣть такъ... ну, достигало что-нибудь противъ его воли до его вѣдома, онъ принимался за „проформы“ и „асандаль“ въ ходъ пускалъ. Жаль, что съ полною ясностію сознавалъ я такія его свойства только тогда уже, когда мнѣ въ томъ не было нужды. Вообще отъ многихъ бы моральныхъ мукъ избавилъ я себя, если-бы „неестественѣе“ относился къ дѣламъ міра сего... Вопросъ только въ томъ, могъ

ли я, воспитавшійся подъ тѣми вѣяніями, о которыхъ имѣю честь вамъ повѣствовать въ точности и подробности, и воспринимавшій ихъ всѣ совершенно въ серьезъ — понимать даже естественное отношеніе къ дѣламъ міра сего. Передо мною долго, очень долго ходили не люди живьемъ, а образы романовъ или образы исторіи. Сколько нибудь естественнаго отношенія къ жизни и къ людямъ я долженъ былъ добиваться отъ себя трудомъ несравненно болѣе упорнымъ, нежели тотъ мозговой процессъ, который былъ потребенъ для усвоенія отвлеченностей Феноменологіи Духа. Болью сердца, язвами самолюбія покупалось впослѣдствіи это сколько-нибудь естественное отношеніе!

И все-таки не честно въ высшей степени было бы винить и вѣянія вѣка, подорвавшія во мнѣ въ корнѣ естественность отношеній къ жизни,—и отца, который мало заботился о томъ, чтобы подрѣзывать ранніе и неправильные побѣги развивавшагося въ его глазахъ растенія. Я той вѣры—въ сорокъ два года, надѣюсь, можно имѣть смѣлость на такую вѣру, я той вѣры, что остановивъ побѣгъ жизненной силы въ одну сторону, она ударится въ другую. Не развейся во мнѣ съ ужасающею силою жизнь мечтательная, развилась бы съ такою же жизнь животная, а что лучше или хуже — рѣшить право трудно. Отецъ инстинктивно, кажется, понималъ это, и притомъ самъ, какъ человѣкъ положительно-чувственный, жизни души не придавалъ большого значенія. Въ этомъ, равно какъ и въ любимомъ своемъ присловьѣ: „перемелется — все мука будетъ", онъ, конечно, ошибался, и впослѣдствіи, когда на его глазахъ, даже въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ брожение не перемалывалось въ муку, могъ наглядно убѣдиться въ своей ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ въ томъ, что онъ не прибѣгалъ къ стѣснительнымъ и запретительнымъ мѣрамъ, я считаю его совершенно, хотя тоже инстинктивно, правымъ...

Разскажу вамъ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ опытовъ по этой части, хотъ друзья мои начинаютъ уже сильно бранить меня за мои безсовѣстныя вставки и отступленія. Довелось мнѣ быть наставникомъ одного крайне лѣниваго и крайне же даровитаго отрока—кушо съ весьма положительнымъ гувернеромъ-англичаниномъ, честнѣйшимъ и ограниченнѣйшимъ господиномъ мѣщанскаго закала, какого только удавалось мнѣ въ жизни встрѣтить [1]). Ме-

[1]) Весь разсказываемый далѣе эпизодъ относится ко времени дѣятельности Григорьева, какъ воспитателя въ семьѣ кн. Трубецкого, съ которой онъ въ 1857 году уѣхалъ въ Италію. *Прим. В. Г.*

тоды образованія отрока были у насъ съ нимъ діаметрально противоположны. Гувернеромъ я не былъ, да и никогда бы, по чистой совѣсти, не только мальчика, но даже щенка не принялъ бы подъ свое руководство, но быть образователемъ я взялся и даже охотно взялся, потому-что я люблю это дѣло да и не лишенъ къ нему способностей. Сталъ я къ нему поэтому въ совершенно свободное отношеніе: я сразу понялъ, конечно, что отъ малаго почти что шестнадцати лѣтъ, у котораго глаза разгораются на всякую мало-мальски пеструю фіористку [1]), которыхъ такъ много въ милой Città dei Fiori и которыя всѣ—сказать par parenthèse—предобрыя, что отъ такого малаго нечего желать и требовать не только что зубренья уроковъ, но вообще занятій въ классной комнаты требовать совершенно безполезно: когда ему? и на пьяццетѣ въ отличномъ экипажѣ всякій день показаться, и въ театрѣ побывать въ разныхъ ложахъ, и проч. А съ другой стороны, я также хорошо понялъ, что съ малымъ,—который, прочтя разъ сколько-нибудь заинтересовавшую его страницу, удержитъ ее навсегда въ памяти, или воротясь изъ новой оперы, катаетъ на роялѣ всѣ ея сальянтныя [2]) мѣста, съ гармоническими ходами и оркестровыми эффектами—много сдѣлаешь часа въ четыре въ сутки, и добросовѣстно отдалъ въ его распоряженіе столько своего времени, сколько самъ онъ хотѣлъ и могъ взять. Главное то, что я понялъ всю безполезность и даже положительный вредъ разныхъ запретительныхъ мѣръ, и отъ души хохоталъ, хохоталъ порою до сумасшествія, когда онъ показывалъ мнѣ строки, замаранныя въ исторіи римскихъ императоровъ его высоконравственнымъ гувернеромъ. Увы! онъ только эти-то строки и выучилъ наизусть по другому, конечно, экземпляру изъ исторіи римскихъ императоровъ. Но высочайшая прелесть запретительной системы обнаружилась, когда мудрый и чинный наставникъ въ день рожденія (воспитаннику было уже шестнадцать лѣтъ и онъ состоялъ уже въ ближайшемъ знакомствѣ съ прекрасной половиной одного престарѣлаго и прескупого грека, подчинявшагося однако общему правилу образованнаго общества имѣть свою ложу въ Перголѣ [3]), подарилъ ему

---

[1]) Продавщицу цвѣтовъ.

[2]) Выдающіяся (saillant).

[3]) Извѣстный Teatro della Pergola во Флоренціи, одинъ изъ самыхъ старыхъ театровъ въ Европѣ. *Примѣч. В. О.*

изданіе Family-Shakspeare [1]). Шекспира англичанинъ хотя зналъ очень плохо и, кажется, внутри души считалъ его просто только непристойнымъ и безнравственнымъ писателемъ, но увидѣлъ съ сокрушеннымъ сердцемъ тяжкую необходимость рѣшиться на такой подарокъ... Вотъ гдѣ можно было окончательно дознаться, съ какими цѣлями издаются Фомили-Шекспиры и другія editiones castratae на пользу юношества. Первымъ дѣломъ, разумѣется, нашъ отрокъ стянулъ у меня моего нефамильнаго Шекспира, добросовѣстнѣйшимъ образомъ вписалъ въ свой экземпляръ пропущенныя или неправленныя мѣста, добросовѣстнѣйшимъ образомъ ихъ выучилъ и безсовѣстно мучилъ ими каждое утро своего добродѣтельнаго надзирателя...

Да къ иному результату — Фомили-Шекспиры и вообще запретительныя мѣры, прилагаемыя къ живымъ и даровитымъ натурамъ и вести, конечно, не могутъ... Съ другой стороны, нельзя же, конечно, и прямо все въ руки совать отрокамъ. И выходитъ поэтому, что правъ былъ вполнѣ мой отецъ, смотрѣвшій и желавшій смотрѣть на все сквозь пальцы, чтобы и отеческое достоинство не страдало, да и свобода бы развитія человѣческаго сколько можно не стѣснялась.

Въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ обращеніи между обычными читателями великой всячины находились уже, конечно, не Кандидъ г. Вольтера, не Ангеоровы путешествія, не кумъ Матвѣй [2]) и даже не Фоблазъ. Со всѣми этими прекрасными и назидательными сочиненіями познакомился я уже послѣ, въ эпоху позднѣйшую даже, чѣмъ студенчество. Струя нахально-разсудочнаго или цинически сладострастнаго созерцанія жизни, обѣжавшая по этимъ дореволюціоннымъ продуктамъ, уже собѣжала и смѣнилась иною, въ свою очередь тоже собѣгавшею уже струею—такъ сказать, реакціонною. Средніе вѣка — которые были, какъ время мрака и невѣжества, отрицаемы „вѣкомъ разума"—мстили за себя. Они, хоть на первый разъ по возобновленіи и совершенно ложно понятые,—заняли почти-что всевластно человѣческое воображеніе. Рыцарство, съ одной стороны,—таинственности загробнаго міра и сильныя страсти съ мрачными злодѣи-

[1]) Изданіе Шекспира для юношества и семейнаго чтенія.

[2]) „Кумъ Матвѣй, или превратности человѣческаго ума" (Москва, 1803)—переводный съ французскаго романъ, подвергшійся у насъ запрещенію и конфискаціи, вслѣдствіе своего фривольнаго содержанія. *Примѣч. В. С.*

ніями—съ другой... вотъ что дразнило немалое время вкусъ публики, которой пріѣлись и нахальство голаго разсудка и безцеремонная чувственность былого времени. Уже самый „Фоблазъ"—книга стоящая, такъ сказать, на грани двухъ направленій: сказка, интрига весьма спутанная и сложная играетъ въ немъ роль нисколько не меньшую чувственности—и исторія Лодоиски имѣетъ въ немъ уже весь характеръ послѣдующаго времени, романовъ г-жъ Жанлисъ и Коттенъ [1]). Сказка, интрига, чудесное и таинственное, должны были на-время занять человѣческій умъ—именно потому, что крайнія грани революціоннаго мышленія и созерцанія были крайними гранями его собственнаго истощенія. Послѣ фанатически чувственнаго культа разума гебертистовъ и послѣ сентиментально-сухого культа Высшаго Существа, признаннаго и освященнаго Робеспьеромъ, итти дальше было некуда. Замѣчательно, что самое освященіе этого культа добродѣтельнымъ ученикомъ Жанъ-Жака, сливалось уже съ смѣшными бреднями и мистеріями вдовицы Катерины Тео (Théos).—Кромѣ того, пресытившись тщетой различныхъ утопій будущаго, одна за другою оказывавшихся несостоятельными, человѣчество на-время поворачивало назадъ оглобли и переселяло свои мечты въ прошедшее.

Такъ было, конечно, преимущественно въ той странѣ, въ которой революціонное движеніе совершилось въ самой жизни, а не въ одномъ мышленіи, т.-е. во Франціи, и обращая взглядъ на сказки, дразнившія и тѣшившія вкусъ ближайшаго послѣреволюціоннаго поколѣнія—надобно непремѣнно имѣть это въ виду и строго различать струи, бѣгущія по романамъ, хотя бы, напримѣръ, англичанки Анны Редкляйфъ, или Радклифъ, какъ обычно писали у насъ ея имя, чопорной гувернантки герцога Орлеанскаго г-жи Жанлисъ, или слезливой г-жи Коттенъ и добродѣтельно-сентиментальнаго Дюкре-Дюмениля—и нѣмцевъ Клаурена и Шписса. Все это имѣетъ, пожалуй, одну общую исходную точку, и эту точку можно, пожалуй, назвать реставраціей среднихъ вѣковъ—но не вездѣ слово реставрація однозначительно въ этомъ отношеніи съ словомъ „реакція".

Талантъ, напримѣръ, Анны Радклифъ и ея магическое вліяніе на бывалыхъ читателей—не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Покойный А. В. Дружининъ въ одномъ изъ своихъ „Писемъ ино-

[1]) Французскія писательницы сентиментальнаго направленія, бывшія у насъ въ большомъ ходу въ эпоху Карамзина, который самъ въ юности много переводилъ изъ нихъ. *Примѣч. В. С.*

городнаго подписчика“ [1]), съ своими всегдашними качествами чуткости и тонкости, написалъ нѣсколько блестящихъ и даже эстетически глубокихъ страницъ о значеніи и обаятельной силѣ множества сторонъ въ произведеніяхъ нынѣ забытой романистки, передавши искреніе свои впечатлѣнія отъ этой живописи мрачныхъ разсѣлинъ и подземелій, звѣрскихъ страстей и вмѣстѣ самыхъ чинныхъ, англійски нравственныхъ жизненныхъ воззрѣній—живописи, съ колоритомъ иногда совершенно Рембрандтовскимъ... но онъ не коснулся историческихъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ этой живописи и ее породившихъ,—не коснулся разницы неизмѣримой, лежащей, напримѣръ, между этимъ родомъ и полнѣйшею, чисто уже реакціонною реставраціею, совершенною уже впослѣдствіи Вальтеръ-Скоттомъ въ его романахъ. Дѣло въ томъ, что отношенія знаменитой романистки къ изображаемому ею міру были не такъ опредѣленны, конечно, какъ отношенія Вальтеръ-Скотта къ его міру, ибо у нея прежде всего недоставало огромнаго запаса его свѣдѣній; но едва ли ея отношенія не были болѣе непосредственны; едва ли не болѣе органически сложились въ ней ея вкусъ и созерцаніе... Вальтеръ-Скоттъ нѣкоторымъ образомъ *сдѣлался*, Анна Радклифъ *родилась*—родилась прямо съ своею страстью къ развалинамъ, подземельямъ и могиламъ, съ своимъ нервическимъ чутьемъ жизни тѣней, привидѣній и призраковъ, съ своей отзывчивостью на мрачныя и звѣрскія страсти—и родилась притомъ изъ самой глуби англійскаго духа, изъ того же мрачнаго сплина, который у величайшаго представителя націи сказался сценою Гамлета на кладбищѣ и потомъ могущественно-односторонне сосредоточился въ Байронѣ. Я говорю здѣсь, конечно, не о силѣ таланта, а о его источникахъ, говорю о томъ, что Анна Радклифъ была талантъ глубоко-искренній,—чѣмъ и объясняется ея преимущественное, преобладавшее и магическое вліяніе на мысль читателей, повсемѣстно колоссальный успѣхъ ея романовъ, поколебленный—да и то не скоро—только успѣхомъ чрезвычайно искусныхъ издѣлій шотландскаго романиста [2]).

Съ другой стороны, писатели рыцарскихъ романовъ въ Германіи—какъ напримѣръ, Шписъ, Клаурень (кажется, Клаурень—

---

[1]) Такъ назывались литературные фельетоны Дружинина въ „Современникѣ“.

[2]) О романахъ Радклифъ и Шписа и ихъ вліяніи на русскую литературу см. небольшой, но содержательный и цѣнный очеркъ *Козмина:* „О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго“ (СПб., 1904). *Примѣч. В. С.*

авторъ „Могильщика“,—„Урны въ уединенной долинѣ“ и проч.)—хотя постоянно заняты рыцарствомъ, фантастическимъ и Средними вѣками, но вовсе не принадлежатъ къ послѣдующей реакціонной реставраціи средневѣковаго міра, послѣдствіями которой были: сочиненный, искусственный католицизмъ Гёрреса и братьевъ Шлегелей, да „вольныя“ сумасшествія „доктора любви“ Захарія Вернера, этого „сумасшедшаго, который вообразилъ себя поэтомъ“, какъ мѣтко выразился о немъ геніально остроумный авторъ писемъ о дилетантизмѣ въ наукѣ, Шиллеръ,—и вообще писатели тогдашнихъ нѣмецкихъ рыцарскихъ романовъ принадлежали къ другому періоду, къ такъ называемому Sturm-und-Drang-Periode нѣмецкой литературы, періоду, начатому вакхическими возліяніями Клопштока и его друзей передъ Ирминовымъ столпомъ (Irmin Säule) и блистательнѣйшимъ образомъ выразившемуся въ желѣзнорукомъ „Гёцѣ фонъ Берлихингенѣ“ Гёте да въ „Разбойникахъ“ Шиллера—періоду, скорѣе разрушительному, чѣмъ реакціонному. Древняя Германія, затѣмъ рыцарство и Средніе вѣка были для этого титаническаго поколѣнія знамена борьбы, а не отдыха—и кинжалъ, который безъ подписи горѣлъ надъ безвѣстною могилой безразсуднаго убійцы филистера Коцебу [1]), былъ прямымъ послѣдствіемъ тевтонско-революціоннаго движенія. Разумѣется, все это относится не къ скучнымъ и длиннымъ романамъ Шписса, а къ тому направленію, за которымъ ковыляли эти и подобные имъ романы, къ той струѣ, которая бѣжитъ по нимъ.

Знаю—не могу не сдѣлать опять отступленія—что меня настоящее молодое поколѣніе, если только—что весьма сомнительно—оно пробѣжитъ мои записки,—попрекнетъ въ темнотѣ и даже неопредѣленности изложенія,—но вѣдь не могу же я писать цѣлые томы для разъясненія вещей, очень близко и коротко знакомыхъ и мнѣ, и всѣмъ моимъ сверстникамъ, хотя, конечно, съ другой стороны, не могу и требовать, чтобы молодое поколѣніе перечло всю ту ерунду, изъ рода разныхъ: „Рыцарей Льва“, „Рыцарей Семи горъ“, „Уллогорнаго старца“, „Старика вездѣ и нигдѣ“ [2])—ко-

[1]) Карла Занда; см. стихотвореніе Пушкина „Кинжалъ“.

[2]) „Рыцари Льва, историческій романъ, заимствованный изъ лѣтописей XIII вѣка“, соч. Шписса, пер. съ нѣмец., 10 частей (Москва, 1819 г.): „Рыцари Семи горъ, происшествіе тринадцатаго столѣтія“, пер. съ француз., (Москва, 1808 г.): „Уллo, горный Бардъ, или страшилища въ скалахъ Хиллы“, перев. съ англ., 6 частей (Москва, 1809 г.): „Старикъ вездѣ и нигдѣ“, соч. Шписса, пер. съ нѣмец., (Москва, 1809 г.). *Примѣч. В. С.*

торую мы перечитали. Во всякомъ случаѣ общаго знанія хода исторіи литературъ и значенія литературныхъ періодовъ я имѣю основаніе требовать отъ того, кому благоугодно будетъ разрѣзать эти страницы „Эпохи“ съ намѣреніемъ пробѣжать ихъ, и добросовѣстно предупреждаю его насчетъ необходимости этого общаго знанія. Мнѣ некогда разсказывать исторію нѣмецкой, или англійской, или французской литературы, и передавая тѣ вѣянія, которыя онѣ приносили нашему поколѣнію, я поневолѣ долженъ ограничиваться намеками.

Струя, которая бѣжитъ по этимъ старымъ рыцарскимъ нѣмецкимъ романамъ—весьма сложная струя. Эти гонимыя добродѣтели и угнетаемыя злодѣями невинности, которыя защищены всегда, или прямо таинственными загробными силами, или добродѣтельными рыцарями, обязанными по уставамъ своихъ братствъ поражать зло и поддерживать страдающую правду; эти тайныя судилища, фемгерихты, потайнымъ кинжаломъ творящіе судъ и правду въ безправномъ и разрозненномъ, лишенномъ единства (котораго и понынѣ не достигла Германія) [1]) обществѣ,—эти мракъ и тайна, которыми окружены поборники праваго дѣла, какіе нибудь рыцари Льва или Семи горъ, эта вѣчная чаша св. Грааля, парящая въ высяхъ небесныхъ—все это не одна любовь къ Среднимъ вѣкамъ и къ реставраціи—далеко не одна. Тутъ и месмеризмъ XVIII вѣка съ его духами и духовидцами, тутъ и иллюминатство Вейсгаупта или розенкрейцерство съ ихъ тайнами, символами и потайными кинжалами—тутъ, наконецъ, главнымъ образомъ, ужасное убѣжденіе въ полнѣйшемъ безправіи разрозненнаго общества и не менѣе же ужасное убѣжденіе въ полнѣйшей необходимости постояннаго дѣйствія сверхъестественныхъ или сверхъобщественныхъ и, стало быть, противуобщественныхъ силъ—убѣжденіе, высказавшееся у двухъ великихъ художниковъ Германіи образами Карла Моора и Гёца фонъ-Берлихингена, а въ жизни—безумнымъ мученичествомъ Занда... Мудрено ли, что какъ ни плохи и ни длинны издѣлія Шписса, Клаурена и другихъ рыцарскихъ романистовъ того времени, но струи, бѣгущія по нимъ, дѣйствовали сильно и на воображеніе и на чувство читавшей массы.

Наконецъ, что касается до французскихъ романовъ этого времени, то они также отличались совершенно особеннымъ характеромъ и притомъ вовсе еще не реакціоннымъ и даже не ретав-

[1]) Напомнимъ, что статья Григорьева написана въ 1864 году, т.-е. до объединенія Германіи. *Примѣч. В. С.*

раціоннымъ. Я говорю, конечно, о романахъ, преимущественно ходившихъ въ обращеніи въ публикѣ, т.-е. въ читающей черни, о романахъ Дюкре-Дюмениля, г-жъ Жанлисъ и Коттенъ, а не о романахъ Шатобріана или г-жи Сталь. „Викторъ, или дитя въ лѣсу", „Слѣпой у источника св. Екатерины"—произведенія перваго изъ поименованныхъ мною романистовъ, „Рыцари Лебедя" г-жи Жанлисъ—и знаменитая „Матильда, или крестовые походы" г-жи Коттенъ—вотъ что составляло насущную пищу читающей „публики", преимущественно женской ея половины. Дюкре-Дюмениль завлекалъ своими сложными и запутанными интригами, да разными ужасами, хоть и не тонко, но зато крайне расчетливо придуманными. Надъ „Матильдой" проливалось несчетное количество слезъ, и Малекъ-Аделемъ ея рѣшительно бредили барыни и барышни, ровно до тѣхъ поръ, пока его смѣнили герои Виконта д'Арленкура, представителя новой, уже чисто реставраціонной и реакціонной струи. Скучнѣе всего были романы г-жи Жанлисъ, хотя по странной игрѣ судьбы въ упомянутомъ мною пошломъ ея издѣліи „Рыцари Лебедя"—можетъ быть, нагляднѣе всѣхъ другихъ выражался тогдашній французскій до-революціонный духъ и его тогдашнее отношеніе къ Среднимъ вѣкамъ, рыцарству и проч., такъ что даже весьма скандальныхъ непристойностей немало въ произведеніи сухой и чинной гувернантки Орлеанскаго, а легкомысліе общаго взгляда на жизнь доказываетъ, что не безслѣдно прошло для нея знакомство съ сочиненіями Вольтера и съ нимъ самимъ. Да и рыцари, взятые ею напрокатъ, безъ малѣйшаго знакомства съ исторіею, изъ временъ Карла Великаго, нисколько не похожи на рыцарей нѣмецкихъ романовъ: это люди очень легкомысленные и вѣтреные,—помимо, конечно, ея вѣдома—вышедшіе у нея точно французскими и даже провансальскими рыцарями—или резонеры, разсудочные люди, схожіе какъ двѣ капли воды съ типами французскихъ буржуа... О г-жѣ Коттенъ я не распространяюсь, потому что хоть она и больше, можетъ быть, читалась, но въ сущности менѣе характеристична. Дюкре-Дюмениль, какъ я уже сказалъ, бралъ преимущественно запутанностью сказки. Чрезвычайно важно то только, что во всѣхъ этихъ совершенно различныхъ одинъ отъ другого романистахъ, во всѣхъ,—если прибавить къ нимъ еще и г-жу Монтольё -автора знаменитой тоже тогда „Каролины Лихтфильдъ" и „Амалія, или хижина среди горъ" [1]),—

[1]) Въ данномъ случаѣ память, повидимому, измѣнила Григорьеву; по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ трудѣ Керара: „La France littéraire" въ подробномъ

несмотря на всю ихъ пошлость, общій французскій духъ и конецъ восемнадцатаго вѣка выражаются все-таки очень ярко и наглядно, и въ легкомысліи, и въ чувственности, и въ мѣщанской разсудочности взгляда на жизнь. Та нравственность, къ которой они клонятъ, и та мораль, которая изъ нихъ выводится, вовсе не то, что чопорный пуританизмъ Радклифъ, или добродѣтель, проповѣдуемая Шписсомъ. Она гола и суха до крайней пошлости, не обвита ни силлическимъ мракомъ, ни нимбомъ таинственности — и совершенно практична. Сочинялись эти издѣлія по чисто внѣшнимъ, а ужъ никакъ не по внутреннимъ побужденіямъ. Не стремленіе къ Среднимъ вѣкамъ, къ таинственному или ужасному порождало ихъ, съ ихъ крестовыми походами, замками и подземельями, таинствами и ужасами, а просто мода и прихоть. Вкусъ къ разбойникамъ пошелъ отъ Шиллера—т.-е. отъ того Mr. Gilles, auteur allemand, которому юная республика посылала гражданскій патентъ и котораго Карлъ Моръ передѣлался на французской сценѣ въ Robert, chef des brigands—таинства, подземелья и ужасы были простымъ соревнованіемъ громадному успѣху романовъ Анны Радклифъ. Въ серьезъ еще ничто подобное не принималось французскимъ духомъ. Еще не явилась знаменитая книга г-жи Сталь о Германіи, а Шатобріанъ еще только обдумывалъ свой Génie du christianisme, еще поспѣлъ только въ душѣ психологическія исповѣди Рене и Эвдора. Писались просто сказки, бившія на занимательность и прошпигованныя насквозь, съ одной стороны—сентиментальностью, которой, какъ винограднымъ листикомъ, прикрывалась, и не всегда удачно, чувственность; да нравственностью, которая въ переводѣ на чистый французскій языкъ значила и значитъ всегда, какъ извѣстно, разсудочность. Но этимъ-то лицемѣріемъ и важны эти пошлыя издѣлія, предназначавшіяся для потребленія читающей черни. Лицемѣріе сентиментальности и нравственности—вещь весьма понятная послѣ чувственныхъ сатурналій, начатыхъ философомъ Дидро и законченныхъ маркизомъ де-Садомъ.

перечнѣ сочиненій и переводовъ г-жи де-Монтольё мы не нашли романа подъ заглавіемъ: „Амалія, или хижина среди горъ", если только онъ не скрывается подъ сходнымъ титуломъ: „Le châlet des Hautes-Alpes" (Paris, 1813): провѣрить это мы, однако, не имѣли возможности. Въ „Росписи" Смирдина указана книга: „Амалія, или хижина среди горъ"; соч. П. Зрихова; 4 части, Москва, 1827—28 гг.; вѣроятно, это „Россійское сочиненіе" представляетъ собой передѣлку какого-либо иностраннаго романа,—можетъ быть, той же г-жи Монтольё. *Примѣч. В. С.*

Была, однако, еще струя, еще болѣе запоздалая, но за то гораздо искреннѣй мутная, въ которой старый, до-революціонный XVIII вѣкъ сказывался совершенно животненными отрыжками. Эта струя бѣжала сильно въ произведеніяхъ одного, тоже изъ любимыхъ писателей читающей черни, въ Пиго-Лебренѣ [1]). Это былъ уже просто писатель-циникъ, хотя надобно отдать ему полную справедливость, несравненно болѣе талантливый, чѣмъ всѣ сантименталисты, и несравненно менѣе противный, чѣмъ любимый писатель послѣдующаго времени, Поль-де-Кокъ,—съ силою комизма неоспоримой, съ наглой искренностью разврата, безъ малѣйшихъ претензій на мораль и добродѣтель, которыя въ Поль-де-Кокѣ гораздо гнуснѣе для здраваго эстетическаго и нравственнаго чувства, чѣмъ его скабрезности. Сочиненій этого весьма откровеннаго господина до сихъ поръ, я думаю, нельзя читать безъ смѣха,—даже характеры и лица умѣлъ рисовать онъ,—и кто, напримѣръ, читалъ когда нибудь „Пажа", тотъ вѣрно не забылъ достолюбезнаго гусара Брандта, вѣрнаго друга барона Фельцгейма и вѣрнаго дядьки его молодого сына, милыхъ сценъ на станціи съ хозяйкой, и старымъ цинкомъ и съ рыжимъ капуциномъ... Прямота и откровенность вольтерьянизма съ его ненавистью къ Monacaille [2]) и дидротизма съ фанатическимъ поклоненіемъ чувственности, слышатся наивно въ подобныхъ сценахъ. Пиго-Лебрена я не могу отнести даже къ числу *вредныхъ* писателей: развратъ у него такъ безцеремонно показанъ, такъ обнаженъ отъ всякихъ завлекающихъ и дразнящихъ покрововъ, что едва ли кого соблазнить можетъ. Я помню, что отецъ, напримѣръ, читая вслухъ „Пажа", высылалъ меня на короткое время изъ комнаты, и что потомъ я, какъ уже разсказывалъ, крадъ по обычаю книгу и, конечно, прочитывалъ съ нѣкоторымъ лихорадочнымъ трепетомъ пропущенныя мѣста: особеннаго дѣйствія они на меня, сколько я помню, не производили, а смѣялся я ужасно, потому что дѣйствительно смѣшно, гораздо смѣшнѣй Поль-де-Кока (котораго, впрочемъ, я какъ-то терпѣть не могъ всегда) писалъ человѣкъ.

Но вся штука въ томъ, что Пиго-Лебренъ—прямой и смѣлый

[1]) Pigault-Lebrun (1753—1835), плодовитый и остроумный писатель, романы и комедіи котораго пользовались въ свое время большой популярностью во Франціи; на русскій языкъ переведенъ его романъ: „Прекрасный пажъ, или арестантъ крѣпости Шилдау" (Москва, 1811—12) указанный Григорьевымъ, и нѣкоторыя другія произведенія.

[2]) Монахамъ, монашеству. *Примѣч. В. С.*

человѣкъ, нахально самъ себя выставлявшій безнравственнымъ писателемъ, „проформа" требовала, чтобы юное воображеніе было удаляемо отъ знакомства съ такимъ цинико мъ. Именно только „проформа", потому что никому не приходило въ голову гнать меня изъ комнаты, когда читались „Природа и любовь", „Вальтеръ, дитя ратнаго поля" и другія произведенія безнравственнѣйшаго изъ писателей того времени, равно помѣшаннаго на чувственности самой ядовитой и дразнящей, какъ на добродѣтели самой пріторно-нѣмецкой, и знаменитаго даже нравственностью и добродѣтелью, нѣмца Августа фонъ Лафонтена [1]). Многимъ, въ особенности помнящимъ только стихъ Пушкина:

Романъ во вкусѣ Лафонтена,

приговоръ мой насчетъ безнравственности этого и другихъ подобныхъ ему въ это время романистовъ покажется, по всей вѣроятности, парадоксальнымъ; но въ сущности, если ужъ говорить о безнравственности или вредѣ литературныхъ произведеній, то дѣло выйдетъ совершенно такъ. Молодое сердце и даже, проще говоря, молодая чувственность не такъ легко, какъ вообще думаютъ, поддаются цинически-нахальному, не таящему себя подъ покровами разврату. До этого надобно дойти, а сначала нужны непремѣнно приманки, покровы, нѣкоторая таинственность, нужно то, что вообще сообщаетъ прелесть всѣмъ запретнымъ плодамъ. Въ самой женщинѣ — натуру благоустроенную влекутъ сначала именно такія же свойства...

Изъ читателей, даже не совсѣмъ молодого поколѣнія, а только нѣсколько помоложе того, къ которому принадлежу я, никто, конечно, не читалъ сентиментально-чувственной дичи добродѣтельнаго нѣмецкаго романиста, съ чѣмъ я ихъ отъ души поздравляю, потому что время, которое было бы употреблено на это совершенно пустое и праздное чтеніе, съ большею пользою пошло, вѣроятно, хоть на игры на свѣжемъ воздухѣ, а тревожное чувство, которое бы оно непремѣнно возбудило въ ихъ существѣ, находило себѣ, и притомъ въ пору, поздиѣе, правильный и жизненный, а не книжный выходъ. Но, съ другой стороны, не совѣстясь я ни мало самъ признаваться и въ этомъ чтеніи, и въ немаломъ вліяніи этого чтенія на мое развитіе. Такъ было, такъ сдѣлалось: я-то, спрашивается, чѣмъ тутъ виноватъ?

[1]) „Природа и любовь, или картины человѣческаго сердца" (Москва, 1805); „Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или вторая любовь нацельна", 6 частей (Москва, 1819). *Примѣч. В. С.*

Представьте вы себѣ вотъ какого рода, напримѣръ, нелѣпую исторію. Живетъ въ какомъ-то нѣмецкомъ захолустномъ городкѣ добродѣтельнѣйшій и честнѣйшій до паточной приторности танцмейстеръ. Совокупляется онъ—бракомъ, разумѣется—съ столь же добродѣтельною, прекрасною и еще болѣе бѣдною, чѣмъ онъ самъ дѣвицею; живутъ они, какъ и слѣдуетъ, т.-е. какъ канарь и канарейка, пересыпаясь непрерывно поцѣлуями и питаясь весьма скудною пищею. Тѣмъ не менѣе, несмотря на скудное питаніе, приживаютъ они сына Вальтера. Вальтеръ выходитъ образцомъ всякой чистоты и добродѣтели. Въ ранней юности онъ встрѣчаетъ какую-то шатающуюся дѣвицу, тоже образецъ чистоты, добродѣтели и невинности, дружится съ нею и препроводитъ онъ съ нею время наичистѣйшимъ образомъ, храня, хотя не безъ волненій и весьма притомъ тревожныхъ, ея чистоту. Какъ ужъ это ему удается, спросите у добродѣтельнаго писателя, ставящаго его какъ нарочно въ самыя затруднительныя положенія... Затѣмъ—какими ужъ именно судьбами, не могу вамъ повѣдать въ точности, ибо нить самой сказки исчезла изъ моей памяти, а еслибъ я вздумалъ ее перечитывать, то вы бы имѣли полнѣйшее право заподозрить меня въ непомѣрной глупости,—Вальтеръ попадаетъ въ какой-то богатый домъ, къ страшному чудаку-старцу, у котораго есть прелестная и невинная, какъ сама невинность, шестнадцатилѣтняя племянница.

Чудаку почему-то и отъ кого-то нужно скрыть на мѣсяцъ свою племянницу и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться въ добродѣтели Вальтера. Въ огромномъ саду его есть уединенный домикъ, клѣтка для канара и канарейки—и вотъ въ этотъ-то домикъ, совершенно однихъ, поселяетъ онъ Вальтера и Леопольдину, обязавши перваго честнымъ словомъ хранить ввѣренную ему чистоту красавицы, а ей самой не сказавши, конечно, ни слова, ибо предполагается вездѣ и всегда, что „у дѣвушекъ ушки золотомъ завѣшены". Можете вообразить себѣ, какую адски-раздражающую нервы жизнь ведутъ сіи чистые голубки цѣлый мѣсяцъ. Я полагаю, что Кукушкина, у которой глаза закатываются подъ лобъ отъ восторга, когда она читаетъ, „какъ препятствія исчезаютъ и два любящихъ сердца соединяются", не разъ и не два, а разъ двадцать перечитывала эту идиллію. Исторія называется: „Вальтеръ, дитя ратнаго поля"—въ россійскомъ переводѣ, разумѣется. Не этотъ впрочемъ Вальтеръ—дитя ратнаго поля, а ребенокъ, дѣйствительно найденный имъ во время битвы и имъ воспитанный. Сказку, повторяю вамъ—я забылъ.

Или вотъ еще, напримѣръ, исторія, которою мой отецъ въ особенности восхищался всегда, живя уже болѣе воспоминаніями, но любя дразнить себя ими, восхищался, какъ Кукушкина—исторія, называющаяся—„Природа и любовь". Вамъ не безызвѣстно, конечно, что послѣдняя четверть XVIII вѣка помѣшалась на природѣ, на первобытной чистотѣ и невинности, бредила о томъ, какъ бы создать, сочинить, хоть искусственно—какъ Вагнеръ во второй части „Фауста" сочинилъ Гомункулуса,—высидѣть, наконецъ, какъ нибудь „человѣка природы". Великій, краснорѣчивый софистъ, добросовѣстнѣйшій и пламеннѣйшій изъ софистовъ, потому именно, что онъ прежде всѣхъ самого себя обманывалъ, Руссо, пустившій въ ходъ и теорію абсолютной правоты страстей въ своей Юліи, и теорію отрѣшеннаго отъ условій воспитанія въ своемъ „Эмилѣ", и *сдѣланную* общественную утопію въ своемъ „contrat social"—если и не выдумалъ эту „природу конца XVIII вѣка", ибо и до него еще было не мало ея выдумщиковъ, то по крайней мѣрѣ силою своего огненнаго таланта и увлекающаго краснорѣчія, самою жизнію, полною мукъ изъ-за нелѣпой мысли и преслѣдованій за нелѣпую мысль, пустилъ ее въ ходъ на всѣхъ парусахъ. Гонимый всѣми и католиками, и кальвинистами, и даже самыми философами, осыпаемый клеветами и бранью Дефонтенея и другихъ подобныхъ личностей, но вмѣстѣ и неподражаемыми сарказмами Вольтера, онъ однако, на извѣстный срокъ времени, вполнѣ торжествуетъ по смерти. Не только что ко гробу его ѣздятъ на поклоненіе всякіе путешественники (помните, какъ какой-то англичанинъ безъ дальнихъ разговоровъ, примехонько спрашиваетъ задумавшагося Карамзина: vous pensez à lui), его слово переходитъ въ дѣло, кровавое дѣло его практическихъ учениковъ Сенъ-Жюста и Робеспьера, а съ другой стороны, разливается какъ ученіе по читающимъ массамъ. Какъ дѣло, оно гибнетъ въ свою очередь, но гибнетъ грандіозно-сурово: какъ добыча читающихъ массъ оно опошляется до крайнихъ предѣловъ пошлости, до чувствительныхъ романсовъ, въ родѣ:

Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела,

до паточныхъ идилліи Геснера и его исторіи о первомъ мореплавателѣ, до романа „Природа и любовь" Августа фонъ Лафонтена...

Воспитываетъ какой-то чудакъ своего сына à la Эмиль, съ еще большими крайностями, въ совершеннѣйшемъ удаленіи отъ человѣческаго общежитія, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи его условій и отношеній, даже разницы половъ—вѣроятно для того, что пусть,

дескать, самъ дойдетъ до всего—славце будетъ... Но выходитъ изъ этого не канва для „Гурона, или простодушнаго"—этой мягкосердовитой и несмотря на легкомысленный тонъ глубокой насмѣшки старика Вольтера надъ модною „природою"—а совсѣмъ другая исторія. Юный Вильямъ—конечно ужъ, какъ слѣдуетъ—образецъ всякой чистоты, прямоты и невинности. Попадается онъ при первомъ столкновеніи съ обществомъ на нѣкоторую дѣвицу Фанни—и приведенный сразу же въ отчаяніе ея совершеннымъ непониманіемъ „природы" и тончайшимъ пониманіемъ женскаго кокетства и женскаго вѣроломства—убѣгаетъ въ далекую Италію. Тамъ онъ, конечно, научается глубоко уважать дикихъ и ненавидѣть угнетающую ихъ, „чадъ природы", цивилизацію, тамъ онъ встрѣчаетъ прелестную Нагиду, имя—конечно, для ясности идеи измѣненное такимъ образомъ русскимъ переводчикомъ, неполнявшимъ, кажется, трудъ перевода „со смакомъ"—показываетъ уже достаточно, что это -нагая, чистая природа. И дѣйствительно, разныя сцены подъ пальмами и бананами совершенно убѣждаютъ въ этомъ читателя—и ужасно раздражаютъ его нервы, если онъ отрокъ, еще ничего не вѣдающій, или старикъ много извѣдавшій и мысленно повторяющій извѣданное. Не даромъ же такъ любилъ чтеніе этого произведенія мой отецъ—и не до преимуществъ дикаго была передъ цивилизованнымъ было, конечно, ему дѣло...

Все это, такъ вы видите, были струи болѣе или менѣе мутныя,—струи запоздалыя, но вносившія свой илъ и тину въ наше развитіе.

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ И НОВЫЯ СТРУИ.

Между тѣмъ новыя струи уже вторгались въ умственную и нравственную жизнь, даже въ ту далеко отставшую отъ общаго развитія, въ которой я воспитывался или воскармливался. Разумѣется, объ отсталости среды говорю я по отношенію къ поколѣнію уже старому, зародившемуся въ послѣдней половинѣ XVIII-го вѣка. Молодое жило всего болѣе тѣми умственными и нравственными вѣяніями современности, которыя и поставилъ я, кажется, по всей справедливости, на первомъ планѣ,—хотя оно, органически связанное съ поколѣніемъ его породившимъ, не могло же уберечься отъ извѣстной доли наслѣдства его впечатлѣній. А съ другой стороны, и поколѣніе старое, если только оно не было уже совсѣмъ дряхлое и находилось въ соприкосновеніяхъ съ жизнію, а стало быть и съ поколѣніемъ, выступавшимъ на поприще жизни—

не могло тоже уберечься, въ свою очередь, отъ воспринятія извѣстной же доли новыхъ впечатлѣній новаго поколѣнія.

Не только мой отецъ, человѣкъ получившій, хоть и поверхностное, но въ извѣстной степени полное и энциклопедическое образованіе его эпохи—даже его чрезвычайно малограмотные товарищи по службѣ, которыхъ уже, кажется, ничто кромѣ взятокъ, описей и погребковъ не могло интересовать—и тѣ не только что слышали про Пушкина, но и читали кое-что Пушкина. Небольшую, конечно, но все-таки какую нибудь часть времени, свободнаго отъ службы и погребковъ, употребляли они иногда на чтеніе, ну хоть съ перепоя тяжкаго,—даже хоть очень небольшую, но все-таки какую нибудь сумму денегъ, оставшихся послѣ житья-бытья да кутежей употребляли, хотя съ-пьяну, на покупку книгъ, пріобрѣтая ихъ преимущественно, конечно, на Смоленскомъ рынкѣ или у Сухаревой башни; нѣкоторые даже библіотеки такого рода пытались заводить. Въ особенности манія къ такимъ совершенно, по мнѣнію женъ ихъ, безполезнымъ покупкамъ распространялась, когда полились неудержимымъ потокомъ россійскіе историческіе романы. Тутъ даже пьянѣйшій, никогда уже не достигавшій совершеннаго трезваго состоянія, изъ секретарей магистрата—прочелъ книжку и даже купилъ у носящаго эту книжку,—хотя не могу съ точностію сказать, потому ли онъ купилъ въ пьяномъ образѣ, что прочелъ,—или потому прочелъ, что купилъ въ пьяномъ образѣ. То была „Танька, разбойница Ростокинская"—которая особенно представлялась ему восхитительною съ кнутомъ въ рукахъ—такъ что онъ купилъ, кажется, даже табакерку съ таковымъ изображеніемъ знаменитой героини.

Но россійскіе историческіе романы принадлежатъ уже къ послѣдующей полосѣ, а не къ этой, кончающейся началомъ тридцатыхъ годовъ и замыкающей въ себѣ изъ нихъ только первые романы Загоскина и Булгарина, только первые опыты россійскаго генія въ этомъ родѣ.

Россійскій геній открылъ родъ этотъ, какъ извѣстно, не самъ, а перенялъ, но проявилъ свою самостоятельность въ изумительномъ его облегченіи и неимѣрной вслѣдствіе такого облегченія плодовитости—о чемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я повторю, конечно, подробнѣе.

Въ ту полосу времени, о которой доселѣ идетъ еще пока у меня дѣло, новыми струями для поколѣнія отжившаго и читающей черни были романы знаменитаго шотландскаго романиста—

или, какъ условлено было называть тогда въ высокомъ слогѣ альманачныхъ и даже журнальныхъ статеекъ—„шотландскаго барда".

„Шотландскій бардъ", возбуждавшій нѣкогда восторгъ до поклоненія, обожаніе до нетерпимости, поглощаемый, пожираемый, зачитываемый цѣлою Европою,—въ порядочныхъ, и нами—въ весьма гнусныхъ переводахъ,—порождавшій и посланія къ себѣ поэтовъ, какъ, напримѣръ, нашего Козлова, и цѣлыя книги о себѣ—въ родѣ, книги какого-то невѣроятно ограниченнаго шотландца, кажется Олена Куницамъ, по прозванію, полной неблагопристойно-тупоумнаго поклоненія, не знающаго уже никакихъ границъ—шотландскій бардъ, говорю я, отошелъ уже для насъ въ прошедшее,—не возбуждаетъ уже въ насъ прежнихъ восторговъ—тѣмъ менѣе можетъ возбуждать уже фанатизмъ. Фактъ и фактъ несомнѣнный—печальный-ли, веселый-ли, это я предоставляю разрѣшать ad libitum—что въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатые годы, сѣро и грязно изданные, гнусно и притомъ съ Дефокопретовскихъ переводовъ переведенные романы его выдерживали множество изданій и раскупались, несмотря на то, что продавались очень не дешево—расходились въ большомъ количествѣ; а въ половинѣ сороковыхъ годовъ затѣяно было въ Петербургѣ дешевое и довольно приличное изданіе переводовъ Вальтеръ-Скотта съ подлинника—да и остановилось на четырехъ романахъ,—да и тѣ-то, сколько я знаю, покупались куда не во множествѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, кто-то, добрый человѣкъ, выдумалъ въ Москвѣ начать изданіе еще болѣе дешевое, хоть и посѣрѣе Петербургскаго, переводовъ съ подлинника Вальтеръ-Скотта и выпустилъ довольно сносный переводецъ: „Легенды о Монтрозѣ" —да на немъ и сѣлъ, по всей вѣроятности за недостаткомъ покупщиковъ—тогда какъ ужасно много разошлось стараго перевода, подъ названіемъ: „Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза".

Habent sua fata libelli—весьма устарѣлая, до пошлости избитая и истасканная, но все-таки весьма вѣрная пословица, только приложимая преимущественно къ временнымъ, такъ сказать, моднымъ, (не въ пошломъ, впрочемъ, а въ важномъ, пожалуй Гегелевскомъ смыслѣ слова), а не къ вѣчнымъ явленіямъ искусства.

Прежде всего я долженъ сказать, что къ таковымъ моднымъ въ искусствѣ явленіямъ, хоть въ своемъ родѣ и въ высшей степени замѣчательнымъ явленіямъ, я причисляю знаменитаго шотландскаго романиста. Сказать это послѣ величайшаго изъ англійскихъ мыслителей—Карлейля, конечно, уже нисколько не смѣло

въ наше время, но дѣло въ томъ, что и въ ранней юности я безъ особеннаго заскока читалъ многія изъ хваленыхъ произведеній Вальтеръ-Скотта, и напротивъ читалъ по нѣскольку разъ и отъ дѣтства до юности съ постоянно живымъ интересомъ нѣкоторыя изъ его же мало извѣстныхъ. На меня весьма малое впечатлѣніе произвелъ, напримѣръ, Айвенго, и я не обинуясь скажу, что на счетъ сказочнаго интереса пресловутый романъ этотъ весьма уступитъ сказкамъ Дюма, и что въ немъ дороги только такія подробности и лица, которыя автору не дороги, потому, явное дѣло, что страстному, хоть и нечестивому храмовнику Бріану читатель гораздо болѣе сочувствуетъ, чѣмъ добродѣтельно-глупому рыцарю Айвенго... На меня совсѣмъ никакого впечатлѣнія не произвели „Вавердей“ и „Вудстокъ“, котораго Оливеръ Кромвель такъ деревянно блѣденъ передъ живою фигурою во весь ростъ великой драмы Гюго, и „Квентинъ Дорвардъ“, котораго захваленный Людовикъ XI, не сходящій почти со сцены въ романѣ, какая-то вялая тѣнь передъ Людовикомъ XI-мъ величайшаго поэта нашего вѣка, хоть въ своей Notre-Dame онъ и пустилъ его только въ двѣ сцены... Да, вѣдь, за то какія эти сцены-то, какой мощи, и поэзіи полны онѣ!.. Не произвели на меня впечатлѣнія и „Ричардъ въ Палестинѣ“ и „Карлъ Смѣлый и Анна Гейерштейнъ“, и сантиментальная „Эдинбургская темница“, и весь на эффектахъ построенный „Кенильвортъ“. Я не стыжусь даже признаться, что „Невѣсту Ламмермурскую“ люблю я, какъ „Лючію“, т.-е. какъ вдохновеніе маэстро Доницзетти и нѣвца Рубини, а не какъ романъ Скотта... и мнѣ кажется, (о варварство! воскликнутъ запоздалые поклонники шотландскаго барда), что дюжинный либреттистъ Феличе Романи выжалъ изъ романа весь сокъ всего истинно-драматическаго, что заключается въ романѣ, разбавивши это драматическое водою неизбѣжныхъ итальянскихъ пошлостей.

А между тѣмъ читалъ я и перечитывалъ въ разныхъ переводахъ и наконецъ въ подлинникѣ „Пирата“ или „Морского разбойника“, какъ называется онъ въ чистомъ и по своему времени изящномъ, хоть и сдѣланномъ съ французскаго, переводѣ замоскворѣцкаго романиста, г. Воскресенскаго, читалъ и перечитывалъ „Монтроза“, читалъ и перечитывалъ „Невериля Пика“... Да! и доселѣ еще живъ передо мною весь со всей обстановкой, со всѣмъ туманно-сѣрымъ колоритомъ уединенный, замкнутый, какъ будто изолированный отъ всего остальнаго міра, міромъ Шотландскихъ острововъ, гдѣ совершается дѣйствіе простой, даже

не исторической, не загроможденной никакими блистательными личностями и событіями, но собственной жизнію полной драмы, совершающейся въ романѣ „Пиратъ“, или—какъ озаглавленъ онъ въ переводѣ г. Воскресенскаго—„Морской разбойникъ“.

Равномѣрно огромное же впечатлѣніе оставила на меня „Легенда о Монтрозѣ“—или „Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза“—по старому его сѣробумажному переводу. О Невериле я не говорю. Я его въ дѣтствѣ не читалъ, а прочелъ уже въ довольно позднюю пору въ подлинникѣ, но во всякомъ случаѣ, причисляю его къ сильнымъ впечатлѣніямъ отъ Вальтеръ-Скотта. Затѣмъ, странное тоже дѣло, одна изъ поэмъ его въ непотребнѣйшемъ переводѣ подъ названіемъ: „Марміона, или битва при Флоддэнфильдѣ“—перечитывалась мною нѣсколько разъ въ дѣтствѣ. Изъ нея превосходно передалъ Жуковскимъ извѣстный отрывокъ: „Судъ въ подземельѣ“, но, повторяю, не въ этомъ художественно-переведенномъ отрывкѣ я съ нею познакомился.

У насъ въ домѣ вообще не особенно любили Вальтеръ-Скотта и сравнительно не особенно усердно его читали. „Морского разбойника“ даже и до конца, сколько я помню, отецъ не дочелъ—такъ онъ ему показался скученъ. „Выслужившагося офицера“ хоть и прочли—но отецъ жаловался на его растянутость, „Марміоны“ же осилили развѣ только страницъ десять. Вообще какъ-то форма изложенія—дѣйствительно новая и притомъ драматическая у шотландскаго романиста—отталкивала отъ него старое читавшее поколѣніе. „Какъ пойдетъ онъ эти разговоры свои безъ конца вести—говаривалъ мой отецъ—такъ просто смерть, право“—и пропускалъ безъ зазрѣнія совѣсти по нѣсколько страницъ. Вырисовка характеровъ, къ которой Вальтеръ-Скоттъ всегда стремился, его не интересовала. Ему—какъ и множеству тогдашнихъ читателей, нравилась всего болѣе въ романѣ интересная сказка—и потому, естественно, что знаменитый романистъ нравился ему тамъ только, гдѣ онъ или повѣствовалъ о важныхъ историческихъ личностяхъ, или—какъ, напримѣръ, въ „Робертѣ, графѣ Парижскомъ“—разсказывалъ разныя любопытныя похожденія.

Вдумавшись впослѣдствіи въ причины моего малаго сочувствія къ множеству самыхъ хваленыхъ романовъ Вальтеръ-Скотта и, напротивъ, очень сильнаго къ вышеупомянутымъ—я нашелъ, что я былъ совершенно правъ по какому-то чутью.

Искусство живетъ прочно и дѣйствуетъ глубоко на душу преимущественно однимъ свойствомъ (кромѣ, разумѣется, таланта ху-

дожника)—искренностію мотивовъ или побужденій, отъ которой зависитъ и самая вѣра художника въ возсоздаваемый имъ міръ, а „безъ вѣры невозможно угодити Богу“—какъ сказано въ Писаніи, да не возможно угодить вполнѣ и людямъ.

Шотландецъ до конца ногтей, сынъ горной страны, сурово хранящей преданія, членъ племени, хотя и вошедшаго въ общій составъ англійской націи и притомъ свободно, не такъ, какъ ирландское,—вошедшаго, но тѣмъ не менѣе хранящаго свою самость и нѣкоторую замкнутость—Вальтеръ-Скоттъ весь полонъ суевѣрной любви къ старому, къ преданіямъ, къ загнаннымъ или сгибшимъ расамъ, къ сверженнымъ династіямъ, къ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ, по мѣстамъ, остаткамъ стараго, замкнутаго быта.

Случайно или не случайно—дѣятельность его совпала съ реставраціонными стремленіями, проявившимися послѣ первой революціи во всей Европѣ. Но—опять-таки, совсѣмъ иное дѣло эти реставраціонныя стремленія въ разныхъ странахъ Европы. Въ Германіи—какъ я уже сказалъ, подъ этими реставраціонными стремленіями билась въ сущности революціонная жила; во Франціи они были необходимой на время реакціей, выродившейся въ новую революцію тридцатаго года—у насъ, наконецъ, они были и остались простымъ стремленіемъ къ очищенію нашей народной самости, бытовой и исторической особенности, загнанныхъ на время терроризмомъ реформы или затертыхъ и заслоненныхъ тоже на время лакомъ западной цивилизаціи.

О насъ и нашихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ говорить еще здѣсь не мѣсто. О Германіи я говорилъ уже съ достаточною подробностію. Чтобы уяснить мою мысль о непосредственно, такъ сказать, перефлективно-реставраціонномъ характерѣ литературной дѣятельности Вальтера-Скотта, я должень сказать нѣсколько словъ о французскихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ.

Но никакъ не о тѣхъ, которыя выказались въ блестящей дѣятельности одного изъ величайшихъ писателей Франціи, Шатобріана—этого глубоко потрясеннаго событіями и странно развороченнаго въ своемъ внутреннемъ мірѣ Рене, который съ полнѣйшею искренностью и съ увлеченіемъ самымъ пламеннымъ ухватился за старый католическій и феодальный міръ, какъ за якорь спасенія. Онъ представляется мнѣ всегда въ видѣ какого-то св. Доминика, страстно, со всѣмъ пыломъ потрясенной души и разбитаго сердца, со всей судорожностью страсти обнимающаго подножіе креста на одной изъ чудныхъ картинъ фра Беато

въ монастырѣ Сапъ-Марко. Не на тѣхъ также стремленіяхъ возьму я французскую реставрацію, которыя начались у Гюго его одами и выродились въ Notre Dame, Le roi s'amuse и блистательно завершились „Мизераблями“: не на напыщенныхъ медитаціяхъ или гармоніяхъ Ламартина... Эпоху, какъ я уже замѣтилъ, нужно брать всегда въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ она на распашку.

Въ это время читающая публика „бредила“—буквально бредила нынѣ совершенно забытымъ и по дѣломъ забытымъ, совершенно дюжиннымъ романистомъ Викентомъ д'Арленкуромъ. Его таинственный пустынникъ и эффектно-мрачный отступникъ Агобаръ, его отмѣченная проклятіемъ чужестранка смѣнили въ воображеніи читателей и читательницъ добродѣтельныхъ Малекъ Аделей и чувствительныхъ Матильдъ. Но смѣнили они вовсе не такъ, какъ хотѣлъ этого авторъ. Авторъ самъ по себѣ—ограниченнѣйшій изъ реставраторовъ и реакціонеровъ: во всѣхъ своихъ усѣхъ имѣвшихъ романахъ („Пустынникъ“, „Чужестранка“, „Отступникъ“), онъ проводитъ одно основное чувство: любовь къ сверженнымъ и изгнаннымъ династіямъ — въ особенности въ „Отступникѣ“ и въ „Инспбоэ“ онъ въ ротъ, что называется, кладетъ, что „Меровинги“ ли перваго романа, прованскіе ли Бозоны второго—для него то же, что Бурбоны,—да публикѣ-то читавшей, въ особенности же не французской, а напримѣръ, хоть бы нашей, никакого не было дѣла до подвиговъ его воительницы дѣвы Эзильды, полной любви къ сверженной династіи, ни до Инспбоэ, возстановляющей всеусердно, хотя и тщетно, Бозоновъ въ Провансѣ. Для французской публики все это были уже старыя тряпки, для нашей—вещи совершенно чуждыя. Не тѣмъ влекъ къ себѣ дюжинный романистъ, а своей французской страстностью, которая помогала ему размѣнивать на мелочь могучіе и однообразно мрачные образы сплинническаго англичанина, къ которому восторженное посланіе написалъ Ламартинъ и котораго нашъ Пушкинъ называлъ, уподобляя его морю, „властителемъ нашихъ думъ“, по которому читающая чернь поклонялась по наслышкѣ и падали, какъ таинственно-мрачному божеству. Всѣ эти Пустынники, Агобары, Чужестранки—были рѣзвительно размѣномъ на мелочь байронизма; размѣномъ, можетъ быть, болѣе доступнымъ черни, чѣмъ самый байронизмъ. Съ другой стороны, извѣстная лихорадочная страстность француза, проникающая по мѣстамъ штуки Викента д'Арленкура — была уже нѣкоторымъ образомъ предвѣстницей той великой полосы литературы, которая называется „юной французской словес-

ностью". Реставраціонныя же стремленія благороднаго Виконта потрачены имъ совершенно задаромъ—и не сумѣй онъ, какъ настоящій, заправскій французъ послужить вмѣстѣ и Богу и мамонѣ, т.-е. не пиши онъ такъ, что и реакціи-то было бы непротивно, и на новыя, страстныя стремленія похоже, онъ бы не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха.

Совсѣмъ другое дѣло—наивно, непосредственно, искренне реставраціонный характеръ Вальтеръ-Скотта—не говоря уже, конечно, объ огромномъ различіи таланта. Весь полный міра преданій, собиравшій самъ съ глубокою любовью пѣсни и преданія родины, чуждый всякихъ политическихъ задачъ и преднамѣренныхъ тенденцій, честный даже до крайней ограниченности, объясняющей его нелѣпую, но искреннюю исторію французской революціи и Наполеона — Вальтеръ-Скоттъ былъ вполнѣ представителемъ шотландскаго духа,—но не съ той грозной и величавой стороны его, которая породила суровый пуританизмъ и Оливера Кромвеля, а со стороны, такъ сказать, общежитейской. Такого другого ограниченнаго мѣщанина, какъ „шотландскій бардъ"—надо поискать да поискать — развѣ только нашъ Загоскинъ будетъ ему подъ пару: его добродѣтельныя лица глупѣе Юрія Милославскаго и Рославлева, приторнѣе братцовъ Чарльсовъ Диккенса. Но дѣло въ томъ, что онъ все-таки поэтъ—и большой, хотя далеко не геніальный, какъ Байронъ или Гюго, поэтъ,—что помимо его воли и желанія вырисовываются передъ нами въ его произведеніяхъ именно тѣ самые образы, къ которымъ не питаетъ онъ нравственной симпатіи—и что, съ другой стороны, есть правда и есть поэтическая прелесть въ его сочувствіи къ загнаннымъ или погибшимъ расамъ, сверженнымъ, но когда-то популярнымъ династіямъ, къ суевѣріямъ и преданіямъ — есть художественная полнота и красота въ его изображеніяхъ замкнутыхъ мірковъ или отошедшихъ въ область прошедшаго типовъ.

Что это за міръ, напримѣръ, совсѣмъ отдѣльный, разобщенный съ остальнымъ міромъ—этотъ міръ Шотландскихъ острововъ, съ его патріархомъ Магнусомъ Труалемъ (я всѣ имена пишу по переводу Воскресенскаго), съ его дочерьми: поэтически-мрачной, суевѣрной, нервной и страстной Минной и съ бѣлокурой, простодушной Бланкой,—съ таинственной—не то помѣшанной, не то ясновидящей заклинательницей стихій Норной, съ загадочнымъ старикомъ проходимцемъ Мертономъ, съ молодцомъ разбойникомъ Клевеландомъ и его остроумнымъ и непотребно-ругающимся това-

рищемъ, съ чудакомъ стихотворцемъ Клавдіемъ Галькро—и съ жаднымъ, лукавымъ разносчикомъ, нецеремонно-пользующимся береговыми правами. Все это живетъ—все это ходитъ и говоритъ передъ нами: мы точно побывали сами на пиру у стараго Магнуса и видѣли во-очію старый танецъ мечей,—мы ѣхали съ Магнусомъ и его дочерьми въ темную ночь гадать къ помѣшанной колдуньѣ; мы стояли съ ней, съ этой колдуньей, на скалѣ и заклинали морской вѣтеръ; мы даже рылись въ заплечномъ чемоданѣ разносчика и съ любопытствомъ разсматривали разныя диковинныя вещи, пріобрѣтенныя имъ нецеремонно, какъ res primi occupantis, въ силу берегового права: мы наконецъ вѣрили, входя въ пещеру Норны, что ея карликъ—дѣйствительно какой-то гномъ, а не существо изъ земного міра. И что за дѣло было намъ, слѣдившимъ съ лихорадочнымъ интересомъ за страстію Минны къ удалому разбойнику и за таинственной симпатіею къ нему колдуньи—до пошлости юноши Мертуна и до сантиментальныхъ отношеній его къ Бланкѣ.

А достолюбезный капитанъ Долджетти въ „Легендѣ о Монтрозѣ“; милый капитанъ, съ величайшей наивностью и по-своему совершенно честно готовый служить и конвенту, и роялистамъ, смотря по тому, кто больше дастъ—Долджетти, взятый въ плѣнъ республиканцами и готовый идти на висѣлицу, потому что еще осталось нѣсколько дней срока до конца его службы Монтрозу и роялистамъ... многоученый капитанъ Долджетти, съ его большею частіею непристойными латинскими цитатами, которыми угощаетъ онъ за столомъ чинную и мрачно-скорбящую пуританку, леди Арджиль?.. А вражда клановъ, а община „дѣтей ночи“, съ ихъ грознымъ, суевѣрнымъ и вмѣстѣ безвѣрнымъ, мрачнымъ и ясновидящимъ предводителемъ; и наконецъ, самъ ясновидящій, какъ Саулъ, терзаемый фуріями и утѣшаемый только звуками арфы прелестной Анны Лейль,—Оллинъ Макголей?.. Что намъ за дѣло, что Анна Лейль любитъ не его, а пошлеца Ментейта?.. Міръ, живой міръ и вмѣстѣ какой-то фантастическій передъ нами: личности, ярко очерченныя, носятся въ нашемъ воображеніи—и поэтъ тутъ видимо въ своемъ элементѣ...

Таковы были книжныя впечатлѣнія, литературныя вѣянія, окружавшія мое дѣтство.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества" (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.

Выпускъ 3-й. Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.

Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Ц. 15 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).

Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.

Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.

Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе.

Выпускъ 8-й. Гоголь и его переписка съ друзьями.

Выпускъ 9-й. Русская литература въ серединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика".)

Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность.

Выпускъ 11-й. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.

Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.

Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова.

Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.

Тип. И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

2007051002